ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ИГНАТОВ Иван Андреевич

«КОНЦЕПЦИЯ "ТРЕТЬЕГО СОСЕДА" ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МОНГОЛИИ (1991-2021 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Стрельцов Дмитрий Викторович

Москва – 2023

Содержание работы

Введение 3
Основная часть. 22
Глава 1. Концепция «третьего соседа»: история возникновения, общая характеристика, мотивы и подходы партнеров Монголии 22
1.1. История возникновения и общая характеристика. 22
1.2. Мотивы и подходы стран «третьего соседа» к развитию связей с Монголией. 30
1.3. Вызовы и перспективы концепции «третьего соседа». 36
1.4. Выводы. 44
Глава 2. Связи Монголии со странами «третьего соседа» в 1991-2021 гг. (на примере Японии и США) 51
2.1. Отношения Монголии и США. 51
2.2. Отношения Монголии и Японии. 69
2.3. Выводы. 92
Глава 3. Международная миротворческая и гуманитарная деятельность Монголии в контексте политики «третьего соседа» 97
3.1. Мотивация, правовые основы и участие Монголии в международной миротворческой деятельности. 97
3.2. Отношения Монголии с государствами-участниками межкорейского урегулирования. 103
3.3. Посредничество Монголии при переговорах КНДР с Японией и США. 109
3.4. Содействие Монголии межкорейскому диалогу. 116
3.5. «Улан-Баторский диалог по безопасности». 121
3.6. Выводы. 127
Заключение 133
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 150

Введение

Данная работа посвящена изучению исторических и международно-политических аспектов монгольской внешнеполитической концепции «третьего соседа» в период с 1991 по 2021 г.

Монголия – страна, занимающая важное стратегическое положение в Северо-Восточной Азии и обладающая богатыми, до конца еще не разведанными запасами природных ресурсов. Ныне она является ареной открытого и скрытого соперничества между Россией, Китаем и третьими странами. В советский период страна долгое время находилась в орбите влияния СССР, между Монголией и Советским Союзом существовали прочные экономические, политические и культурные связи. Но после распада СССР и перехода к демократии Монголия столкнулась с необходимостью выработки нового внешнеполитического курса для того, чтобы укрепить своё положение в изменившейся системе международных отношений и обеспечить внешнюю поддержку дальнейшего социально-экономического развития.

Идея «третьего соседа» Монголии, впервые озвученная вскоре после «демократической революции» в этой стране, впоследствии была оформлена и закреплена в основных монгольских внешнеполитических документах, превратившись для Монголии в ключевой ориентир на международной арене. Суть этой концепции состоит в том, что Монголии следует стремиться к развитию связей с третьими странами (США, Японией, Республикой Корея, странами ЕС, Индией и т.д.), а также международными организациями в противовес непосредственно граничащими с ней Россией и Китаем. Такой курс призван позволить Стране Вечного синего неба избежать чрезмерной зависимости от своих ближайших соседей, одновременно используя борьбу зарубежных стран за влияние на Монголию для собственного развития и укрепления своих позиций во внешней политике. При этом в интересах своей безопасности монголы должны избегать вовлечения в антикитайские и антироссийские коалиции.

Актуальность исследования. В последние годы наблюдается значительное обострение противоречий между двумя непосредственными соседями Монголии – Россией и Китаем, с одной стороны, и странами Запада, входящими в число наиболее влиятельных «третьих соседей». Западные государства, в первую очередь США, стремятся ослабить влияние своих оппонентов в ближнем зарубежье (включая Монголию), а в идеале – окружить их «буферной зоной» из недружественных, западно-ориентированных стран. В этих условиях лучшее понимание того, как менялся со временем монгольский вариант идеи «третьей силы», по каким направлениям Монголия развивает сотрудничество со странами, не имеющими с ней общей границы, и какого рода интерес к Монголии питают западные страны, позволит понять, как следует действовать российской стороне, чтобы не допустить «вытеснения» России из Монголии, столь желанного для наших конкурентов из числа стран «третьего соседа», и будет способствовать более эффективному развитию российско-монгольского сотрудничества.

Научная новизна. С начала 1990-х гг. и до сих пор концепция «третьего соседа» неоднократно становилась темой научных трудов и исследований как монгольских, так и иностранных авторов. В то же время ранее создаваемые работы, как правило, были посвящены либо общей идее монгольского варианта «третьей силы», либо взаимоотношениям Монголии с кем-то из ее «третьих соседей», будь то одно государство, группа государств или международные организации. В данной работе автор предпринял попытку систематизировать имеющиеся сведения об этой концепции, проследить те изменения, которые идея «третьего соседа» претерпела за время своего развития, выявить – на примере Японии и США – основные подходы третьих стран к сотрудничеству с Монголией, а также продемонстрировать другие действия Монголии на международной арене, вытекающие из ее внешнеполитического курса.

Область исследования соответствует следующим направлениям научных исследований МГИМО: «Международные отношения и

страноведение» («Современная система международных отношений» и «Страноведение и регионоведение (подпункты 1.5.1 «Востоковедение» и 1.5.4 «Современная внешняя политика отдельных государств»)), а также «Международные экономические отношения и мировая экономика» («Современные проблемы международных экономических отношений и мировой экономики», подпункты 2.1.3 «Внешнеэкономическая политика и практика отдельных стран» и 2.1.7 «Экономическая политика в странах с рыночной и переходной экономикой»).

Цель данного исследования: проследить эволюцию монгольской внешнеполитической концепции «Третьего соседа» в указанный период и выяснить, какое влияние она оказала на развитие сотрудничества между Монголией и ее основными партнерами из числа третьих стран, а также на самопозиционирование Монголии на международной арене. Соответственно, в рамках этой цели были решены следующие **задачи**:

- изучить историю возникновения, основные характеристики и эволюцию концепции «третьего соседа» в 1991-2018 гг.;
- рассмотреть историю развития двусторонних связей Монголии с третьими странами на примере двух ее крупнейших партнеров из этой группы – Японии и США;
- определить, как характер сотрудничества Монголии со странами «третьего соседа» влиял на их место в соответствующей концепции;
- выявить, как в рамках концепции «третьего соседа» и в интересах укрепления авторитета страны в мире руководство Монголии участвовало в международной миротворческой и гуманитарной деятельности (в частности, на примере ее посреднических усилий в межкорейском урегулировании);
- сделать выводы относительно роли концепции «третьего соседа» во внешней политике Монголии в указанный период, эволюции ее сотрудничества с третьими странами, перспектив

Монголии как международного посредника и миротворца, а также возможного будущего идеи «третьей силы» во внешнеполитическом курсе Монголии.

Объект данного исследования – монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа». Объект исследования является эмпирическим («сущее»).

Предмет данного исследования: исторические и международно-политические аспекты концепции «третьего соседа» (в том числе эволюция самой концепции, история развития связей между Монголией и ее партнерами из числа третьих стран, международная посредническая и миротворческая деятельность Монголии в рамках концепции «третьего соседа»).

Временные рамки данного исследования в основном соответствуют периоду существования независимой демократической Монголии. Хотя общественные выступления в Монголии проходили с декабря 1989 г. по март 1990 г., а ключевые события «демократической революции» имели место 7-9 марта 1990 г., за этим не сразу последовала внешнеполитическая переориентация страны. Разработка новой Конституции, закреплявшей «демократический переход» и обозначившей изменение идейно-политических ориентиров, началась в 1991 г. и продолжалась параллельно завершению «перестройки» и распаду СССР. Именно прекращение существования Советского Союза, который в течение десятилетий являлся основным внешним партнером и союзником Монголии, продемонстрировал руководству страны необходимость разработки нового внешнеполитического курса, который впоследствии и был закреплен в концепции «третьего соседа». Дата завершения периода исследования была выбрана как можно ближе к настоящему времени для придания наибольшей актуальности содержанию данной работы.

Территориальные рамки данного исследования в основном совпадают с границами Монголии. Могут быть включены и территории стран «третьего соседа» в той мере, в какой они вовлечены в сотрудничество с

Монголией, включая участие монголов в международной миротворческой и гуманитарной деятельности.

Научная проблема: «После демократизации Монголия в своей внешней политике стала руководствоваться так называемой концепцией «третьего соседа», предполагавшей преодоление исторической зависимости от ближайших соседей – России и Китая – путем развития отношений с другими странами, в том числе США, Японией, Республикой Корея, странами ЕС и др. При этом с течением времени эта концепция претерпела определённые изменения, что повлияло на характер взаимоотношений Монголии со странами «третьего соседа» и к изменившемуся восприятию Монголией своей роли на международной арене».

Исследовательский вопрос звучит так: «Как менялась концепция «третьего соседа» в период с 1991 по 2018 гг. и как эти изменения отразились на ее связях с партнерами из числа третьих стран, а также на участии Монголии в разрешении международных конфликтов в качестве посредника и миротворца?»

Основная гипотеза: «Если первоначально Монголия стремилась использовать поддержку стран «третьего соседа» для преодоления социально-экономического кризиса, облегчения перехода к демократическому политическом режиму и рыночной экономике, то впоследствии сотрудничество с «третьей силой» стало пониматься в Монголии как путь к достижению устойчивого развития, реализации взаимовыгодных проектов и превращению Монголии в авторитетного посредника при урегулировании международных конфликтов. При этом идеологическая ориентация на западные демократические страны и роль концепции «третьего соседа» в обеспечении безопасности и суверенитета Монголии не претерпели существенных изменений».

Степень разработанности научной проблемы. К сожалению, тема отношений Монголии со странами «третьего соседа» достаточно слабо представлена в русскоязычной научной литературе, где преобладают работы,

посвященные отношениям Монголии с Россией и Китаем. Кроме того, даже из существующей литературы многие работы были написаны сравнительно давно, и актуальность содержащихся в них оценок и прогнозов уже вызывает сомнения. Очевидно, виной тому значительное снижение интереса к Монголии в нашей стране после распада СССР, которое сменилось обратной тенденцией лишь в 2000-е годы – и даже тогда процесс «возвращения» России в Монголию шел крайне медленно. Некоторые российские монголоведы отмечают серьезные проблемы с подготовкой отечественных научных кадров в сфере монголоведения. Для качественного обучения молодых специалистов требуется много лет, при этом темпы роста двусторонних связей остаются медленными, а монгольская тематика слабо освещается в СМИ. В результате даже из решивших идти по научной стезе немногие решают останавливают свой выбор на изучении Монголии, и выходящих на пенсию заслуженных ученых очень сложно заменить. В настоящее время на фоне противостояния России и Запада наблюдается всплеск интереса к Монголии и российско-монгольским связям, но пока сложно судить об устойчивости этой тенденции.

Из имеющихся *русскоязычных научных трудов*, содержащих сведения о взаимоотношениях Монголии со странами «третьего соседа», хотелось бы отметить работы известных отечественных ученых-монголоведов: Г.С.Яскиной, В.В.Грайворонского, М.И.Гольмана и С.Г.Лузянина. Так, в работах Г.С.Яскиной «Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку»[1] и «Монголия и внешний мир»[2] содержатся актуальные и по сей день оценки состояния экономики Монголии и влияния на нее внешних акторов. Статья С.Г.Лузянина «Эволюция политической системы и политической культуры Монголии»[3] из сборника «Политические системы и политические культуры Востока» под редакцией А.Д.Воскресенского показывает, как

[1] Яскина Г.С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку /Г.С.Яскина. - М.: ИВ РАН, 1998 г. – 229 с.
[2] Яскина Г.С. Монголия и внешний мир / Г. С. Яскина // М.: ИВ РАН, 2002. – 220 с.
[3] Лузянин С.Г. Эволюция политической системы и политической культуры Монголии / С. Г. Лузянин // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – с. 731-751

эволюционировала политическая система Монголии под влиянием стран «третьего соседа» после демократизации страны. Работа М.И.Гольмана «Современная Монголия в оценках западных авторов»[4] дает ясное представление об образе Монголии в трудах западных востоковедов, которые, несомненно, оказывают определенное влияние на подходы третьих стран к сотрудничеству с монгольской стороной. Результаты исследований В.В.Грайворонского, приведенные в его книге «Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество)»[5], позволяют составить более точное представление о политической и социально-экономической ситуации в Монголии и о причинах ее заинтересованности в «третьей силе». Кроме того, на русском языке опубликованы труды монгольских исследователей. В частности, книга Б.Баасансурэна «Монголия в тисках ее соседей»[6] представляет точку зрения части монгольского общества о критической значимости развития взаимоотношений с третьими странами ввиду исторического опыта зависимости Монголии от непосредственно граничащих с ней России и Китая.

Из *статей в российских периодических изданиях*, посвященных взаимодействию Монголии с «третьей силой» как с группой стран, следует, опять же, выделить работы отечественных монголоведов. Среди них статьи «Первые шаги к новой модели развития»[7] и «Монголия: светлые перспективы динамичного развития»[8] В.В.Грайворонского, «Размышления о внешней политике Монголии в XX веке»[9] А.С.Железнякова, «Роль внешнего фактора в

---

[4] Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
[5] Грайворонский В.В. Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество) / В.В.Грайворонский // М.: ИВ РАН, 2017, 352 с.
[6] Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей / Б.Баасансурэн – Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014.
[7] Грайворонский В.В. Первые шаги к новой модели развития / В.В.Грайворонский // Восток. – 1996. – № 6. – С. 92-97.
[8] Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития / В.В.Грайворонский // РСМД. - 20 января 2014 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/ (дата обращения: 22.09.2020)
[9] Железняков А.С. Размышления о внешней политике Монголии в XX веке / А.С. Железняков // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 164-183

политическом и социально-экономическом развитии Монголии»[10] Г.С.Яскиной и «Монголия на путях перемен»[11] М.И.Гольмана, отличающиеся объективным взглядом на возможности развития Монголии при содействии зарубежных партнеров – не в последнюю очередь именно третьих стран. Конкретно вопросам сотрудничества между Монголией и «третьим соседом» посвящены такие работы, как «Поиск Монголией нового места в мире: К проблеме «Третьего Соседа»[12] Ю.В.Кузьмина и «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве»[13] В.Б.Базарова. Сквозь призму взаимоотношения с Россией и Китаем на связи Монголии и «третьего соседа» позволяют взглянуть, например, статьи «Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии»[14] и «Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации»[15] С.Г.Лузянина и «Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией»[16] В.А.Родионова.

Следует упомянуть статью И.Г.Аюшиевой «Современная концепция внешней политики Монголии – попытка преодоления буферного характера государственности»[17], в которой автор приводит свой объяснительный анализ внешнеполитической концепции Монголии, включая взаимоотношения с «третьим соседом». Другая работа, «Третий сосед» Монголии как идейно-

---

[10] Яскина Г.С. Роль внешнего фактора в политическом и социально-экономическом развитии Монголии / Г. С.Яскина // Проблемы Дальнего Востока. – 2006, № 3, С. 133-145.
[11] Гольман, М.И. Монголия на путях перемен / М.И.Гольман // Восток. – 1996, № 6, С. 102-104.
[12] Кузьмин Ю.В. Поиск Монголией нового места в мире: К проблеме «Третьего Соседа» / Ю.В.Кузьмин // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 114–117.
[13] Базаров В. Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 136-140.
[14] Лузянин С.Г. Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии / С.Г.Лузянин // Восток. - 1996.- № 6.
[15] Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай: исторические и современные трансформации / С.Г.Лузянин // Восток. - 2021. № 5. С. 141-152.
[16] Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией / В.А.Родионов // Власть. 2013. № 02. С. 137-140
[17] Аюшиева И.Г. Современная концепция внешней политики Монголии – попытка преодоления буферного характера государственности / И.Г.Аюшиева // «Вестник Томского государственного университета». – Томск, 2008, разд. «История», №316, С. 71-73

политический концепт»[18], написанная И.Г.Аюшиевой в соавторстве с В.А.Родионовым, представляет собой подробный анализ данной внешнеполитической концепции с точки зрения геополитики и идеологии, в том числе приводится исследование мотивации и подходов развитых западных держав при сотрудничестве с монголами. Конкретно монголо-японским связям посвящена статья В.Б.Базарова «Монголо-японские дипломатические отношения»[19], где дается четкая картина взаимоотношений Монголии с этой страной. Соответственно, работа Е.В.Бойковой «Монголия-Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений»[20] содержит обзор истории, перспектив и проблем двухстороннего взаимодействия между Монголией и Республикой Корея. Лучшему пониманию монголо-северокорейского сотрудничества и миротворческих усилий монголов способствует статья М.И.Гольмана «Монголия – посредник и партнер КНДР»[21]. Кроме того, своеобразную предысторию развития контактов Монголии с США и другими западными странами представляет работа монгольского исследователя, ныне известного политика Н.-О.Учрала «Международное признание независимого статуса Монголии»[22].

Научные работы и статьи зарубежных авторов на тему «третьего соседа» Монголии более многочисленны, нежели российские; причина этого, по всей видимости, лежит в том повышенном внимании, которое развитые зарубежные страны (как раз и причисляемые монголами к «третьему соседу») начали оказывать Монголии после «демократической революции» и начала рыночных реформ, особенно на фоне ощутимого спада интереса к этой стране

---

[18] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

[19] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

[20] Бойкова Е.В. Монголия-Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений / Е.В. Бойкова // Новое Восточное Обозрение. - 2010 г.

[21] Гольман, Марк. Монголия – посредник и партнер КНДР / Марк Гольман // NEO – Новое Восточное Обозрение, 08.08.2014. URL: https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/ (дата обращения: 24.08.2020)

[22] Учрал, Ням-Осор. Международное признание независимого статуса Монголии / Ням-Осор Учрал // Власть. 2018. № 08. С. 102-104

со стороны России в 1990-е годы, и которое с тех пор лишь возрастало, в том числе ввиду изменения баланса сил в Восточной Азии и открытия новых месторождений полезных ископаемых в Монголии. В условиях конфронтации России со странами Запада, а также обострения китайско-американских противоречий следует ожидать, что внимание иностранных исследователей к монгольской тематике будет становиться еще более пристальным.

Из *научных работ на иностранных языках*, посвященных Монголии и ее отношениям со странами «третьего соседа» в целом, можно выделить книгу М.Россаби «Modern Mongolia : From Khans to Commissars to Capitalists»[23] о современной Монголии, где прослеживается эволюция монгольского государства от феодализма через социализм к капитализму и обозначаются отличительные черты той формы капитализма, которая ныне существует в Монголии, а также работу Дж.Диркса «Change in Democratic Mongolia: Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining»[24], где он всесторонне анализирует состояние демократической Монголии на современном этапе, уделяя внимание, в том числе, и тому влиянию, которое оказало на Монголию сотрудничество со странами «третьего соседа». Из научных работ по взаимоотношениям Монголии с отдельными странами особо следует упомянуть книгу Дж.Эддлтона «Mongolia and the United States: A Diplomatic History»[25], где в том числе дается оценка перспектив развития взаимоотношений Монголии и США. Процесс становления и развития «многоопорной» внешней политики Монголии рассматривает Б.Цэдэндамба в своем труде «Mongolia’s Foreign Policy in the 1990’s: New Identity and New Challenges»[26]. В свою очередь, в таких работах, как книги «The Security of

[23] Rossabi Morris. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists / Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press, 2005, 398 pp.
[24] Dierkes Julian B. Change in Democratic Mongolia: Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining / ed. by Julian B. Dierkes. Leiden: Brill, 2012. – 352 pp.
[25] Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
[26] Tsedendamba B. Mongolia’s Foreign Policy in the 1990’s: New Identity and New Challenges / B. Tsedendamba. – Ulan Bator, 2002. – 135 p.

Small State: Option for Mongolia»[27] Р.Болда и «Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior»[28] Джинны Хей, делается попытка объяснить внешнеполитическую концепцию Монголии принадлежностью этой страны к так называемым «малым государствам» и их традиционной приверженностью многовекторной внешней политике. Книга «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами»[29] Ф.Закарии содержит оценку монгольских либеральных реформ со стороны США и других демократических стран, относящихся к «третьему соседу».

Из *статей в зарубежных научных журналах* заслуживает упоминания статья Алана М. Вахмана «Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting «Soft Colonialism»[30], где представлена его точка зрения на политику «третьего соседа» и сотрудничество Монголии со странами Запада как на способ обеспечить развитие страны и избежать «мягкой колонизации» со стороны ближайших соседей. Р.Томлинсон в своей статье «From Genghis Khan to Milton Friedman: Mongolia's Wild Ride to Capitalism»[31] дает довольно скептические оценки «неподготовленному рывку Монголии к капитализму», который произошел при участии и активной поддержке западных держав, преследующих собственные интересы. Интересный и основательный анализ политики «третьего соседа» проводит индийский исследователь Шарад К. Сони в своей работе «The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with «Immediate»

[27] Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia / R. Bold. – Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, 2000.
[28] Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. 230 pp.
[29] Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М.: Ладомир, 2004.
[30] Allan M. Wachman. Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting "Soft Colonialism" // EAI Fellows Program Working Paper Series 18, Seoul: The East Asia Institute, 2009, p. 9
[31] Tomlinson R. From Genghis Khan to Milton Friedman: Mongolia's Wild Ride to Capitalism. With elan, optimism, and a little help from Harvard, Mongolians are trying to make their country a model of American-style democratic capitalism / R.Tomlinson // Fortune magazine. - 1998. - URL: http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/1998/12/07/252130/index.htm (дата обращения: 24.12.2022).

and «Third» Neighbours»[32]. Из работ монгольских авторов хотелось бы особо отметить статьи заместителя директора Института стратегических исследований Совета национальной безопасности Монголии Ж.Мэндээ, в том числе написанные в соавторстве с другими авторами. Из исследований Ж.Мэндээ, в частности, удалось почерпнуть ценные сведения о международной миротворческой и гуманитарной деятельности Монголии[33] [34]. Важную и малоизученную тему влияния НПО на политику и социальную сферу в Монголии затрагивает Д.Бямбажав в своей работе «NGOS in Mongolia: a Crucial factor in Mongolian Society and Politics»[35]. Наконец, статья Г.Базарвааня «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожуулье» («Расширение политики «третьего соседа»)[36] отражает взгляды монгольских экспертов на дальнейшее развитие концепции «третьего соседа».

Следует отметить, что наибольшее количество статей в зарубежных научных журналах посвящены отношениям Монголии с США и – в несколько меньшей степени – с государствами ЕС. Данные о взаимоотношениях Монголии с Японией и государствами Корейского полуострова куда более скудны. В качестве примеров можно назвать статью центра «Стратфор» «Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement»[37], где изучаются препятствия на пути создания монголо-японской зоны свободной

---

[32] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

[33] Discovering Peacekeeping as a New Mission: Mongolia / Thomas C. Bruneau and Jargalsaikhan Mendee // The Routledge Handbook of Civil–Military Relations / ed. by Thomas C. Bruneau and Florina Christiana Matei. Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, The United Kingdom: Routledge, 2013, pp. 204-210.

[34] Mendee, Jargalsaikhan. Mongolia's Peacekeeping Commitment / Col. Jargalsaikhan Mendee // National Defense Intelligence College, May 2007. URL: https://www.ni-u.edu/ni_press/pdf/Mongolia_Peacekeeping_Commitment.pdf (дата обращения: 03.04.2021)

[35] Byambajav D. NGOS in Mongolia: a Crucial factor in Mongolian Society and Politics / D. Byambajav // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – №13. – P. 132-146.

[36] Базарваань Г. «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожуулье [Расширение политики «Третьего соседа»] / Г.Базарваань // Старатегийн судалгаа – The Mongolian journal of strategic studies. – 03.2013. - №63. – С. 16-20.

[37] Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // Stratfor Analysis. - March 2012, p. 34 1 p. URL: https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement (дата обращения: 15.08.2019)

торговли, а также несколько небольших статей, главным образом посвященных монголо-японскому взаимодействию в сферах здравоохранения и экологии (таких, как работа Б.Доржсурэна «Financing health promotion in Japan and Mongolia»[38]). Связи Монголии с КНДР и возможности для монголов сыграть роль миротворцев в межкорейском примирении рассмотрены в статьях «Mongolia's Small Country Diplomacy and North Korea»[39] Л.Болор, «Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia»[40] коллектива авторов и «Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia?»[41] Э.Вишник. Кроме того, важным источником сведений о взаимоотношениях Монголии с Республикой Корея стали статьи американской ученой А.Кэмпи, в том числе «Mongolia–South Korean Relations»[42] и «Expanding Prospects For ROK - Mongolian Relations – The View From Ulaanbaatar»[43].

Источниковая база исследования. В качестве источниковой базы данной работы были выбраны следующие материалы:

1) официальные документы Монголии и государств «третьего соседа». В эту группу входят действующие законодательные акты Монголии

[38] Bayarsaikhan, Dorjsuren. Financing health promotion in Japan and Mongolia / Dorjsuren Bayarsaikhan // Bulletin of the World Health Organization. - November 2008, Vol. 86 Issue 11, p. 896-897.
[39] Bolor Lkhaajav. Mongolia's Small Country Diplomacy and North Korea / Bolor Lkhaajav // The Diplomat, September 29, 2016. URL: https://thediplomat.com/2016/09/mongolias-small-country-diplomacy-and-north-korea/ (дата обращения: 11.04.2021)
[40] Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings, January 20, 2015. URL: https://www.brookings.edu/opinions/mongolia-potential-mediator-between-the-koreas-and-proponent-of-peace-in-northeast-asia/ (дата обращения: 09.09.2020)
[41] Wishnick, Elizabeth. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat, June 19, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 03.09.2020)
[42] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.
[43] Campi, Alicia. Expanding Prospects For ROK - Mongolian Relations – The View From Ulaanbaatar / Alicia Campi // Korea Economic Institute of America. - December 2012. - URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/kei_koreacompass_template_aliciacampi.pdf (дата обращения: 20.05.2021)

(Концепция внешней политики[44], Концепция национальной безопасности[45], Основы государственной военной политики Монголии[46], закон «О Вооруженных силах»[47] и др.) и законопроект США «Mongolia Third Neighbor Trade Act»[48], находящийся на рассмотрении Конгресса США.

2) тексты выступлений лидеров и представителей исследуемых стран, включая речи[49] [50] и совместные заявления[51] [52].

3) информационные материалы и публикации, размещенные внешнеполитическими ведомствами[53] [54] [55], посольствами[56] [57],

---

[44] Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011. URL: https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340 (дата обращения: 15.08.2019)

[45] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010. URL: https://www.legalinfo.mn/annex/details/8070?lawid=6163 (дата обращения: 01.05.2021)

[46] Монгол Улсын Төрийн цэргийн бодлогын үндэс [Основы государственной военной политики Монголии] // URL: https://vip76.mn/law/project/97 (дата обращения: 14.05.2020)

[47] Зэвсэгт хүчний тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «О Вооружённых силах»] // 16.05.2002. URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/285?lawid=285 (дата обращения: 09.08.2020)

[48] H.R.2824 - Mongolia Third Neighbor Trade Act // Official website for U.S. Federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2824/text?s=1&r=1 (дата обращения: 09.04.2022)

[49] Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка – Монголия] // U.S. Embassy in Mongolia, 21.04.2015. URL: https://mn.usembassy.gov/ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambc-general-meeting/ (дата обращения: 03.03.2020)

[50] President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии] // 21.11.2005. URL: https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2005/57239.htm (дата обращения: 03.06.2020)

[51] Joint Statement // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://www.mfa.gov.mn/old/?p=30572&lang=en (дата обращения: 14.09.2021)

[52] MEDIA NOTE: Declaration on the Strategic Partnership between the United States of America and Mongolia // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/strategic-partnership-declaration-us-mongolia/ (дата обращения: 17.09.2021)

[53] Ulaanbaatar Dialogue Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://mfa.gov.mn/en/documentation/61403/ (дата обращения: 15.06.2021)

[54] 2021 Investment Climate Statements: Mongolia // U.S. Department of State official website. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/mongolia__trashed/ (дата обращения: 08.03.2022)

[55] Japan-North Korea Relations. Abduction Victims Identified by the Government of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan website. / December 28, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000068.html (дата обращения: 01.05.2021)

[56] Culture and Education // U.S. Embassy in Mongolia. URL: http://mongolianembassy.us/culture-and-education/#.YG74aFAmxPY (дата обращения: 02.04.2021)

[57] Japan’s Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF (дата обращения: 18.08.2020)

представительствами[58] и государственными агентствами[59] [60] [61] Монголии и стран «третьего соседа», а также международными организациями (ООН[62], НАТО[63], АБР[64]).

4) информационные материалы и публикации, размещенные некоммерческими организациями[65] и экспертно-аналитическими компаниями[66] [67].

5) статистические данные, подготовленные Национальным статистическим комитетом Монголии[68] или полученные из иных источников[69].

Теоретико-методологическая основа исследования. Методологические принципы исследования предполагают использование историко-генетического, историко-описательного (и политико-

[58] U.S.-Mongolia Trade Facts // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/mongolia (дата обращения: 10.07.2021)
[59] Mongolia and the USAID // The USAID Official Website. URL: http://www.usaid.gov/mongolia/history (дата обращения: 07.07.2020)
[60] Mongolia Water Compact // Millennium Challenge Corporation website. URL: https://www.mcc.gov/where-we-work/program/mongolia-water-compact (дата обращения: 03.12.2021)
[61] Signing of Japanese ODA Loan Agreement with Mongolia: Contributing to COVID-19 crisis response in Mongolia through providing budgetary support // Japan International Cooperation Agency website, November 5, 2020. URL: https://www.jica.go.jp/english/news/press/2020/20201105_30.html (дата обращения: 22.03.2021)
[62] Mongolia Joins Standby Arrangements for Peacekeeping Operations // the United Nations website, 27.09.1999. URL: https://www.un.org/press/en/1999/19990927.pko82.doc.html (дата обращения: 05.04.2021)
[63] NATO helps to strengthen Mongolia's cyber defence capacity // NATO website, 18 Jan. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180697.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 04.04.2021)
[64] Mongolia: Strengthening Health Security Program (Subprogram 1) // Asian Development Bank website. URL: https://www.adb.org/projects/54228-001/main (дата обращения: 28.04.2021)
[65] Mongolia Forum on Northeast Asian Peaceful Development and Korean Unification (October 26, 2021 - October 28, 2021) // Global Peace Foundation website. URL: https://www.globalpeace.org/event/mongolia-forum-northeast-asian-peaceful-development-and-korean-unification (дата обращения: 18.11.2021)
[66] Asia-Pacific: Mongolia: investment darling no more // International Financial Law Review. - March 2013, Vol. 32 Issue 2, p. 46-46.
[67] Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // Stratfor Analysis. - March 2012, p. 34 1 p. URL: https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement (дата обращения: 15.08.2019)
[68] Хөрөнгө оруулалт 2020 [Инвестиции 2020] // Үндэсний статистикийн хороо [Национальный статистический комитет Монголии], 2021. URL: https://www2.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Investment_2020.pdf&ln=Mn (дата обращения: 29.04.2021)
[69] Mongolia / Japan // The Observatory of Economic Complexity (OEC) website. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/mng/partner/jpn (дата обращения: 27.02.2022)

описательного), историко-системного, историко-сравнительного и иных методов анализа.

Историко-генетический (исторический) метод является одним из наиболее распространенных в исторических исследованиях и издавна применяется в исторической и других гуманитарных науках, в междисциплинарных исследованиях. Сущность его состоит в исследовании изменений при рассмотрении того или иного явления, института, процесса за весь период его существования, то есть от зарождения (генезиса) до исчезновения (отмирания). Именно за счет применения этого метода возможно наилучшим образом проследить эволюцию концепции «третьего соседа», включая предпосылки ее формирования и возможные перспективы, а также ход развития взаимоотношений Монголии с ее партнерами из числа третьих стран и участия монголов в международной миротворческой и гуманитарной деятельности. При этом историко-генетический метод позволяет выявить причинно-следственные связи и закономерности развития и применения монгольской внешнеполитической концепции, позволяя лучше понять суть и современное состояние идеи «третьего соседа».

Историко-описательный метод некоторые исследователи (например, И.Д.Ковальченко) рассматривают как часть историко-генетического метода. В его основе лежит систематизация исторического материала в текстовой форме с использованием языка источников с целью наиболее полно отразить основные характеристики объекта изучения. Политико-описательный метод, разновидность историко-описательного, по существу, сводится к реферированию документальных источников. Очевидно, что без первичной информации, полученной с использованием этих методов, было бы невозможно исследование концепции «третьего соседа» и взаимоотношений Монголии с зарубежными партнерами.

В историко-системном методе реализуются принципы системного подхода, принципы которого были разработаны И.В.Блаубергом, Л. фон Берталанфи и другими исследователями. Этот метод направлен на изучение

процессов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей, а также динамических изменений. В развитии школы системного подхода к изучению международных отношений МГИМО принимали участие такие ученые, как М.А.Хрусталев, Т.А.Шаклеина, А.Д.Богатуров, а впоследствии также И.А.Истомин, А.А.Сушенцов, А.А.Байков и другие. Использование данного подхода при рассмотрении монгольской концепции «третьего соседа» представляется целесообразным, поскольку позволяет изучать взаимоотношения Монголии с «третьим соседом» не только по отдельности, но и как единое целое – систему с характерными для нее общими тенденциями и изменениями под воздействием различных внутренних и внешних факторов. К последним, помимо прочего, относятся монголо-российские и монголо-китайские связи, равно как и влияние противоречий между непосредственными соседями Монголии и третьими странами (в первую очередь коллективным Западом) на характер и масштабы их сотрудничества с монгольской стороной.

Историко-сравнительный (сравнительно-исторический) метод предназначен для выявления общих черт и особенностей путем сопоставления исторических объектов или явлений, имеющих разные пространственные и временные характеристики. Этот метод известен с древних времен, но общепризнанным считается с XIX в., когда использовался в исторических и социологических исследованиях О.Контом, Г.Спенсером, М.М.Ковалевским, а позднее – М.Вебером, К.Марксом, А.Тойнби и другими учеными. В данной работе он используется, например, при установлении различий между приоритетными интересами различных стран в Монголии и при изучении изменившихся акцентов в сотрудничестве монголов с их партнерами из числа государств «третьего соседа».

В качестве теоретической основы исследования был избран политический реализм – парадигма в теории международных отношений, некогда сформулированная Г.Моргентау и определяющая международную

политику как борьбу государств за контроль и влияние в мире (преследование государствами своих интересов, поддержать и укрепить свою безопасность и т.д.). Такое ключевое для реализма понятие, как баланс сил, напрямую связано с монгольской концепцией «третьего соседа», как и вообще с идеями многовекторной внешней политики и равноудаленности от зарубежных центров силы. Акцент на государствоцентризм, характерный для реализма, также отвечает целям данного исследования, поскольку, ввиду относительной неразвитости гражданского общества в Монголии и аффилирования многих международных структур с государствами либо группами государств, резонно утверждать, что ключевой элемент в отношениях Монголии со странами «третьего соседа» – это именно межгосударственные отношения (пусть масштабы взаимодействия Монголии с международными организациями и возрастают). Принципы политического реализма позволяют не просто описать процесс развития отношений между Монголией и странами «третьего соседа», но и объяснить их конкретные действия на международной арене как стремление расширить свое политическое и экономическое влияние. Так, власти Монголии стремятся получить от зарубежных инвесторов средства, необходимые для дальнейшего экономического развития и модернизации, и укрепить авторитет и влияние страны на международной арене, а третьи страны преследуют цели усилить свои геополитические позиции в стратегически важном регионе СВА и обеспечить контроль над долей в запасах все более редких природных ресурсов.

Апробация исследования. Основные тезисы исследования представлены автором в четырех публикациях в научных журналах и выступлении на конференции:

1. Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Японские исследования. – 2020. – №1. – С. 69-84.

2. Игнатов И.А. Игнатов И.А. Американо-монгольские отношения в контексте концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – №9. – С. 44-57.

3. Игнатов И.А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – №6. – С. 6-14.

4. Игнатов И.А. Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – №1. – С. 53-67.

5. Игнатов И.А. Монгольская концепция «третьего соседа» и ее влияние на развитие российско-монгольских отношений / «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией». – Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2021. – С. 91-96.

Структура кандидатской диссертации (по главам) выглядит следующим образом. В первой главе речь идет об истории возникновения концепции «третьего соседа», дается ее характеристика и описываются основные изменения, которые идея «третьего соседа» претерпела в указанный период. Во второй главе данная концепция и ее эволюция иллюстрируется на примере двух крупнейших зарубежных партнеров Монголии из числа третьих стран – Японии и Соединенных Штатов Америки. Третья глава посвящена еще одному аспекту идеи «третьего соседа», а именно: международной миротворческой и гуманитарной деятельности Монголии, в том числе участию этой страны в процессе урегулирования одного из наиболее серьезных международных конфликтов современности – конфликта на Корейском полуострове. В конце каждой главы следуют краткие выводы, которые затем обобщаются в заключении.

Основная часть.

Глава 1. Концепция «третьего соседа»: история возникновения, общая характеристика, мотивы и подходы партнеров Монголии

1.1. История возникновения и общая характеристика.

Масштабные реформы, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х гг., привели к активизации аналогичных процессов в ориентировавшихся на Советский Союз социалистических странах, а впоследствии и к распаду всего так называемого «Восточного блока». Вопрос поиска нового места в системе международных отношений, вставший перед всеми бывшими союзниками СССР с началом постбиполярного периода, для Монголии был особенно актуален. В этой стране, где мирный переход к демократии произошел в 1990 г., вскоре начался тяжелейший экономический кризис, вызванный прекращением масштабной советской экономической помощи при одновременной необходимости дальнейших политических реформ и перехода экономики на рыночные рельсы[70]. Учитывая, что Монголия географически расположена между Россией и Китаем, чье владычество над Монголией в эпоху империи Цин до сих пор является причиной негативного восприятия Поднебесной для многих монголов, выработка нового внешнеполитического курса была серьезным вызовом для монгольской политической элиты. Ответом на этот вызов стала так называемая концепция «третьего соседа».

Термин «третий сосед» была изначально озвучен государственным секретарем США Дж.Бейкером в ходе его визита в Улан-Батор в 1990 г. Говоря о готовности Соединенных Штатов оказать помощь Монголии при проведении демократических преобразований и при переходе к свободной рыночной экономике, американский дипломат заявил о готовности США стать «третьим соседом» Монголии. Это высказывание тогда не привлекло

[70] Rossabi Morris. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists / Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press, 2005, 398 pp.

большого внимания за пределами Монголии, но монгольская политическая элита и эксперты подхватили и развили мысль заокеанского политика, увидев в ней задел для столь необходимого стране нового курса во внешней политике. В стремлении к большей независимости Монголии от ее ближайших соседей – России и Китая – в Улан-Баторе разрабатывали новую внешнеполитическую концепцию, основанную на принципе «многоопорности»[71]. Этот принцип, схожий с идеей многовекторности во внешней политике, предусматривает расширение связей с внерегиональными странами, чтобы уравновесить российское и китайское влияние на Монголию. Представление о не граничащих с Монголией государствах, в особенности принадлежащих к центрам силы мировой политики, как о её коллективном «третьем соседе» и геополитической «третьей опоре» на международной арене вполне органично дополняло монгольский вариант многовекторности. Новый внешнеполитический курс вскоре был закреплен в основных внешнеполитических документах страны, включая Концепцию внешней политики[72] и Концепцию национальной безопасности Монголии[73]. По мере развития отношений демократической Монголии с внерегиональными партнерами идея «третьего соседа» постепенно получила и международное признание как на уровне государств, так и в экспертном сообществе[74]. Для США, а затем и для их союзников окончательному принятию этой идеи способствовал масштабный пересмотр стратегических интересов после терактов 11 сентября 2001 г. и последующего начала американской «Войны против терроризма»[75].

---

[71] Базаров В. Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // Власть. 2016. Том 24. № 10. С. 83-87.
[72] Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011.
[73] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010.
[74] Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
[75] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

Суть концепции «третьего соседа» состоит в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми государствами Запада и Востока (именно их обычно относят к «третьему соседу»), извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами. При этом монголам следует избегать чрезмерной зависимости от какой-либо одной державы либо группы государств, балансируя между ними, играя на их противоречиях и «стремлении править миром»[76]. Разумеется, Монголии необходимо избегать и участия в коалициях, направленных против кого-либо из ее партнеров, во избежание возникновения угроз своей национальной безопасности. Монголия также стремится к поддержанию и укреплению отношений с ООН, ее специализированными учреждениями и с международными организациями, как межправительственными (ОБСЕ, ШОС, АСЕМ, Движение неприсоединения и др.), так и финансовыми, торговыми и экономическими (МВФ, группа Всемирного Банка, ВТО и др.). С одобрения властей и при их поддержке на монгольской земле ведут активную деятельность правительственные агентства и НПО из стран «третьего соседа». Кроме того, Монголия принимает активное участие в международной миротворческой и гуманитарной деятельности, в том числе в миротворческих миссиях под эгидой ООН и НАТО, и содействует урегулированию международных конфликтов, в частности на Корейском полуострове.

Сама по себе идея внешнеполитического курса, основанного на поддержании определенного баланса во взаимоотношениях с другими странами ради извлечения максимальной выгоды для себя, не является чем-то уникальным. Принцип многовекторности во внешней политике часто «берут на вооружение» страны, причисляемые к «малым государствам», то есть обладающие небольшими запасами ресурсов, населением и/или территорией, что делает их объектами геополитического воздействия региональных и

[76] Базаров В. Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // Власть. 2016. Том 24. № 10. С. 83-87.

великих держав. Более развитые и крупные государства, конечно, также могут стремиться к более сбалансированным связям с зарубежными партнерами – такую цель преследовала, например, «Новая восточная политика» («Ostpolitik») ФРГ при канцлере В.Брандте и «Северная политика» южнокорейского президента Ро Дэ У – но для них такой внешнеполитический курс служит, прежде всего, средством достижения собственных целей на международной арене. В случае же малых стран сбалансированная внешняя политика – единственный способ сохранить экономическую и политическую независимость, получить ресурсы для внутреннего развития и стать самостоятельной величиной в мире[77]. Альтернативой такому пути может быть только превращение в сателлита региональной или мировой державы. Такой курс, конечно, сулит стране определенные экономические выгоды и военную защиту, но ставит крест на какой-либо самостоятельности во внешней, а зачастую и во внутренней политике.

В случае Монголии страна, не имеющая выхода к морю, географически зажата между Россией и Китаем – двумя великими державами, каждая из которых в разные исторические периоды ограничивала суверенитет Монголии и возможности третьих стран сотрудничать с ней[78]. Хотя идеологическое противостояние времен «холодной войны» осталось в прошлом, в постсоветский период среди представителей монгольской элиты, не без поддержки некоторых зарубежных акторов, распространилось мнение о принадлежности ближайших соседей их страны к «авторитарным» или «недемократическим» государствам и об их противостоянии «свободному миру», к которому принадлежит и Монголия[79]. Кроме того, многие монголы полагают, что со стороны перенаселенной Поднебесной исходит угроза

[77] Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. 230 pp.
[78] Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia / R. Bold. – Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, 2000.
[79] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

поглощения слаборазвитой Монголии с населением, примерно равным 3 млн. человек[80]. Китай уже является ключевым экономическим партнером монголов, значительно опережая Россию, не говоря о третьих странах; растет и китайское влияние на Монголию в других отраслях, включая образование, медицину, сферу инфраструктуры[81]. В Стране вечного синего неба некоторые опасаются, что китайское экономическое влияние со временем может быть конвертировано в политическое, и болезненная реакция Пекина на визиты в Улан-Батор почитаемого в стране буддистского иерарха – Далай-ламы – лишь подтверждает это в глазах монгольской общественности. Все эти факторы наряду с желанием элиты Монголии извлечь выгоды из сотрудничества с максимальным количеством экономически развитых стран, не жертвуя при этом суверенитетом государства, привели к формированию концепции «третьего соседа» в ее нынешней форме.

При участии Монголии в деятельности международных организаций также соблюдается определенный баланс между ближайшими соседями и третьими странами. С одной стороны, Монголия первой получила статус постоянного наблюдателя в ШОС, в последние годы среди руководства страны и в обществе активно обсуждается возможность присоединения к этой организации в качестве полноправного члена. Монголы сотрудничают и с ЕАЭС, с которым с 2016 г. ведутся переговоры по вопросам вступления в союз и создания зоны свободной торговли. Кроме того, Монголия принимала активное участие в разработке подписанной летом 2016 г. на полях саммита ШОС «Программы создания экономического коридора Россия-Монголия-Китай» и в переговорах с главами этих государств в трехстороннем формате[82]. С другой стороны, монгольские власти плотно взаимодействуют и с рядом организаций, связанных со странами «третьего соседа» и декларирующих

[80] Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей / Б.Баасансурэн – Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014.
[81] Базаров В. Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // Власть. 2016. Том 24. № 10. С. 83-87.
[82] Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д., Намжилова В. О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО. 2017. № 5 (515). С. 98–106.

приверженность западным либеральным ценностям. Как уже было сказано выше, монгольские военные не раз принимали участие в миротворческих операциях под эгидой НАТО, в том числе в Афганистане, Ираке и Косово; в 2012 г. была утверждена Индивидуальная программа партнёрства и сотрудничества Монголии с Североатлантическим альянсом. В 2011 г. Монголия стала страной-председателем «Сообщества демократий», что послужило признанием успешности проведенных властями реформ в глазах западных демократических государств и развития сотрудничества между ними и монголами[83]. На протяжении многих лет на монгольской земле работают офисы и представители правительственных агентств и НПО стран «третьего соседа», в числе которых АМР США, JICA, KOICA, The Asia Foundation, корпорация «Вызовы тысячелетия» (MCC), Корпус мира, The Nippon Foundation и многие другие. Их деятельность служит значимым инструментом влияния государств коллективного Запада на Монголию в рамках «мягкой силы» и оказывает прямое воздействие на ход экономического развития страны.

По мнению как монгольских, так и зарубежных исследователей, концепция «третьего соседа» имеет геополитический и идеологический характер и основана на идее баланса сил между ближайшими соседями Монголии (которых западные и прозападные эксперты причисляют к «авторитарным режимам») и внерегиональными державами из числа членов мирового демократического сообщества. По определению к странам «третьего соседа» могут быть отнесены все государства, не имеющие общей границы с Монголией и при этом достаточно развитые, чтобы быть способными уравновесить российское и китайское влияние[84]. Соответственно, в зависимости от внешних обстоятельств и политической целесообразности

[83] Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» / В.А.Родионов, А.С.Железняков // РСМД, 01.10.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariey/ (дата обращения: 20.09.2021)

[84] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

монгольское руководство имеет возможность заявлять о принадлежности той или иной страны к «третьему соседу» Монголии либо исключать их из этой группы. Однако на практике далеко не все государства, с которыми Монголия активно развивает отношения, причисляются к «третьему соседу» в монгольских официальных документах. Так, в Концепции внешней политики Монголии (2011 г.) в контексте стратегии «третьего соседа» упомянуты такие государства, как США, страны ЕС, Япония, Республика Корея, Индия и Турция[85]. Монгольская Концепция национальной безопасности (2010 г.) в части, посвященной той же стратегии, говорит о развитии «двустороннего и многостороннего сотрудничества с высокоразвитыми демократиями»[86]. Монгольский исследователь Д.Уламбаяр в своих работах, посвященных «третьему соседу», также отмечает, что в это понятие во внешнеполитических документах Монголии включаются страны, удовлетворяющие двум критериям: во-первых, государства с демократическим политическим режимом либо их объединения, во-вторых, экономически развитые державы[87]. Иначе говоря, для монгольского государства «третий сосед» – это в первую очередь развитые демократические страны Запада и Востока, главным образом Соединенные Штаты и их союзники, а не просто все страны мира за исключением Китая и России.

В Монголии государства коллективного Запада воспринимаются как носители ценностей, утвердившихся в стране после 1990 г., вследствие чего в политико-идеологическом плане монголы ориентируются именно на западные страны[88]. Более того, для монгольской стороны от поддержания демократического имиджа страны зависит и продолжение притока зарубежных инвестиций, кредитов и финансовой помощи, в которых

---

[85] Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011.
[86] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010.
[87] Ulambayar D. A New Paradigm in Mongolia's «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing / D.Ulambayar // Pax Mongolica 2017, №2, pp. 18-28
[88] Tsedendamba B. Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges / B. Tsedendamba. – Ulan Bator, 2002. – 135 p.

экономика Монголии остро нуждается даже сейчас, когда период перехода к рыночной экономической системе давно позади. В результате монгольская сторона вынуждена продолжать реализацию реформ и экономических мер, рекомендуемых странами «третьего соседа» и аффилированными с ними международными организациями: в этом случае действующие в стране западные неправительственные организации (НПО) вновь подтвердят свои высокие оценки монгольской демократии, репутация Монголии как демократической страны будет сохранена, и приток средств из стран Запада не иссякнет. Вследствие этого концепция «третьего соседа» оказывает самое прямое влияние на процесс развития российско-монгольских и российско-китайских отношений. При принятии политических решений, связанных со взаимоотношениями с кем-либо из ближайших соседей (как, например, подписание межправительственных соглашений), монгольские власти и эксперты оценивают, могут ли новые обязательства монгольской стороны каким-то образом нарушить сложившийся «баланс сил», увеличив влияние России или Китая на Монголию в ущерб странам «третьего соседа». В случае если существует даже небольшая вероятность такого исхода, руководство Монголии может отказаться от данного решения, опасаясь обвинений в пренебрежении национальными интересами от оппозиции и общественности, а также негативной реакции западных стран и инвесторов. Такая ситуация вполне устраивает «третьих соседей», более того, они стремятся к ее сохранению, а также к закреплению в монгольском обществе и элите сугубо положительного образа своих стран и отрицательного – ближайших соседей Монголии[89].

Таким образом, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана не только с сохранением политической, экономической и культурной самостоятельности, с обеспечением безопасности страны и защиты ее границ

[89] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

от возможных внешних военных угроз, но и с обеспечением дальнейшего устойчивого развития монгольской экономики посредством получения на льготных условиях средств от развитых демократических стран, а также с сохранением доминирования в монгольской политической жизни западных идей и ценностей, возобладавших в Монголии после «демократической революции» 1990 г.

1.2. Мотивы и подходы стран «третьего соседа» к развитию связей с Монголией.

После Национальной революции в Монголии в 1911 г. монгольское руководство, помимо контактов с Россией, предпринимало попытки заручиться поддержкой западных держав и Японии в борьбе за независимость от Китая. Эти усилия не увенчались успехом: третьи страны были не заинтересованы в конфликт с Китаем в преддверии большой войны в Европе, а в некоторых случаях монгольские делегаты попросту не смогли добраться до пункта назначения[90]. Несмотря на эту неудачу, монголы не оставили попыток наладить контакты с «дальним зарубежьем»: так, в середине 1920-х гг. уже социалистическая Монгольская Народная Республика (МНР) направила несколько десятков студентов на обучение в Германию[91]. Тем не менее полноценное развитие отношений со странами, которые позднее станут для Монголии «третьим соседом», было сильно затруднено – как ввиду долгого непризнания ими независимости МНР, так и из-за принадлежности страны к социалистическому лагерю. Установление державами Запада дипломатических отношений с Монголией после 1945 г. и присоединение МНР к Организации Объединенных Наций в 1961 г., не сильно изменили

[90] Ewing, Thomas E. Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911-1921: A Reappraisal / Thomas E. Ewing // The Slavonic and East European Review, July 1980, Vol. 58, No. 3, pp. 399-421

[91] Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. – Seoul, June 18, 2013. URL: https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy (дата обращения: 10.09.2021)

ситуацию: в противостоянии «холодной войны» монголы и третьи страны оказались на разных сторонах. Некоторые государства, включая США, даже препятствовали присоединению Монголии к ООН, не желая усиления позиций СССР в этой организации[92]. Имело место лишь небольшое число совместных проектов, таких, как участие Японии в строительстве фабрики кашемировых изделий «Гоби» на монгольской земле[93].

С завершением «холодной войны» ситуация кардинальным образом изменилась. Развитые демократические страны Востока и Запада (в первую очередь США и их союзники в Европе и Восточной Азии) быстро оценили значимость налаживания сотрудничества с Монголией. Им представилась возможность протянуть руку помощи бывшему «лояльному сателлиту» СССР на его пути в «мировое содружество свободных народов» и заполнить геополитический вакуум, возникший после распада СССР, увеличив свое политическое и экономическое влияние на страну, расположенную в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии[94]. В числе мотивов держав, ныне причисляемых монголами к «третьему соседу», можно назвать также желание замедлить усиление позиций Китая на фоне «ухода» России из Монголии и избежать роста нестабильности в регионе ввиду продолжения ухудшения экономической ситуации в Монголии (такое развитие событий было особенно нежелательно для других стран СВА, в первую очередь Японии)[95]. Кроме того, развитие сотрудничества с Монголией позволяло им начать внедрение своих ценностей и идеологических установок в монгольское общество, тем более что руководство страны демонстрировало готовность к таким переменам (эта мотивация особенно характерна для США и

[92] Учрал, Ням-Осор. Международное признание независимого статуса Монголии / Ням-Осор Учрал // Власть. 2018. № 08. С. 102-104
[93] Japan’s Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF (дата обращения: 18.08.2020)
[94] Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
[95] Japan’s Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF (дата обращения: 18.08.2020)

европейских стран)[96]. Соответственно, они стремились обеспечить политическую и идеологическую ориентацию демократической Монголии именно на государства «третьего соседа», оказав ей содействие в ходе либеральных реформ и при выходе из экономического кризиса, а впоследствии – получить доступ к богатейшим запасам природных ресурсов на монгольской земле[97].

Первоначально сотрудничество Монголии с «третьим соседом» было в основном каналом гуманитарной помощи для страны, в начале 1990-х годов пострадавшей от ухудшения экономической ситуации ввиду разрыва многолетних связей с Россией и потери основного источника финансовой помощи. США и их союзники оказали монголам содействие при переходе к рыночной экономике и демократической политической системе, поддержали присоединение Монголии к международным финансовым и торгово-экономическим организациям (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), что облегчило для монголов доступ к внешним рынкам и новым источникам помощи развитию. Япония возглавила Рабочую группу стран-доноров Монголии, участники которой предоставившую монголам безвозмездную помощь и льготные кредиты на сотни миллионов долларов[98]. Эксперты из западных стран содействовали монгольским властям в разработке нового законодательства в духе либеральной демократии, включая законы о выборах. Массированная помощь стран «третьего соседа» обеспечила достаточно быструю перестройку монгольской политической и экономической системы, при этом смягчив негативный эффект от кризиса для сельского хозяйства страны и позволив избежать голода[99]. В этот же период к работе на монгольской земле приступили правительственные агентства (Агентство

---

[96] Железняков А. С., Баасансурэн Д., Недяк И. Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики / А.С.Железняков, Д.Баасансурэн, И.Л.Недяк // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121-132.

[97] Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.

[98] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

[99] Яскина Г.С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку /Г.С.Яскина. - М.: ИВ РАН, 1998 г. – 229 с.

США по международному развитию, Японское агентство международного сотрудничества) и НПО из третьих стран (The Asia Foundation, Корпус мира, подразделения The Nippon Foundation и др.), которые впоследствии будут играть важную роль при формировании за рубежом образа новой демократической Монголии и будут способствовать продолжению притока в страну зарубежных инвестиций.

В конце 1990-х годов, когда кризисные явления в монгольской экономике были преодолены, а переход к демократии и рынку в основном завершился, акценты в отношениях между монголами и «третьим соседом» несколько изменились. Хотя предоставление финансовой помощи Монголии не было прекращено (более того, ее масштабы постепенно возрастали), компании из зарубежных стран и их монгольские партнеры приступили и к реализации совместных взаимовыгодных проектов. Примечательно, что инвесторы из государств «третьего соседа» не боятся вкладывать деньги не только в добычу полезных ископаемых, но и в другие отрасли монгольской экономики, чья перспективность менее очевидна: в энергетику (в том числе возобновляемую), строительство транспортной и информационной инфраструктуры, сферу услуг, туристическую отрасль, обрабатывающую промышленность (в частности, легкую) и т.д.[100] Регулярно проходят обмены визитами и встречи представителей монгольских властей с коллегами из стран «третьего соседа», подписываются двусторонние соглашения и меморандумы, где закрепляется партнерский статус отношений и нацеленность на дальнейшее сотрудничество[101]. Для продолжения экономического развития страны монголы заинтересованы в передаче технологий, в сохранении и увеличении притока инвестиций в горнодобывающую отрасль и другие перспективные направления, и зарубежные партнеры из числа третьих стран

[100] Базаров В. Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 136-140.
[101] Ulambayar D. A New Paradigm in Mongolia’s «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing / D.Ulambayar // Pax Mongolica 2017, №2, pp. 18-28

способны все это обеспечить[102]. При этом со временем стали очевидны определенные различия в подходах к связям с Монголией у «третьих соседей» из числа стран Запада и Востока.

Страны Запада географически расположены далеко от Монголии, и геополитический фактор в их отношениях с этой страной безоговорочно доминирует. США и страны ЕС стремятся сделать Монголию своего рода «витриной» развития в условиях «стабильного свободного рынка и демократического общества» на основе либеральной модели, наглядным примером для других стран Центральной и Северо-Восточной Азии[103]. Они убеждают руководство страны в необходимости продолжения политических и экономических реформ, которые направлены на развитие в Монголии либеральной демократии и гражданского общества по западному образцу, а также на борьбу с коррупцией и поддержку национальных частных предприятий[104]. Содействие монгольским властям в этих начинаниях (в том числе через западные НПО) дает Западу возможность обрести дополнительные рычаги влияния на политическую жизнь страны и укрепляет их геополитические позиции в Восточной Азии. Тем же целям способствует присоединение Монголии к таким международным организациям, как ОБСЕ и Сообщество демократий, и продолжение взаимодействия в сфере безопасности и в гуманитарной сфере. Государства-члены НАТО приветствовали участие монгольских военных в миссиях альянса (Афганистан, Ирак Косово), несмотря на малочисленность контингента ВС Монголии. За культурное влияние на монголов западные страны борются через программы культурных и образовательных обменов (Программа Фулбрайта, программа «Эразмус» и т.д.) и содействие совершенствованию

[102] Базарваань Г. «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожуулье [Расширение политики «Третьего соседа»] / Г.Базарваань // Старатегийн судалгаа – The Mongolian journal of strategic studies. – 03.2013. - №63. – С. 16-20.
[103] Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
[104] Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М.: Ладомир, 2004.

преподавания английского языка в школах и вузах Монголии[105]. Помимо этого, их компании при поддержке правительств проявляют немалый интерес к монгольским природным ресурсам, несмотря на наличие проблем с логистикой и непростым отношением монгольского общества к горнорудным проектам с иностранным участием.

Отношение стран Востока (в первую очередь Японии и Республики Корея) к сотрудничеству с Монголией несколько иное. Статус союзников США заставляет их учитывать фактор геополитики, но географическая и культурная близость вносят свои коррективы. Монголия является для этих стран значимым рынком сбыта: по таким товарным позициям, как автомобили и техника для горнорудной и строительной отраслей, они уверенно удерживают лидерство[106] [107]. Как и их западные коллеги, восточные страны «Третьего соседа» стремятся обеспечить доступ своим компаниям к природным богатствам Монголии, но при этом они одними из первых осознали немалый потенциал отраслей монгольской экономики, не относящихся к добывающей сфере. Японские и южнокорейские компании были пионерами при инвестировании в монгольскую банковскую систему, строительство транспортной, жилищной инфраструктуры и коммуникаций, а также в легкую промышленность и энергетику. Наиболее заметных успехов добилась Япония, которая не боялась вкладывать средства в масштабные долгосрочные проекты и теперь обладает в этих сферах существенным влиянием, будучи способна потягаться не только с другими «третьими» соседями, но и с Россией или Китаем[108]. Развивается сотрудничество в культурной и образовательной сферах, в здравоохранении. Кроме того, соседи Монголии по СВА больше других озабочены поддержанием мира и

[105] Dulguun B. 2019 proclaimed “Mongolia-U.S. Youth Year” / B.Dulguun // The UB Post. - March 2019, № 023 (1991), p. 4.
[106] Campi, A. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi// The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.
[107] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.
[108] Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens / B.Dulguun // The UB Post. - July 2019, № 076 (2044), p. 3.

стабильности в регионе, поскольку от этого зависит их собственная национальная безопасность, а потому с немалым интересом воспринимают монгольские инициативы по посредничеству в конфликте на Корейском полуострове[109].

1.3. Вызовы и перспективы концепции «третьего соседа».

Монгольские эксперты и ученые из других стран неоднократно отмечали: концепция «третьего соседа» успешно исполняет ту роль, для которой некогда была создана[110]. Появление «третьей опоры» внешней политики Монголии позволило этой стране преодолеть наиболее тяжелый период «демократического перехода» и становления рыночной экономики в условиях прекращения массированной советской помощи. Возможность балансировать между великими державами, имеющими интересы в Монголии, открывает доступ к дополнительным ресурсам для развития страны без утраты самостоятельности во внешней и внутренней политике. Реализация совместных экономических проектов с развитыми демократическими государствами укрепляет экономическую безопасность Монголии, хотя и не способна уравновесить влияние непосредственных соседей. Наконец, активная миротворческая деятельность и готовность к развитию контактов с другими государствами вне зависимости от их политического режима повышают международный престиж Монголии и ее значимость как самоценного актора на мировой арене. Тем не менее в настоящее время высказываются опасения, что те или иные партнеры Монголии, руководствуясь собственными интересами, могут попытаться принудить монголов к пересмотру внешнеполитического курса. В этом случае баланс в

[109] Campi, A. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457.
[110] Железняков А. С., Баасансурэн Д., Недяк И. Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики / А.С.Железняков, Д.Баасансурэн, И.Л.Недяк // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121-132.

отношениях Монголии с иностранными партнерами будет нарушен, а монгольской «многоопорности» в том виде, в котором она существует сейчас, придет конец.

Некоторые исследователи из государств Запада утверждают, что политика «третьего соседа» не может считаться гарантией невмешательства (в том числе военного) России или Китая во внутренние дела Монголии. Эта страна, отмечают они, не имеет выхода к морю и имеет общие границы лишь с двумя державами, а следовательно, именно с ними будет прямо или косвенно связана любая внешняя угроза её безопасности, которая может возникнуть в будущем. В случае если один из непосредственных соседей Монголии решится предпринять какие-то действия, представляющие прямую угрозу её суверенитету и национальной безопасности, монгольскому руководству не стоит рассчитывать, что третьи страны встанут на ее защиту. При таких обстоятельствах монголам придется, как прежде, обратиться к одному из граничащих с ней государств, которое сможет противостоять другому. Таким образом, развитие отношений с «третьим соседом» позволяет ограничивать усиление позиций России и КНР в Монголии лишь до тех пор, пока эти две державы «сдерживают друг друга»[111]. Кроме того, каких бы успехов монголы ни добились в расширении связей с «дальним зарубежьем», Страна вечного синего неба остается заложником своего географического положения, и возможности сопредельных государств укреплять свое влияние на Монголию всегда будут значительно превосходить возможности стран «третьего соседа»[112].

Монгольские эксперты более осторожны в оценках возможной роли третьих стран при посягательстве Китая или России на суверенитет Монголии. Вероятно, эта сдержанность объясняется тем, что даже гипотетические

[111] Allan M. Wachman. Mongolia's Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting "Soft Colonialism" // EAI Fellows Program Working Paper Series 18, Seoul: The East Asia Institute, 2009, p. 9

[112] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

построения такого рода могут быть болезненно восприняты китайскими и российскими властями, а также тем, что исследователи из Монголии в принципе не слишком склонны рассматривать военную интервенцию северного или южного соседа как реалистичный вариант развития событий. И все же в монгольских научных статьях и высказываниях политиков порой встречаются рассуждения о сложном отношении России и КНР к политике «третьего соседа». Так, экс-посол Монголии в Республике Корея Б.Ганболд, выступая с лекцией в Сеуле, говорил о том, что такой внешнеполитический курс на определенном этапе привел к росту недоверия в отношениях с ближайшими соседями монголов, поскольку создал у них неверное впечатление, что Монголия «содействует продвижению американской повестки дня»[113]. Впрочем, монгольский дипломат тут же заявил, что эти проблемы в прошлом, и сейчас Китай и Россия поддерживают политику «третьего соседа», потому что в ее основе лежит баланс интересов всех государств-партнеров Монголии. Другие монгольские эксперты и экс-сотрудники МИД прямо говорят о заинтересованности Москвы и Пекина в сокращении влияния западных стран на Монголию, особенно с учетом их все более активных действий на международной арене и конфронтации с Западом. Некоторые высказывают мысли о желании южного и северного соседей «заморозить» монгольские природные ресурсы и не допустить их разработки третьими странами, даже если они сами тоже не получат доступа к месторождениям Монголии, и о сохраняющейся возможности иностранной интервенции – правда, только из КНР[114]. Наконец, ряд исследователей отмечают доминирующую роль Китая как торгово-экономического партнера монголов и потенциальную угрозу суверенитету страны ввиду столь сильной экономической зависимости от одного государства. В этом, кстати, с

[113] Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. – Seoul, June 18, 2013. URL: https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy (дата обращения: 10.09.2021)
[114] Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей / Б.Баасансурэн – Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014.

монгольскими коллегами солидарны российские учёные[115]. Более того, в своих работах они подчёркивают: как ни парадоксально, ослабление «российской опоры» внешней политики Монголии и усиление позиций западных компаний на монгольском рынке в большей степени способствует росту влияния Китая, а не стран «третьего соседа» [116].

Следует особо отметить, что с развитием китайской инициативы «Один пояс – один путь» взгляды монголов на потенциальную угрозу, исходящую из Поднебесной, несколько изменились. Если ранее усиление позиций КНР как торгового и инвестиционного партнера Монголии однозначно трактовалось как угроза, то сейчас все чаще монгольские эксперты и политики высказывают мнение, что трансграничная кооперация с Китаем и связующая роль, которую Монголия играет в китайском мегапроекте «Шёлкового пути», не создают системных рисков для Монголии. Масштабные инвестиции, выделяемые КНР на развитие транспортной инфраструктуры в странах, через которые будут проходить экономические коридоры в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути», могут стать для Монголии серьезным подспорьем при развитии собственной транспортной системы и обеспечении дальнейшего экономического роста. В то же время это не отменяет угроз, которые несет усиление китайского экономического влияния на Монголию по другим направлениям, и проблема поиска оптимального соотношения между вызовами и возможностями, которые Стране Вечного синего неба несет сотрудничество с южным соседом, остается актуальной и долговременной[117].

Угрозу нарушения баланса, заложенного в концепции «третьего соседа», в значительной степени создают действия самих развитых демократических государств – партнеров монголов. Как уже говорилось ранее,

---

[115] Железняков А. С., Баасансурэн Д., Недяк И. Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики / А.С.Железняков, Д.Баасансурэн, И.Л.Недяк // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121-132.

[116] Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией / В.А.Родионов // Власть. 2013. № 02. С. 137-140

[117] Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай: исторические и современные трансформации / С.Г.Лузянин // Восток. - 2021. № 5. С. 141-152.

несмотря на то что период перехода Монголии к рыночной экономике давно позади, стране по-прежнему крайне необходим приток средств из-за рубежа для обеспечения дальнейшего социально-экономического развития[118]. Доступ к льготным кредитам, дотациям и инвестициям из стран «третьего соседа» в значительной степени зависит от сохранения имиджа Монголии как открытого демократического государства – а этот имидж зависит от соответствующих оценок и докладов аффилированных с западными странами международных организаций, правительственных агентств и НКО. В своих выступлениях представители государственных органов и экспертного сообщества из стран «третьего соседа» превозносят успехи Монголии на пути демократизации и построения открытой рыночной экономики, при этом подчеркивая, что их «общность демократических ценностей» с Монголией является залогом ее дальнейшего успешного развития[119]. Зачастую они увязывают демократическую риторику с лоббированием экономических интересов своих стран в Монголии[120]. Подобное характерно не только для крупнейших партнеров монголов из числа третьих стран – США и Японии – но и, например, для Индии. Одновременно монголов предостерегают от расширения сотрудничества с «недостаточно демократическими» государствами и от присоединения к международным объединениям с участием таких стран, вроде Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Некоторые западные эксперты заходят настолько далеко, что изображают Монголию практически как «осаждённую крепость»: они говорят о том, что Монголия окружена «авторитарными и агрессивными сверхдержавами», которые «не желают

[118] Anudari M. Japan to grant USD 1.8 mln non-refundable aid to Mongolia / M.Anudari // Montsame, March 12, 2019.
[119] President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии] // 21.11.2005.
[120] Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка – Монголия] // U.S. Embassy in Mongolia, 21.04.2015.

усиления демократической идентичности Монголии», и даже сравнивают южного и северного соседей монголов со Сциллой и Харибдой[121].

В условиях нарастания противоречий между странами коллективного Запада и ближайшими соседями Монголии – Россией и КНР – дальнейшая реализация концепции «третьего соседа» может оказаться под вопросом. В своей нынешней форме она предполагает неучастие в антикитайских и антироссийских блоках и коалициях. Несмотря на участие монгольских военнослужащих в военных миссиях США и НАТО в Афганистане, Ираке и Косово и совместных учениях с подразделениями Вооруженных сил Соединенных Штатов и союзных им стран, Монголия неизменно отвергала попытки интегрировать ее в американскую систему союзов в Азии. Хорошо представляя себе реакцию России и Китая и помня о географическом факторе, монгольское руководство не желает столь серьезного подрыва своей национальной безопасности и не заинтересована в ситуации, когда развитие связи с каким-либо из «третьих соседей» нанесет серьезный ущерб интересам соседей ближайших. Положение «наиболее демократичной страны региона» однозначно импонирует многим в монгольской элите, но этого недостаточно, чтобы пойти на такой серьезный риск[122]. Однако продолжающееся ухудшение отношений между непосредственными и «третьими» соседями Монголии может привести к усилению давления последних на монгольскую сторону по данному вопросу и по другим международным инициативам Запада, направленным против России и Китая. Угрожая сокращением или перекрытием притока финансов из стран «третьего соседа», монголов уже сейчас фактически принуждают проводить определенную политику, в том числе сдерживают их сближение со странами, придерживающимися

[121] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

[122] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia’s Tryst with “Immediate” and “Third” Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

«додемократического мышления»[123]. Впоследствии Соединенные Штаты и их союзники пойти еще дальше: попытаться принудить Монголию к пересмотру своей внешнеполитической концепции и к однозначному выбору между своими основными партнерами. Подобные действия ранее предпринимались в отношении других близких к России государства на территории бывшего СССР и за ее пределами, пытавшихся проводить многовекторную внешнюю политику[124].

В этой ситуации монголы, вполне вероятно, вне зависимости от их собственных желаний могут предстать перед выбором: отказаться от политики «третьего соседа» или существенно ее пересмотреть. Отказ Монголии поддержать политику Запада может быть расценен США как «предательство» демократических ценностей и повод ограничить финансовую помощь, получаемую монголами от третьих стран, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до очередной «цветной революции». Одновременно может резко возрасти российское и китайское влияние с перспективой появления новой концепции, где центральную роль будет играть балансирование Монголии между интересами северного и южного соседей (в случае, если их устроит такая система). Согласие же будет означать пересмотр концепции «третьего соседа» в пользу приоритетности связей с США и их союзниками в ущерб отношениям с Россией и КНР, а также приведет к масштабному подрыву национальной безопасности Монголии, поскольку ее ближайшие соседи, разумеется, не смогут проигнорировать превращение страны в военно-политический плацдарм враждебно настроенных государств. Как российской, так и китайской стороне придется учитывать это при работе на монгольском направлении и принять во внимание те вызовы в сфере

[123] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.

[124] Игнатов И.А. Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – №1. – С. 53-67.

национальной безопасности, которые возникнут перед Россией, Китаем и Монголией в случае, если последнюю будут склонять к такому выбору.

1.4. Выводы.

После распада «Восточного блока» и перехода Монголии к демократии в стране начался тяжелый экономический кризис, вызванный прекращением советской помощи, разрывом экономических связей с СССР и трудностями перехода к рыночной экономике. Перед монгольским руководством стоял вопрос выработки нового внешнеполитического курса, и ответом на него стала концепция «третьего соседа». Сама идея «третьего соседа» Монголии была изначально высказана американским дипломатом Дж.Бейкером применительно к США, но монгольские государственные деятели и эксперты подхватили и развили его мысль. В стремлении к большей независимости от России и Китая монголы пришли к пониманию необходимости «многоопорной» внешней политики, и поддержание связей с коллективной «третьей силой» органично дополняло монгольский вариант многовекторности. Новая концепция была закреплена в основных внешнеполитических документах Монголии, а со временем получила и международное признание.

Суть концепции «третьего соседа» состоит в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми государствами Запада и Востока (именно их обычно относят к «третьему соседу»), при этом извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами, балансируя между ними, избегая чрезмерной зависимости от кого-либо из них и участия в создаваемых ими военно-политических союзах. Монголии также следует сотрудничать с международными организациями (в том числе финансово-экономическими), иностранными правительственными агентствами и НГО, принимать активное участие в международной миротворческой деятельности и содействовать урегулированию конфликтов. Предусмотренный концепцией «третьего соседа» баланс прослеживается не только в межгосударственных связях, но и во взаимоотношениях Монголии с

международными организациями. Монголы сотрудничают как с ЕАЭС и ШОС, где доминируют Россия и Китай, так и со структурами, аффилированными с третьими странами: среди них НАТО, «Сообщество демократий», различные НПО и правительственные агентства.

Подобный внешнеполитический курс зачастую встречается и у других малых государств, стремящихся обеспечить развитие страны и сохранить политическую и экономическую независимость, избежав превращения в сателлита какой-либо великой державы. В случае Монголии страна не имеет выхода к морю и граничит только с двумя государствами – Китаем и Россией – каждое из которых в разные исторические периоды ограничивало ее суверенитет. При этом среди части монгольской элиты распространено мнение о принадлежности обоих соседей к «авторитарным державам», идеологически противостоящим «свободному миру» и Монголии как его части. Кроме того, многие монголы опасаются поглощения либо подчинения их страны КНР, которая уже имеет огромное влияние на монгольскую экономику. Эти факторы также повлияли на формирование политики «третьего соседа» в ее нынешнем виде.

По мнению как монгольских, так и зарубежных исследователей, концепция «третьего соседа» имеет геополитический и идеологический характер и основана на идее баланса сил между ближайшими соседями Монголии (которых западные и прозападные эксперты причисляют к «авторитарным режимам») и внерегиональными державами из числа членов мирового демократического сообщества. Основные внешнеполитические документы Монголии в числе стран «третьего соседа» называют США, страны ЕС, Японию, Республику Корея, Индию и Турцию, характеризуя их как «высокоразвитые демократии». Иначе говоря, для монголов «третий сосед» – это в первую очередь экономически развитые демократические страны Запада и Востока, главным образом Соединенные Штаты и их союзники, а не просто все страны мира за исключением Китая и России. Государства коллективного Запада в Монголии воспринимаются как носители ценностей, утвердившихся

в стране после 1990 г., вследствие чего в политико-идеологическом плане монголы ориентируются именно на западные страны. Более того, от «третьего соседа» и связанных с ним организаций зависит репутация Монголии как демократической страны и, соответственно, продолжение притока иностранных инвестиций и помощи, в которых монголы все еще остро нуждаются для обеспечения экономического развития. Вследствие этого при развитии отношений с ближайшими соседями монгольское руководство вынуждено постоянно оценивать, не вызовет ли тот или иной шаг резко негативной реакции партнеров из числа западных стран. Такая ситуация вполне устраивает государства «третьего соседа», и они стремятся к ее сохранению, а также к закреплению среди монголов сугубо положительного образа своих стран и отрицательного – России и Китая. Таким образом, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана не только с сохранением политической, экономической и культурной самостоятельности, с обеспечением безопасности страны и защиты ее границ от возможных внешних военных угроз, но и с обеспечением дальнейшего устойчивого развития монгольской экономики посредством получения на льготных условиях средств от развитых демократических стран, а также с сохранением доминирования в монгольской политической жизни западных идей и ценностей, возобладавших в Монголии после «демократической революции» 1990 г.

В XX веке развитие отношений между Монголией и будущими странами «третьего соседа» было сильно затруднено, вначале из-за непризнания ими независимости Монгольской Народной Республики, затем по причине принадлежности к противостоящим лагерям в ходе «холодной войны». В 1990-х годах эти государства приступили к активному укреплению связей с Монголией: сотрудничество с ней не только сулило им геополитические и, в перспективе, экономические выгоды, но и позволяло избежать роста нестабильности в регионе, а также внедрить в монгольское общество свои ценности и идеологию. Первоначально сотрудничество

Монголии с «третьим соседом» сводилось в основном к поставкам гуманитарной помощи, которая позволила обеспечить быструю перестройку монгольской политической и экономической системы, при этом смягчив негативный эффект от кризиса. При содействии зарубежных партнеров было разработано новое либеральное законодательство, монголы присоединились к международным экономическим и финансовым организациям (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), в стране заработали офисы западные НПО. С конца 1990-х гг., когда кризис в монгольской экономике и переход к демократии в основном завершились, государства «третьего соседа» приступили к реализации взаимовыгодных совместных проектов с монгольскими партнерами, вкладывая средства как в разработку месторождений Монголии, так и в другие перспективные отрасли. Предоставление финансовой помощи при этом не прекратилось, а ее масштабы даже постепенно возрастали. Между монгольскими властями и третьими странами ведется непрерывный диалог, происходят обмены визитами и встречи, подписываются двусторонние соглашения. Между западными и восточными странами «третьего соседа» со временем проявились определенные различия в подходах к сотрудничеству с монголами. Если интерес стран Запада к Монголии в большей степени обусловлен соображениями геополитики и идеологии, то восточные страны в большей степени заинтересованы в Монголии как в рынке сбыта и экономическом партнере, а также посреднике и миротворце при урегулировании конфликта на Корейском полуострове.

Эксперты из Монголии и других стран отмечают: концепция «третьего соседа» успешно исполняет ту роль, для которой некогда была создана. Появление «третьей опоры» внешней политики Монголии и возможность балансировать между великими державами, имеющими интересы в этой стране, позволили монголам преодолеть кризисный период 1990-х гг., укрепить свою экономическую безопасность и получить доступ к дополнительным ресурсам для развития без утраты суверенитета, а активная

международная миротворческая деятельность повысила международный престиж Страны Вечного синего неба. Тем не менее ныне высказываются опасения, что те или иные партнеры Монголии, руководствуясь собственными интересами, могут попытаться принудить монголов к пересмотру внешнеполитического курса.

Исследователи из стран «третьего соседа» утверждают, что ввиду своего географического положения Монголия, несмотря на развитие связей с другими странами, остается уязвимой к посягательствам на ее суверенитет со стороны сопредельных России и Китая. В случае их вмешательства во внутренние дела Монголии, включая прямую военную интервенцию, другие державы не смогут оказать монголам реальную помощь. Монгольские эксперты более осторожны в оценках, но упоминают подозрения ближайших соседей в продвижении Монголией американской повестки дня и их стремление ограничить связи монголов с «третьим соседом», особенно ввиду их нынешней конфронтации с Западом. Ряд исследователей высказывают опасения о чрезмерно большом влиянии Китая на экономику Монголии, которое впоследствии может перерасти в политическую зависимость и даже военную угрозу со стороны Поднебесной. Российские учёные, со своей стороны, отмечают, что от ослабления «российской опоры» внешней политики Монголии ввиду действий государств «третьего соседа» в большей степени выигрывают не они, а именно КНР.

Следует особо отметить, что с развитием китайской инициативы «Один пояс – один путь» взгляды монголов на потенциальную угрозу, исходящую из Поднебесной, несколько изменились. Все чаще монгольские эксперты и политики высказывают мнение, что трансграничная кооперация с Китаем и связующая роль, которую Монголия играет в китайском мегапроекте «Шёлкового пути», не создают системных рисков для Монголии. Масштабные инвестиции, выделяемые КНР на развитие транспортной инфраструктуры в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути», могут стать для Монголии серьезным подспорьем для собственного развития. В то же время это не

отменяет угроз, которые несет усиление китайского экономического влияния на Монголию по другим направлениям, и проблема поиска оптимального соотношения между вызовами и возможностями, которые Стране Вечного синего неба несет сотрудничество с южным соседом, остается актуальной и долговременной.

Деятельность третьих стран ныне сама по себе представляет угрозу для баланса, лежащего в основе концепции «третьего соседа». Монголия по-прежнему остро нуждается в притоке средств из-за рубежа для дальнейшего социально-экономического развития. Доступ к инвестициям и безвозмездной помощи со стороны развитых демократических государств зависит от имиджа Монголии как открытого демократического государства, а соответствие страны этому образу определяют оценки агентств и НПО, связанных с «третьим соседом». Руководство третьих стран это прекрасно понимает и не стесняется увязывать демократическую риторику с лоббированием собственных экономических интересов в Монголии, одновременно предостерегая монголов от слишком тесных связей с «недемократическими» Россией и Китаем, а также созданными ими международными объединениями вроде ШОС. Концепция «третьего соседа» в ее нынешней форме предполагает неучастие Монголии в антикитайских и антироссийских блоках и коалициях, и монгольское руководство, несмотря на участие в военных миссиях США и НАТО, не желает нарушать этот принцип и идти на столь очевидный подрыв национальной безопасности своей страны. Однако в условиях продолжающегося ухудшения отношений между непосредственными соседями Монголии и коллективным Западом во главе с США последние могут усилить давление на монгольскую сторону по данному вопросу и по другим международным инициативам, направленным против России и Китая, с целью принудить монголов к однозначному выбору между своими основными партнерами. Подобное, увы, ранее уже происходило с другими близкими к России государствами на территории бывшего СССР и за ее пределами.

Если западные страны действительно пойдут по этому пути, монголам придется сделать выбор: отказаться от политики «третьего соседа» или существенно ее пересмотреть. Отказ Монголии пойти на поводу у Запада приведет к ограничению финансовой помощи и, вероятно, попыткам организации в стране «цветной революции», а также значительному росту ее зависимости от непосредственных соседей. Согласие же будет означать пересмотр концепции «третьего соседа» в пользу приоритетности связей с США и их союзниками в ущерб отношениям с Россией и КНР, которые не смогут проигнорировать превращение Монголии в военно-политический плацдарм враждебно настроенных государств. Как российской, так и китайской стороне придется учитывать такую возможность при работе на монгольском направлении и принять во внимание вызовы в сфере национальной безопасности, которые возникнут перед Россией, Китаем и Монголией в случае, если последнюю будут склонять к такому выбору.

Глава 2. Связи Монголии со странами «третьего соседа» в 1991-2021 гг. (на примере Японии и США)

2.1. Отношения Монголии и США.

Политическая и идеологическая мотивация сторон. Развитие связей с США является одним из ключевых элементов концепции «третьего соседа». Среди монгольской элиты многие считают, что КНР и Россия с их «авторитарными» режимами и доминированием государства в экономике представляют путь развития, противоположный тому, который избрала Монголия с началом демократических реформ[125]. В этих условиях «всеобъемлющее партнёрство» с первой экономикой мира, крупнейшей из западных демократий, претендующей на мировое лидерство, и мощнейшей в военном плане державой способно надёжно обезопасить Монголию от чрезмерного усиления влияния ближайших соседей[126]. В зависимости от обстоятельств (будь то изменение масштабов торговли, безвозмездной помощи и т.д.) те или иные страны могут становиться для Монголии более значимыми или отходить на второй план, но отношения с Соединёнными Штатами не потеряют актуальности.

В свою очередь, США стремятся нарастить своё присутствие в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии ввиду стремительного роста экономической мощи азиатских стран и их политического веса на мировой арене. Демократическая Монголия, сохраняющая политическую и идеологическую ориентацию на страны Запада, способна стать проводником американского влияния в регионе, укрепить американские позиции в условиях сложных отношений с Россией и Китаем, а также, возможно, помешать

[125] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.
[126] Tsedendamba B. Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges / B. Tsedendamba. – Ulan Bator, 2002. – 135 p.

созданию нежеланного для Соединённых Штатов российско-китайского альянса[127]. В США неоднократно отмечали потенциал Монголии в качестве посредника при урегулировании региональных конфликтов в Северо-Восточной Азии ввиду хороших отношений со всеми государствами региона, в том числе с КНДР и Республикой Корея. Американский бизнес также проявляет интерес к богатейшим запасам природных ресурсов на монгольской земле, хотя экономическая значимость Монголии для США куда ниже политической ввиду явного преимущества более близких соседей Монголии при развитии с ней торгово-экономических связей.

Соответственно, американцы стремятся не допустить отхода Монголии от нынешнего курса как в политической, так и в экономической сфере, сохранить важную роль «третьего соседа» в политической жизни страны и не допустить роста влияния России или КНР в Монголии. США призывают Монголию продолжать укрепление таких демократических принципов, как плюрализм и равенство, и содействовать развитию частного предпринимательства, взамен обещая монгольскому руководству всемерную поддержку в этих вопросах. Отношение Вашингтона к демократическим процессам в Монголии было отражено в выступлении президента Дж. Буша-младшего в 2005 г.: «Монголия осуществила переход от коммунизма к свободе, и всего за 15 лет вы создали живую демократию и открыли свою экономику. Вы – пример успеха для этого региона и для всего мира»[128].

Как уже было упомянуто ранее, самим термином «третий сосед» Монголия обязана именно Соединённым Штатам. В августе 1990 г. государственный секретарь Дж. Бейкер находился в Монголии с визитом, призванным продемонстрировать поддержку только что прошедшей «демократической революции» и первым свободным парламентским выборам

[127] Игнатов И.А. Игнатов И.А. Американо-монгольские отношения в контексте концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – №9. – С. 44-57.
[128] President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии] // 21.11.2005.

в этой стране. На встрече с монгольским руководством американский дипломат назвал США «третьим соседом» Монголии, давая тем самым понять, что Улан-Батор может рассчитывать на помощь Вашингтона при проведении демократических реформ и становлении рыночной экономики[129]. В США слова Бейкера вскоре забылись, но монгольская политическая элита, как раз находившаяся в поиске основы для обновлённого внешнеполитического курса страны, подхватила и развила его идею. Впоследствии термин «третий сосед» был закреплён в таких монгольских официальных документах, как Концепция национальной безопасности[130] и Концепция внешней политики Монголии[131], причем в последней Соединенные Штаты поставлены на первое место среди всех причисляемых к «третьему соседу» государств. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. переоценка Вашингтоном национальных стратегических интересов после терактов в США 11 сентября 2001 г. и объявления войны против терроризма способствовали более пристальному вниманию американской стороны к развитию отношений с государствами Востока, и американцы также стали использовать ссылки на идею «третьего соседа» в официальных документах и научных работах по американо-монгольским связям.

Политические связи, договорно-правовая база отношений. США и Монголия установили дипломатические отношения в 1987 г., вскоре после этого были подписаны двустороннее Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры и образования (1989 г.) и Консульская конвенция (1990 г.). Среди действующих американо-монгольских договоров в сфере торговли и инвестиций следует упомянуть Межправительственное соглашение о торговле и инвестициях (1991 г.), Договор об инвестициях (1994 г.), Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (2004 г.) и Соглашение о

[129] Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
[130] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010.
[131] Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011.

транспарентности в сфере международной торговли и инвестиций (2013 г.). В 1996 г. было заключено межправительственное соглашение о военном сотрудничестве (Agreement on military visits and exchanges between the Government of Mongolia and Government of the USA). С 1999 г. на Монголию были распространены нормальный режим торговых отношений и Общая система преференций США в сфере торговли. При поддержке США Монголия присоединилась к таким международным организациям, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В 2011-2013 гг. Монголия председательствовала в межправительственной организации «Сообщество демократий», призванной содействовать укреплению демократии во всём мире. США и Монголия также сотрудничают в рамках ООН и Регионального форума АСЕАН (АРФ).

С 1990 г. регулярно проходят визиты и встречи представителей властей двух стран на всех уровнях вплоть до высшего[132]. Так, в сентябре 2018 г. визит в США нанёс премьер-министр Монголии У.Хурэлсух, а в августе 2019 г. – монгольский президент Х.Баттулга. В ходе его переговоров с президентом Д.Трампом главы двух государств заявили о приверженности дальнейшему развитию сотрудничества в сферах экономики и безопасности, и американо-монгольским отношениям был официально придан статус стратегического партнёрства[133]. С 2015 г. ежегодно проводятся трехсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств США, Монголии и Японии: на этих саммитах предметом обсуждения становится экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из её «третьих соседей» и вопросы согласования внешнеполитических действий в интересах всех трёх сторон, а также проблемы региональной безопасности и интеграции[134]. Кроме того,

[132] Turmunkh R. President's Chief of Staff Z.Enkhbold Visits USA / R.Turmunkh // The UB Post, № 015 (1983), 11 февраля 2019 г., стр. 1.
[133] MEDIA NOTE: Declaration on the Strategic Partnership between the United States of America and Mongolia // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/strategic-partnership-declaration-us-mongolia/ (дата обращения: 17.09.2021)
[134] Joint Statement Mongolia-Japan-U.S. Trilateral Meeting // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/ (дата обращения: 15.08.2020)

представители США участвуют в организуемой монгольской стороной с 2014 г. международной конференции «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» (Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security). Участники американских делегаций не раз заявляли о высокой оценке этого формата, предоставляющего возможность для встреч «на нейтральной территории» представителей всех государств, вовлечённых в конфликты в регионе, включая и процесс урегулирования на Корейском полуострове[135].

Безвозмездная помощь, совместные проекты. США начали оказывать Монголии безвозмездную помощь с 1991 г., вскоре после «демократической революции». В том же году было положено начало деятельности в Монголии Агентства международного развития (АМР) и Корпуса мира США. Впоследствии монголы получали американскую помощь в основном именно через АМР, в форме грантов. За первые 17 лет, 1991-2008 гг., Монголия получила от Соединённых Штатов через эту организацию безвозмездной помощи на сумму около 174 млн. долл. В эти годы АМР сосредоточилось на оказании руководству страны помощи, направленной на максимальное сглаживание негативных последствий перехода к свободной рыночной экономике. Были приняты определённые меры для усиления монгольского банковского сектора и разработки более эффективной торговой политики – в основном с целью подготовки Монголии к вступлению в ВТО, которое состоялось в 1997 году.

Между 1997 и 2003 гг. акцент в деятельности АМР в Монголии сместился в сторону содействия развитию энергетического сектора и проведению приватизации, а также борьбы с коррупцией и повышения транспарентности политических процессов в стране. В то же время поддержка монгольского финансового сектора и создание комфортной среды для бизнеса, в том числе малых и средних предприятий, остались в списке приоритетных

[135] Turmunkh R. Ulaanbaatar Dialogue promotes Northeast Asian security / R.Turmunkh // The UB Post, № 063 (2031), July 07, 2019., p. 1, 4

целей организации[136]. В 2001 г. АМР начало программу по оказанию Монголии помощи в судебной реформе: страна получила средства на повышение технической оснащенности судебных учреждений, были даже созданы центры по обучению судей работе с компьютерами. Другие проекты, финансируемые АМР, включают специальную программу по созданию новых рабочих мест для людей, переселяющихся из сельской местности в города (так называемая программа ГЭР[137]), успешно функционирующую уже много лет. В денежном выражении объём помощи Монголии, снизившись в 2006-2008 гг., в 2009 г. резко вырос и с тех пор остаётся стабильным.

Деятельность Корпуса мира на монгольской земле началась в 1991 г. по приглашению правительства этой страны. Волонтеры-участники организации (в Монголии их более 100) занимаются в основном обучением английскому языку и подготовкой учителей (70% волонтеров), а также медицинским просвещением в школах ВУЗах и государственных учреждениях на территории всех 21 аймаков Монголии[138]. Корпусом были дополнительно разработаны программы в сферах развития малого бизнеса и молодёжного развития, в том числе призванные добиться повышения взаимопонимания между представителями культур двух стран. Монгольское руководство высоко оценивает итоги деятельности организации и несколько раз просило увеличить количество её участников, работающих на монгольской земле.

В 2007 г. был заключен первый Компакт-договор между американской корпорацией «Вызовы тысячелетия» («MCC») и Монголией. В рамках совместно разработанной программы развития в 2008-2013 гг. стороны реализовали несколько долгосрочных проектов, сосредоточенных на совершенствовании монгольской системы здравоохранения и образования, а

[136] Mongolia and the USAID // The USAID Official Website. URL: http://www.usaid.gov/mongolia/history (дата обращения: 07.07.2020)
[137] «Гэр» (монг.) – юрта. На рубеже XX-XXI вв. переселение людей из сельской местности в города привело к росту юрточных районов вокруг монгольских городов. Проблемы с трудоустройством в таких районах сохраняются до сих пор, и программа «ГЭР» играет значимую роль в их решении.
[138] Projects in Mongolia. Education // Peace Corps website. URL: https://www.peacecorps.gov/mongolia/projects/ (дата обращения: 05.04.2021)

также на защите частной собственности и расширении монгольской дорожной сети; общая стоимость проектов составила 285 млн. долл. США. В 2018 г. был подписан второй Компакт-договор: на сей раз американская корпорация планирует профинансировать строительство в Улан-Баторе новых заводов по очистке сточных вод и питьевой воды, бурение новых колодцев для сбора подземных вод, а также разработку и проведение системных и законодательных реформ в сфере водоснабжения монгольской столицы. По мнению экспертов «MCC», это позволит увеличить объем доступных для использования городом запасов пресной воды на 80%. Общий объем американского гранта по договору составит 350 млн. долл., ещё до 111,8 млн. долл. выделит правительство Монголии[139]. Договор вступил в силу 31 марта 2021 г., работы по нему планируется завершить в 2026 г.[140]

Менее масштабные программы помощи и реализации совместных проектов в Монголии имеются и у других американских ведомств и агентств. Так, с 1993 г. монголам оказывается содействие через Министерство сельского хозяйства США (USDA): сначала в виде продовольственной помощи, затем в виде денежных средств, направляемых на развитие местных ветеринарных служб, частного бизнеса и улучшение жилищных условий в сельской местности[141]. Кроме того, по линии Корпорации частных зарубежных инвестиций США, в 2019 г. вошедшей в состав Финансовой корпорации США по международному развитию (DFC), монгольским предприятия предоставлялись кредиты в рамках деятельности этой организации по поддержке малых и средних предприятий в развивающихся странах. После 2019 г. выдача кредитов была продолжена уже по линии DFC. В число малых и средних монгольских предприятий – получателей средств от этой американской корпорации входят изготовитель изделий из шерсти и кашемира

[139] Mongolia Water Compact // Millennium Challenge Corporation website. URL: https://www.mcc.gov/where-we-work/program/mongolia-water-compact (дата обращения: 03.12.2021)
[140] Baljmaa T. Mongolia Water Compact enters into force / T.Baljmaa // Montsame, April 01, 2021. URL: https://montsame.mn/en/read/258968 (дата обращения: 10.07.2021)
[141] Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.

«Goyol Cashmere», банки «ХасBank» и «Голомт Банк», небанковская финансовая организация «Gobi Finance» и Международная школа Улан-Батора (ISU)[142]. Помимо помощи малому бизнесу, DFC называет своей целью в Монголии содействие увеличению роли женщин в экономике страны, поддержку женщин-предпринимателей и сотрудниц компаний[143].

Следует вновь упомянуть важную косвенную роль международных организаций, где доминируют страны «третьего соседа», и зарубежных (в первую очередь американских) НПО в обеспечении сохранения столь необходимого Монголии притока средств из-за рубежа. От их оценок и докладов в значительной степени зависит поддержание имиджа Монголии как открытой демократической страны, а он, в свою очередь, оказывает влияние на доступ к льготным кредитам, дотациям и инвестициям из стран «третьего соседа». Периодически эти организации издают доклады, в которые, помимо информации о проделанной ими работе включают обзор достижений монгольских властей при развитии демократических институтов (правового государства, гражданского общества), улучшении инвестиционного климата и совершенствовании рыночных механизмов. Аналогично и содержание обзоров, разрабатываемых несколькими НПО совместно. Кроме непрямого влияния на объемы средств, получаемых Монголией из стран «третьего соседа» напрямую и через международные организации, публикация этих докладов также закрепляет в монгольском обществе и элите сугубо положительный образ третьих стран. Таким образом обеспечивается приверженность государства и общественности политике «третьего соседа». Более того, публикуемые документы могут исподволь подводить монгольских

[142] U.S. International Development Finance Corporation // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/192/dfc-mongolia.pdf (дата обращения: 11.08.2021)
[143] Supporting a female entrepreneur in Mongolia // U.S. International Development Finance Corporation (DFC) website. URL: https://www.dfc.gov/investment-story/supporting-female-entrepreneur-mongolia (дата обращения: 11.08.2021)

читателей к негативным оценкам взаимодействия Монголии с ее ближайшими соседями[144].

Экономические связи. Масштабы торговли между США и Монголией сравнительно невелики и в последние годы не демонстрируют тенденции к росту. В 2012 г. объем двусторонней торговли достигли исторического максимума, составив 707 млн. долл. (из которых 665 млн. – американский экспорт в Монголию, 42 млн. – импорт из Монголии), но после этого масштабы монголо-американских торговых связей начали снижаться. По американским данным, в 2020 г. объем торговли между США и Монголией составил лишь 129 млн. долл., из которых монгольский импорт – 118 млн. (снижение на 39% в сравнении с 2019 г.), экспорт – 12 млн. (снижение на 52,8% в сравнении с 2019 г.)[145]. По объёму торговых связей с Монголией Соединённые Штаты уступают не только России и Китаю, но и некоторым странам «третьего соседа» – Японии, а зачастую и Республике Корея. США экспортируют в Монголию главным образом транспортные средства (легковые автомобили, грузовики, автобусы, тракторы, гражданские самолёты и запчасти для них), машинное и электрическое оборудование (строительную технику, оборудование для добывающей отрасли, газовые турбины, насосы и др.), изделия из резины (автомобильные шины, резиновые трубы) и медицинские изделия. В свою очередь, из Монголии Соединённые Штаты импортируют в основном трикотажную и тканую одежду, оптические инструменты (включая геодезическое оборудование), машинное оборудование (например, запчасти для двигателей и самолетов) и минералы (полевые шпаты, вольфрам)[146].

---

[144] Batchimeg M. Mongolian Economic Background and Political Destiny / M. Batchimeg // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. - Ulaanbaatar: Admon Press, 2012. - P. 53-60.

[145] U.S.-Mongolia Trade Facts // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/mongolia (дата обращения: 10.07.2021)

[146] Там же.

По оценке монгольских экономистов, масштабы американо-монгольской торговли, достигнув пика в 2012 г., с тех пор постепенно снижались, в том числе ввиду замедления роста монгольской экономики и резкого сокращения американского импорта одежды. Кратковременные периоды роста товарооборота были связаны исключительно с развитием монгольской добывающей отрасли. Монголы стремятся изменить ситуацию и нарастить экспорт в Соединённые Штаты, в частности за счет кашемировых изделий. В июле 2019 г. на рассмотрение американского Конгресса был представлен проект закона о торговле с Монголией (*Mongolia Third Neighbor Trade Act),* предусматривающий отмену пошлин на ввоз в США произведённого в Монголии текстиля и одежды из кашемира. В документе, разработанном при поддержке монгольского правительства, отмечается, что на Монголию приходится более трети мирового производства козьего пуха (сырья для изготовления кашемира). Однако большая его часть скупается предприятиями из Китая, откуда, в свою очередь, США получают большинство импортируемых ими готовых кашемировых изделий[147].

По замыслу авторов законопроекта, отмена ввозных пошлин на кашемировые изделия, произведённые в Монголии и удовлетворяющие американским стандартам качества, принесёт пользу и Монголии, и Соединённым Штатам, поскольку будет способствовать росту их взаимной торговли за счёт КНР – страны, являющейся соперником США и угрозой их интересам. Отмечалось также, что исторически кашемировая отрасль монгольской промышленности служит надёжным источником рабочих мест для монгольских женщин и новый закон будет способствовать не только их трудоустройству, но и расширению их прав и возможностей. В настоящее время данный документ находится на рассмотрении Палаты представителей Конгресса США: после того как прошлый созыв Конгресса не смог его

[147] H.R.2219 - Mongolia Third Neighbor Trade Act // Official website for U.S. Federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2219/text (дата обращения: 12.02.2020)

утвердить, в апреле 2021 г. он был передан в подкомитет по торговле нового созыва Конгресса, где и остается до сих пор[148]. Если законопроект все же будет одобрен, монголы смогут получать торговые преференции при экспорте изделий из кашемира минимум (как предполагалось изначально – до 2025 г.).

Общий объём накопленных прямых инвестиций (ПИИ) США в Монголию на 2019 г. составил 751 млн. долл., на 2020 г. – 806 млн. долл. Объем американских портфельных инвестиций в Монголию на 2019 г.. составлял 33 млн. долл. (12% от общего объема иностранных портфельных инвестиций в Монголию)[149]. По этим показателям Соединенные Штаты уступают КНР, но вполне могут поспорить как с другими странами «третьего соседа», так и с Россией. В 2020 г., по монгольским данным, объем американских ПИИ в монгольскую экономику составил 128,5 млн. долл. (5% от ПИИ в экономику Монголии за 2020 г.)[150]. Чаще всего инвесторы из США проявляют интерес к монгольской горнодобывающей отрасли – к примеру, «Peabody Energy» и другие энергетические компании еще с 2011 г. пытаются получить доступ к разработке крупнейшего угольного месторождения Таван-Толгой. Постепенно американцы начинают обращать внимание и на другие перспективные направления, в частности, на туристическую отрасль, строительство транспортной инфраструктуры, общественное питание.

Американские инвесторы считают Монголию одним из наиболее перспективных рынков в Восточной Азии. Однако, как отмечают в США, их инвестиционную деятельность в этой стране затрудняет громоздкий и неэффективный бюрократический аппарат, высокий уровень коррупции и периодически возникающие финансовые конфликты, вызываемые

---

[148] H.R.2824 - Mongolia Third Neighbor Trade Act // Official website for U.S. Federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2824/text?s=1&r=1 (дата обращения: 09.04.2022)

[149] 2021 Investment Climate Statements: Mongolia // U.S. Department of State official website. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/mongolia__trashed/ (дата обращения: 08.03.2022)

[150] Хөрөнгө оруулалт 2020 [Инвестиции 2020] // Үндэсний статистикийн хороо [Национальный статистический комитет Монголии], 2021. URL: https://www2.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Investment_2020.pdf&ln=Mn (дата обращения: 29.04.2021)

характерным для монголов «ресурсным национализмом»: в случае интереса к конкретным проектам монгольских властей они вполне могут пойти на использование административного ресурса и давления на судей, чтобы добиться благоприятных для себя изменений в условиях договоров[151]. Эти факторы, а также неблагоприятная рыночная конъюнктура при инвестировании в основные статьи монгольского экспорта – полезные ископаемые – приводит к тому, что в последние годы американские инвесторы, особенно те, что заинтересованы в разработке долгосрочных проектов, теряют интерес к Монголии[152].

Следует отметить, что американские должностные лица, представители НПО и экспертного сообщества зачастую увязывают демократическую риторику с лоббированием экономических интересов Соединенных Штатов в Монголии. Так, в 2015 г. на общем собрании Делового совета Северная Америка – Монголия тогдашний посол США в Улан-Баторе П.Кэмпбелл заявляла: «Когда тендерный отбор будут проводить открыто, гласно и справедливо, крупные американские компании смогут предложить свои цены и технологии, опираясь на свои сильные стороны. Например, такие, как компания «Peabody», которая хотела бы принять участие в проекте по разработке Тавантолгой»[153]. В том же году президент фонда «Вызовы тысячелетия» Д.Хайд посетила Монголию с визитом, отметив в ходе встреч с руководством страны, что экономическая помощь возглавляемой ей организации «призвана помочь Монголии закрепить ее переход к демократии»[154]. При этом представители американской стороны предостерегают монголов от присоединения к международным объединениям

[151] Mongolia Investment Climate Statement 2018 // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/2018-investment-climate-statement-mongolia (дата обращения: 07.07.2020)
[152] Asia-Pacific: Mongolia: investment darling no more // International Financial Law Review. - March 2013, Vol. 32 Issue 2, p. 46-46.
[153] Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка – Монголия] // U.S. Embassy in Mongolia, 21.04.2015.
[154] Statement on the Visit of CEO Dana J. Hyde to Mongolia (For Immediate Release) // Millennium Challenge Corporation website, June 1, 2015. URL: https://www.mcc.gov/news-and-events/release/release-060115-statement-on-the (дата обращения: 01.04.2021)

с участием «недостаточно демократических» стран, вроде Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), утверждая, что членство в них приведет не только к потере Монголией авторитета на международной арене, но и к ограничению суверенитета и демократических норм внутри самой страны. Напротив, значимость «общности демократических ценностей» с Монголией всячески подчеркивается как залог ее дальнейшего успешного развития[155].

Военное сотрудничество. Помимо прочих направлений американо-монгольских связей стороны развивают и военное сотрудничество. Монголия, с 1992 г. придерживающаяся безъядерного статуса, в 2007 г. присоединилась к Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР-ОМУ), которая была инициирована США в 2003 г. для усиления контроля над оборотом связанных с ОМУ технологий. В 2012 г. была утверждена Индивидуальная программа партнёрства и сотрудничества (*Individual Partnership and Cooperation Programme*) Монголии с НАТО; страна в этом документе названа «глобальным партнёром» Североатлантического альянса, а США взяли на себя обязательства модернизировать и обучить монгольскую армию[156]. Монголия принимает участие в программе НАТО «Наука ради мира и безопасности» (Science for Peace and Security, SPS Programme), в рамках которой совместно с членами альянса реализовывала проекты по восстановлению окружающей среды на бывших военных объектах и по повышению надежности и безопасности информационных технологий в оборонной сфере. С 2017 по 2020 гг. в рамках Программы в Монголии совместно с Агентством НАТО по связям и информации (NATO Communications and Information Agency, NCIA) проводился проект по развитию возможностей защиты Вооруженных сил Монголии от киберугроз.

---

[155] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 125-130.

[156] NATO and Mongolia agree programme of cooperation // NATO Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85430.htm (дата обращения: 08.07.2020)

Его итогом стало открытие 18 января 2021 г. Центра кибербезопасности ВС Монголии, оборудованного и укомплектованного при поддержке NCIA[157].

Ключевым компонентом связей двух стран в военной сфере является участие монгольских военнослужащих в миссиях и учениях ООН и НАТО. В разные годы более 5200 солдат Вооруженных сил Монголии были задействованы в миротворческих миссиях под эгидой ООН в Африке, в том числе в Южном Судане, а также в военных миссиях США и НАТО в Афганистане, Ираке и Косово. В рамках миссии НАТО «Решительная поддержка» в Афганистане до недавних пор постоянно находился монгольский воинский контингент, в числе прочих принимавший участие в обеспечении безопасности афганской столицы и тренировке местных военнослужащих; в 2020 г. ввиду резкого ухудшения эпидемиологической ситуации в Афганистане миротворцы были эвакуированы на родину[158]. Кроме того, с 2003 г. в Монголии ежегодно проводятся миротворческие военно-полевые учения «В поисках хана» *(«Khaan Quest»)*, начинавшиеся как совместный проект Индо-Тихоокеанского командования Вооруженных сил США и ВС Монголии, но с 2006 г. ставшие международными. В 2019 г., помимо Монголии, в учениях приняли участие военные более чем из 30 стран, включая Соединённые Штаты и многих их союзников по НАТО[159].

Масштабы американо-монгольского сотрудничества в военной сфере остаются сравнительно небольшими. Стремясь к сохранению взаимодействия с США на этом направлении в рамках политики «третьего соседа», руководство Монголии всё же сдерживает его развитие. Не последнюю роль в этом играет настороженное отношение к таким связям России и Китая, которые не без основания видят в военном сотрудничестве между Монголией и США часть американской политики по «сдерживанию» и «окружению»

---

[157] NATO helps to strengthen Mongolia's cyber defence capacity // NATO website, 18 Jan. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180697.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 04.04.2021)
[158] Ankhtuya B. Mongolia to repatriate peacekeepers from Afghanistan / B.Ankhtuya // News.mn website, 08.07.2020. URL: https://news.mn/en/793346/ (дата обращения: 05.04.2021)
[159] Mongolia and U.S. Announce Their Participation in Khaan Quest 2019 // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/2019-pr-khan-quest/ (дата обращения: 14.07.2020)

обеих держав. Улан-Батор последовательно отклоняет все предложения о размещении на территории Монголии американских военных баз и о включении её в американскую систему союзов в Азии, видя в этом угрозу своей национальной безопасности, а вовсе не средство ее укрепления. Со своей стороны, американцы понимают доводы монгольской стороны и пока не настаивают, несмотря на продолжающееся ухудшение отношений с обоими соседями Монголии.

Одновременно развиваются контакты между монгольскими ВС и военными ведомствами обоих ближайших соседей, особенно России: так, в российских военных вузах проходят подготовку сотни монгольских курсантов и офицеров, из РФ монголы регулярно получают военную технику и оборудование. Кроме того, наряду с проведением монгольско-американских учений «В поисках хана» Монголия ежегодно проводит совместные с Россией учения «Селенга», а в российских учениях «Восток-2018» наряду с подразделениями Народно-освободительной армии Китая (НОАК) принимали участия и монгольские военнослужащие. Тем не менее стратегическая заинтересованность США в Монголии и основы монгольской концепции «третьего соседа» гарантируют, что военное сотрудничество двух стран будет продолжено, а развитие взаимодействия монгольских военных с Россией и КНР не будет происходить за счет монголо-американских связей.

Культурные связи. Некоторые монгольские ученые (такие, как Д.Мунх-Очир из Института стратегических исследований СНБ Монголии), а также исследователи-монголоведы из зарубежных стран отмечают, что сама идея «третьего соседа» Монголии как «коллективный социально-психологический консенсус» возникла под влиянием её исторических и культурных связей с другими государствами, не имеющими с ней общей границы, но воспринимающимися простыми людьми и политической элитой как дружественные ввиду наличия общих ценностей и интересов либо по

другим причинам[160]. К примеру, Япония в восприятии монголов является образцом развитой демократии и ключевым государством-донором с начала 1990-х годов., а Индия – культурно близкой страной, родиной буддизма, религии, которой придерживаются большинство монгольских граждан, а также государством, где находится резиденция почитаемого в Монголии Далай-ламы. Что же до США, культурные и идеологические связи с этой страной, по мнению прозападных политиков и экспертов, являются для Монголии не только компонентом двусторонних американо-монгольских отношений, но и залогом сохранения политики «третьего соседа» как внешнеполитического ориентира для Монголии, гарантией того, что страна продолжит курс на развитие демократии и свободной рыночной экономики, а не откажется от него в пользу характерных для ее ближайших соседей авторитаризма и государственного регулирования рынка[161]. Подобную значимость сотрудничества в культурной сфере признают и среди политической элиты Монголии, и в Соединенных Штатах.

Американское монголоведение развивается с начала XX века, и впоследствии именно научные исследования, а не выступления артистов и творческих коллективов, стали основным средством продвижения монгольской культуры в США. Крупнейший центр изучения монгольского языка и монголоведения в Соединенных Штатах – это Департамент исследования Центральной Евразии (Department of Central Eurasian Studies) университета штата Индиана, г. Блумингтон (в этом городе действует также Тибетско-монгольский буддистский культурный центр). В настоящее время он является единственным действующим монголоведческим центром при американском университете[162]. Впрочем, научные исследования, связанные с

[160] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.
[161] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 126-127.
[162] Culture and Education // U.S. Embassy in Mongolia. URL: http://mongolianembassy.us/culture-and-education/#.YG74aFAmxPY (дата обращения: 02.04.2021)

Монголией, организуют также представленные в этой стране НПО, включая Фонд Азии (Asia Foundation) и специализированный научный консорциум «Американский центр монгольских исследований» (American Center for Mongolian Studies, ACMS). Что же до организации концертов и музейных экспозиций, они, как правило, проводятся совместно Правительством Монголии и американскими образовательными учреждениями, такими, как вышеупомянутый Университет Индианы и Смитсоновский институт.

Интерес к изучению английского языка среди монгольского населения (особенно молодёжи) постоянно растёт. Это связано с престижностью получения высшего образования в западных странах, в первую очередь в США[163]. В 2005 г. изучение английского языка стало обязательным предметом в монгольских школах. С 2011 г. Министерство образования Монголии при участии международного провайдера образовательных услуг из Кембриджа (*Cambridge Assessment International Education)* проводило реформу среднего образования для обеспечения его соответствия международным стандартам. Это не только способствовало созданию новых школ, где действуют признанные в США и Великобритании кембриджские стандарты преподавания английского языка, но и упростило для монгольских школьников последующее обучение в высших учебных заведениях англоговорящих стран[164]. В Монголии существуют также несколько международных частных школ с обучением полностью на английском языке.

В общей сложности ежегодно около 80 монгольских граждан выезжают в США для участия в финансируемых американским правительством международных программах образовательного, профессионального и культурного обмена. Так, ради обмена опытом институциональных реформ и развития демократии США и Монголия с 2007 г. организуют обменные

[163] Dulguun B. 2019 proclaimed “Mongolia-U.S. Youth Year” / B.Dulguun // The UB Post. - March 2019, № 023 (1991), p. 4.
[164] Mongolia. Working with Mongolia on wide-ranging education reforms // Cambridge Assessment International Education website. URL: https://www.cambridgeinternational.org/working-with-governments/our-experience/mongolia/ (дата обращения: 03.04.2021)

программы для представителей законодательной власти двух стран. В 2011 г. монгольское правительство приняло решение дополнительно выделить 600 тыс. долл. на реализацию известной Программы Фулбрайта, чтобы расширить возможность участия в ней студентов из Монголии. В рамках этой Программы, распространенной на Монголию с 1994 г., ежегодно до 15 монгольских студентов проходят обучение в США[165]. Существуют и другие обменные программы, такие, как «Study in the USA», они реализуются через американское посольство в Улан-Баторе. В настоящее время в американских вузах обучаются более 1300 монгольских студентов, некоторые из них – на частной основе.

[165] Fulbright Student Program in Mongolia // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/education-culture/scholarships/fulbright-student/ (дата обращения: 05.07.2020)

2.2. Отношения Монголии и Японии.

В концепции «третьего соседа» Японии отведена важная роль. Страна восходящего солнца обладает мощной экономикой (входя в пятерку мировых лидеров по размеру ВВП в абсолютном выражении и по ППС), высоким уровнем развития инфраструктуры и технологий. Кроме того, она географически и культурно близка к Монголии, а также на протяжении многих лет участвует в программах помощи развивающимся странам. Все эти факторы вкупе с приверженностью Японии принципам демократии и рыночной экономики, возобладавшим в монгольской политической жизни после 1990 г., сделали эту страну идеальным «третьим соседом» в глазах нового монгольского руководства. Ныне Япония является крупнейшим партнером Монголии из числа восточных стран «третьего соседа», уверенно удерживая лидерство в этой группе по масштабам сотрудничества с монгольской стороной.

В свою очередь, японская политическая элита быстро оценила значимость налаживания партнерства с Монголией. Повышение влияния Японии на эту страну в торгово-экономической и культурной сферах, участие в гуманитарных проектах на монгольской земле, а также содействие утверждению западных ценностей в монгольском обществе сулили не только экономические выгоды, но и рост престижа Японии на международной арене, в том числе в ключевом для нее регионе Восточной Азии. Более того, со временем японцы стали рассматривать укрепление своих позиций в Монголии в рамках идеи Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), впервые выдвинутой в колониальный период и вернувшейся в мировой политический дискурс в том числе с подачи Премьер-министра Японии С.Абэ[166]. Соответственно, для японских правящих кругов сотрудничество с монголами может

[166] Стрельцов, Дмитрий. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений / Дмитрий Стрельцов // Международная жизнь, №9-2018. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076 (дата обращения: 09.09.2021)

рассматриваться как часть стратегии сдерживания Китая. При этом заинтересованность в продвижении собственного политического влияния и статус союзников США, обусловивший роль Японии в укреплении геополитических позиций коллективного Запада в Монголии и Северо-Восточной Азии, не отменяют того факта, что Монголия для японской стороны является значимым и перспективным экономическим партнером, важным рынком сбыта и участником совместных инвестиционных проектов с японскими компаниями.

Двусторонние связи в советский период. Возможности для полноценного развития двусторонних отношений между Монголией и Японией появились после монгольской «мирной революции» 1990 г. и начала процесса демократизации страны. Однако было бы несправедливо утверждать, что до этого какое-либо взаимодействие между Страной восходящего солнца и Страной Вечного синего неба в торгово-экономической сфере полностью отсутствовало. Действительно, после Монгольской народной революции 1921 г., военного конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г., а также Второй мировой войны две страны оказались в разных лагерях в ходе биполярного противостояния холодной войны, и взаимодействие Монголии с государствами, не принадлежавшими к Восточному блоку, было минимальным. Тем не менее определенные экономические связи между Японией и Монголией все же существовали, и после установления двусторонних дипломатических отношений (24 февраля 1972 г.) в период с конца 1970-х – начала 1980-х гг. можно проследить их медленный, но уверенный рост.

Именно в этот период две страны совместно реализовали крупный проект по возведению в Монголии фабрики по производству кашемировых изделий «Гоби», чем фактически было положено начало новой отрасли

монгольской легкой промышленности[167]. Соответствующее межправительственное соглашение было подписано в 1977 г. Строительные работы начались в 1978 г., а официально фабрика была открыта в сентябре 1981 г. При этом японская сторона не только оказала Монголии масштабную финансовую помощь и предоставила новейшее производственное оборудование, но и позаботилась об организации обучения в Японии монгольских инженеров – работников «Гоби». Также в районе фабрики была создана развитая инфраструктура для удобства персонала и членов их семей: среди построенных объектов были спортивный комплекс, больница, центр отдыха «Gobi Resort», детский сад и жилые многоквартирные дома на 152 семьи. Фабрика «Гоби» по сей день остается одним из крупнейших и наиболее технически оснащенных предприятий Монголии по производству изделий из кашемира и верблюжьей шерсти. В 1991 г. «Гоби» первым из монгольских предприятий получила международный сертификат качества, бренд «Gobi Cashmere» ныне известен по всему миру.

Распад СССР и Демократическая революция в Монголии привели к тому, что монголы лишились основного источника экономической помощи, обеспечивавшего стабильность существовавшей в стране командно-административной системы. В то же время эти события привели к исчезновению известных ограничений для Монголии на всестороннее развитие отношений с другими странами – и Япония была одной из первых стран, воспользовавшихся этим. В августе 1991 г. Премьер-министр Японии Т.Кайфу прибыл в Монголию с визитом, став первым главой не принадлежавшего к «советскому лагерю» государства, посетившим эту страну. В ходе его встречи с монгольским руководством стороны достигли соглашения по первому пакету японской финансовой помощи (около 7 млн. долл. США), которую предполагалось направить на модернизацию монгольской системы телефонной связи. Это событие стало началом нового

[167] Japan’s Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF (дата обращения: 18.08.2020)

этапа в развитии отношений Монголии с Японией и зарубежными странами в целом.

Политические отношения. Изначально для Японии ключевым элементом связей с Монголией было предоставление финансовой помощи этой развивающейся стране, переживавшей тяжелый экономический кризис ввиду перехода к рыночной модели при одновременном разрыве многолетних связей с Советским Союзом, на который была почти полностью ориентирована монгольская экономика. Политический интерес японцев к Монголии был вторичен и основывался на общем стремлении стран Запада во главе с США развивать отношения с бывшими социалистическими странами, содействовать им в становлении демократической политической системы и рыночной экономической модели по собственным лекалам, а также укреплять свое влияние на них в политической, экономической, культурной и, при возможности, в военной сфере. На стороне Японии на этом пути были такие преимущества, как географическая и культурная близость к Монголии и статус развитой азиатской демократии, столь желанный для нового монгольского руководства.

С конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда кризисные тенденции в экономике Монголии были преодолены, акценты в японо-монгольских отношениях несколько изменились. Во-первых, при том, что предоставление финансовой помощи Япония не прекратила, японские компании начали получать экономическую выгоду от реализации совместных проектов с монгольскими партнерами. Во-вторых, пусть союзнические отношения США и Японии по-прежнему составляют для последней основу системы внешнеполитических связей, японское руководство стало реализовывать более самостоятельный курс в Восточной Азии, и значимость политического компонента в двусторонних отношениях с Монголией для японской стороны существенно возросла. В Японии была обнародована новая внешнеполитическая концепция «Дуга свободы и процветания» авторства

министра иностранных дел Т.Асо (2006 г.), позднее при участии Премьер-министра Японии С.Абэ была реанимирована идея Индо-Тихоокеанского региона (с 2007 г.)[168]. В обеих концепциях центральное место занимает сотрудничество с теми государствами Евразийского континента, которые, как и Япония, привержены западным стандартам либеральной демократии и рыночной экономики, что при поддержке США позволит сбалансировать растущее влияние авторитарного Китая. Эти идеи вполне согласуются с утвердившейся в монгольской внешней политике концепцией «третьего соседа» и курсом Монголии на укрепление демократического политического режима, верховенства прав человека и рыночной экономической системы. Япония пользуется немалым авторитетом в монгольской политической элите и обществе как азиатская держава, добившаяся выдающихся успехов в экономическом развитии и утверждении западных демократических ценностей при сохранении самобытности и определяющих особенностей своей культуры[169]. Играет свою роль и память о японской помощи в нелегкий для страны переходный период 1990-х годов.

В Концепции внешней политики Монголии[170] Япония упомянута в числе высокоразвитых зарубежных стран, не имеющих с Монголией общей границы, развитие сотрудничества с которыми является одним из приоритетных направлений внешней политики. С 1990-гг. Япония является важнейшим политическим и экономическим партнером Монголии из числа восточных стран «третьего соседа». Двустороннее японско-монгольское Соглашение об экономическом партнерстве (EPA) от 2015 г. до сих пор остается единственным для Монголии договором такого рода, заключенным с иностранным государством. В 2017 г. была утверждена двусторонняя

[168] Стрельцов, Дмитрий. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений / Дмитрий Стрельцов // Международная жизнь, №9-2018. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076 (дата обращения: 09.09.2021)
[169] Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Японские исследования. – 2020. – №1. – С. 69-84.
[170] Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011.

Среднесрочная программа стратегического партнерства, где оговаривались меры по развитию сотрудничества не только на политическом и экономическом направлениях, но и в сферах безопасности и культуры. Действуют обменные программы для представителей власти, предпринимателей и студентов. Помимо этого, в разные годы между Японией и Монголией при участии международных и неправительственных организаций с японским участием (АБР, JAICA, SPF, JETRO и др.) было заключено множество соглашений о выделении целевых кредитов и безвозмездной помощи в самых разных сферах, от инфраструктурного строительства до развития монгольских систем образования и здравоохранения. Следует отметить, что вслед за американцами японские политики прибегают к демократическому дискурсу в отношениях с Монголией. Так, в совместном заявлении, сделанном в марте 2013 г. японским премьер-министром С.Абэ и главой монгольского правительства Н.Алтанхуягом на пресс-конференции по случаю визита японского премьера в Улан-Батор, говорилось, что Монголия с благодарностью восприняла три ключевых принципа, предложенные японской стороной, согласно которым стороны намерены развивать стратегическое партнёрство: «Демократия, мир и взаимопомощь»[171]. Два года спустя эти принципы были вновь озвучены по итогам переговоров С.Абэ с монгольским коллегой Ч.Сайханбилэгом[172].

С 1991 г. регулярно проходят визиты и встречи представителей властей двух стран на всех уровнях вплоть до высшего. Последним по времени стал визит Премьер-министра Монголии У.Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г.: тогда глава монгольского правительства провел встречи с японским премьером С.Абэ, руководством нескольких крупных НПО и японскими бизнесменами; основной темой переговоров стало развитие двусторонних

[171] Главы правительств провели переговоры / «Новости Монголии», 04 апреля 2013 г., №13 (890), стр. 3

[172] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 420, с. 127.

экономических связей. Япония и Монголия взаимодействуют в рамках международных организаций, включая ООН, где монголы поддерживают как японские притязания на место постоянного представителя в Совете Безопасности, так и различные инициативы по укреплению мира и стабильности в Восточной Азии и АТР. Кроме того, с 2015 г. ежегодно проводятся трехсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств Японии, Монголии и США: на этих саммитах предметом обсуждения становится не только экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из ее «третьих соседей», но и вопросы согласования внешнеполитических действий на направлениях, где интересы сторон совпадают, а также проблемы региональной безопасности и интеграции[173].

Монголия играет для Японии особую роль как возможная площадка для межкорейского диалога и урегулирования корейской ядерной проблемы. После демократизации Монголия, в отличие от многих других бывших социалистических стран, сохранила хорошие отношения с Северной Кореей. Из Улан-Батора неоднократно звучали заявления о поддержке инициатив Республики Корея по сближению с Севером с целью последующей реинтеграции Корейского полуострова. Монгольское руководство стремится содействовать разрешению конфликта между КНДР и Республикой Корея, в котором видит угрозу для своей безопасности и мира во всем регионе[174]. Есть здесь и элемент экономического интереса: Транскорейская железная дорога могла бы стать прекрасным каналом для торговли между Южной Кореей и Монголией, но она неизбежно должна пройти через территорию КНДР. Примирение же двух Корей приведет к открытию северокорейской границы,

[173] Joint Statement Mongolia-Japan-U.S. Trilateral Meeting // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/ (дата обращения: 15.08.2020)

[174] Игнатов И.А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – №6. – С. 6-14.

что устранит главное препятствие для такого маршрута и предоставит монголам экономические преимущества[175].

Еще в 2006 г. монгольский президент Н.Энхбаяр предлагал проводить встречи представителей двух Корей «на нейтральной территории» – в Улан-Баторе, с Монголией в роли посредника. Тогда переговоры не состоялись, но возможность их организации сохраняется. 15-16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне: хотя переговоры не привели к прорывным результатам, стороны достигли согласия по нескольким вопросам, в частности, по вопросу возвращения на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных, и договорились продолжать диалог. Впоследствии японская сторона еще несколько раз прибегала к помощи Монголии как посредника при урегулировании проблем двусторонних отношений с Северной Кореей.

В 2014 г. новый президент Монголии Ц.Элбэгдорж в рамках продолжения курса на превращение своей страны в посредника в деле межкорейского примирения создал новую переговорную площадку – международную конференцию, известную как «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии»[176]. Все стороны, вовлеченные в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, направляют на данное мероприятие своих представителей, что дает их представителям возможность проводить в монгольской столице встречи и переговоры в различных форматах; в свою очередь, члены делегаций стран-участниц не раз заявляли о высокой оценке усилий монгольского руководства по сближению их позиций[177]. Об участии Монголии в процессе межкорейского примирения

[175] Battur J. Crisis on the Korean peninsula and Mongolia's position / J.Battur // Mongolian-Taiwanese Join Symposium on "Security of States Other Than Major Powers". – Ulaanbaatar, National University of Mongolia, 28-29.07.2010, pp. 140-142

[176] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.

[177] Anudari M. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security' to be held early June / M.Anudari // Montsame, May 23, 2019.

и ее посреднических усилиях в отношениях между Японией и КНДР будет более подробно рассказано ниже.

Безвозмездная помощь и льготные кредиты. Когда в 1991 г. была создана Рабочая группа стран-доноров Монголии, именно Япония стала ее лидером. В первые годы существования демократической Монголии, когда осуществлялся переход от плановой к рыночной экономике, значительно осложненный полным прекращением экономической помощи от северного соседа, Страна восходящего солнца выделяла десятки миллионов долларов для содействия реформе монгольской пищевой промышленности. Эти средства, предоставлявшиеся в рамках созданной в 1991 г. специальной программы «Безвозмездная помощь непроектного назначения», позволили предотвратить голод в Монголии и смягчили последствия кризиса, вызванного становлением рыночной экономики. В общей сложности правительство Японии оказывало монголам продовольственную помощь 16 раз, её общая сумма составила 5 млрд. 10 млн. иен, или около 60 млн. долл. США.

Япония является крупнейшим донором Монголии: предоставляемые японской стороной средства составляют до трети от общих объемов помощи, оказанной монголам с 1990 г. В 2000-х гг. Монголия ежегодно получала от Японии в среднем 45-50 млн. долларов США в виде льготных кредитов, 30-35 млн. долларов безвозмездной помощи и более 10 млн. долл. на реализацию совместных технологических проектов[178]. Последний из указанных видов помощи включал и целевые кредиты. Помимо уже упоминавшейся фабрики «Гоби», на японские деньги, к примеру, была реконструирована крупнейшая в Монголии ТЭЦ-4 в Улан-Баторе и построен металлургический завод в Дархане. Со временем японская помощь сместилась в те сферы, которые эксперты по Монголии считают наиболее перспективными, а именно в

[178] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

горнодобывающую промышленность[179], энергетическую отрасль и инфраструктурное строительство, а также в сферу развития человеческих ресурсов. Был реализован ряд совместных проектов в сельскохозяйственной сфере. При этом, по данным ОЭСР, по объемам официальной помощи в целях развития (ODA), предоставляемой Монголии, Япония по-прежнему удерживает лидирующие позиции, лишь иногда уступая своим основным конкурентам – США и Республике Корея[180]. В 2020 г. Япония предоставила Монголии льготный кредит на 25 млрд иен (ок. 230 млн. долл.) на цели экономической стабилизации и борьбу с последствиями пандемии COVID-19[181].

В июне 2013 г. Правительство Монголии и Японский банк международного сотрудничества (JBIC) подписали соглашение об открытии экспортной кредитной линии на сумму 8 млрд иен. Стороны договорились о покупке продукции традиционных японских экспортеров, совместной поддержке монгольских импортеров и финансировании проектов в инфраструктурной, горнодобывающей и обрабатывающей отраслях монгольской экономики. В 2015 г. корпорация «Сумитомо» первой из крупных компаний воспользовалась условиями данного соглашения, инвестировав средства для проекта по поставке горного оборудования марки «Komatsu» монгольской компании «Хишиг арвин».

Когда в 2017 г. Монголия обратилась к Международному валютному фонду (МВФ) с просьбой предоставить финансовую помощь в рамках Программы расширенного финансирования (Extended Fund Facility, EFF),

---

[179] Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated) // International Business publications. - Global Investment Center, Washington D.C., USA. 2013.

[180] Hayashi, Kaoru and Minato, Kunio. Evaluation of Japan's ODA to Mongolia // Foundation for Advanced Studies on International Development, for the Ministry of Foreign Affairs of Japan, March 2021. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2020/pdfs/mongolia.pdf (дата обращения: 02.04.2021)

[181] Signing of Japanese ODA Loan Agreement with Mongolia: Contributing to COVID-19 crisis response in Mongolia through providing budgetary support // Japan International Cooperation Agency website, November 5, 2020. URL: https://www.jica.go.jp/english/news/press/2020/20201105_30.html (дата обращения: 22.03.2021)

значительную часть предоставленных средств общей суммой в 434,3 млн. долл. США предоставили Япония и Азиатский банк развития (АБР). Причиной обращения монгольского правительства к МВФ стали экономические проблемы, вызванные падением цен на экспортируемые Монголией природные ресурсы и снижением объема иностранных инвестиций. МВФ и руководство Монголии полагали, что экономический рост, в 2016 г. составлявший 1,2%, достигнет 7-8% в 2020 г., когда EFF будет завершена. На деле после начала пандемии COVID-19 ВВП Монголии в 2020 г. сократился на 5,3%, и на первый план для монголов вышли задачи восстановления экономики. В мае 2020 г. Монголии был предоставлен кредит на 100 млн. долл. по линии АБР для содействия системе здравоохранения и сглаживания экономических последствий пандемии[182].

Японская сторона уделяет внимание вопросам защиты экологической системы Монголии: так, в марте 2019 г. министерства окружающей среды двух стран договорились о совместном проведении исследования, направленного на поддержание экологического баланса в Монголии. Ранее за счет льготных кредитов Японии были проведены работы по модернизации систем водоснабжения в Улан-Баторе и центрах нескольких аймаков (Алтай, Мандалгоби), а в монгольской столице также был открыт Центр охраны природы и ресурсов питьевой воды.

Транспортная инфраструктура. Принимая во внимание статус Монголии как страны, не имеющей выхода к морю, и ее высокую зависимость от доступа к внешним рынкам, слаборазвитая транспортная инфраструктура страны существенно ограничивает возможности ее экономического развития. Правительство Монголии рассматривает развитие транспортной отрасли и модернизацию дорожной сети в качестве одного из приоритетов и заинтересовано в японской финансовой и технической помощи на этом

[182] Mongolia: Strengthening Health Security Program (Subprogram 1) // Asian Development Bank website. URL: https://www.adb.org/projects/54228-001/main (дата обращения: 28.04.2021)

направлении. Японская же сторона готова предоставить такую помощь, поскольку облегчение доступа к монгольскому рынку и совершенствование транспортного сообщения с Монголией соответствует ее интересам.

Говоря о монголо-японском сотрудничестве в транспортной сфере, следует, прежде всего, сказать о реализованном проекте строительства нового международного аэропорта в долине Хушигт – в сомоне Сэргэлэн Центрального аймака (Тув), на расстоянии 52 км к юго-западу от Улан-Батора. Япония давно рассматривала подобный вариант как способствующий стабильному экономическому развитию и расширению участия Монголии в процессах региональной интеграции, но только в мае 2013 г. был согласован конкретный план и достигнута договоренность об условиях льготного кредита на 28,807 млн. иен, за счет которого финансируется строительство воздушной гавани. Кредитное соглашение, заключенное между Правительством Монголии и Японским банком международного сотрудничества, предусматривает выплату кредита в течение 40 лет под 0,2% годовых. Помимо японского правительства, в проекте приняли участие корпорации «Мицубиси» и «Чиода»[183].

Первоначально планировалось, что новый аэропорт будет введен в эксплуатацию в декабре 2016 г., но впоследствии завершение работ несколько раз переносилось. Значительно выросла и стоимость проекта: общая сумма средств, выделенных японской стороной на его реализацию, в итоге превысила 65,6 млрд. иен. В ходе визита Премьер-министра Монголии У.Хурэлсуха в Японию в декабре 2018 г. стороны договорились о новом концессионном соглашении в отношении международного аэропорта Улан-Батора и о принятии первого международного авиарейса в период монгольского национального праздника Наадам в июле 2019 года. 5 июля Соглашение о совместном управлении аэропортом было подписано монгольской государственной компанией «Khushig Valley Airport Company» и

[183] Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens / B.Dulguun // The UB Post. - July 2019, № 076 (2044), p. 3.

японской «Airport Management LLC», в тот же день наконец состоялось официальное открытие новой воздушной гавани. В соответствии с достигнутыми договоренностями в течение 15 лет аэропорт будет управляться партнерами, после чего окончательно перейдет под контроль монгольской стороны (схема «invest-operate-transfer»[184]). Полноценное функционирование аэропорта по условиям соглашения должно было начаться в течение 10 месяцев с момента открытия[185], но по ряду причин, в том числе ввиду пандемии COVID-19, воздушная гавань приступила к работе 4 июля 2021 г.[186]

Новый аэропорт, которому было присвоено название «Чингисхан», оснащен новейшим оборудованием для обеспечения полетов и двумя взлетно-посадочными полосами длиной более 3,5 км, что позволяет принимать даже самые крупные самолеты. Пассажиропоток нового аэропорта рассчитан на 1,1 тыс. пассажиров в час и до 3 млн. в год. Помимо взлетно-посадочных полос, построены более 30 объектов: терминал, центр управления полетами, тепловая электростанция, инженерные линии и др., без учета перспективных планов строительства поблизости города-спутника монгольской столицы на 100 тыс. жителей. Как неоднократно отмечали представители правительств Монголии и Японии, новый аэропорт, более чем в три раза превосходящий по пропускной способности старый аэропорт «Буянт-Ухаа» (ранее также «Чингисхан»), не только стратегически важен для не имеющей выхода к морю Монголии, но и дает стране возможность более активно включиться в систему международных экономических отношений.

Монгольская сторона заинтересована и в участии Японии в финансировании и оказании технической помощи при строительстве новых

---

[184] «Invest-operate-transfer» («инвестирование-управление-передача») – инвестиционная схема, подразумевающая полную или частичную передачу управления построенным объектом инвестору на определенный срок. Применяется в рамках проектов по созданию инфраструктуры и объектов недвижимости.

[185] Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens / B.Dulguun // The UB Post. - July 2019, № 076 (2044), p. 3.

[186] Lee, Will. Mongolia’s Newest Airport Opens for Operations / Will Lee // AirlineGeeks, July 06, 2021. URL: https://airlinegeeks.com/2021/07/06/mongolia-s-new-airport-has-launched/ (дата обращения: 10.03.2022)

автомобильных и железных дорог, с перспективой увеличения экспорта в Японию ресурсов (в первую очередь угля) через российскую территорию. Совместно с США Япония оказывает значительную помощь Монголии в развитии автодорожной и железнодорожной сети и городского общественного транспорта, а также совершенствовании логистических схем. С 1992 г. по линии АБР монголам была оказана значительная финансовая помощь для этих целей, ее общий объем превышает 570 млн. долл. США. Формы выделения этих средств – льготные кредиты (более 85%), гранты и проекты по технической помощи.

Энергетика. Монголо-японское сотрудничество в энергетической сфере – весьма перспективное направление для обеих стран. Все электростанции, действующие в Монголии, были построены в советский период (а именно в 1950-1980-е гг.) при поддержке СССР. После распада Советского Союза тепловые электростанции Монголии практически не модернизировались и не реконструировались (одним из немногих исключений является крупнейшая ТЭЦ-4, на которой в 2015 г. был введен в эксплуатацию новый, 7-й энергоблок), 90% вырабатываемой ими энергии генерируется за счет угля. В условиях, когда значительную часть потребляемой электроэнергии Монголия вынуждена импортировать из России ввиду низкого качества и износа существующих мощностей, использование угля на ТЭЦ закономерно наносит ущерб экологии (60% вырабатываемых в стране парниковых газов), а уровень энергопотребления постоянно растет, монгольские власти всерьез задумались строительстве новых станций и модернизации существующих, а также об использовании альтернативных источников энергии. В свою очередь, Япония располагает развитыми технологиями в энергетической сфере и может оказать Монголии содействие, в том числе по линии НПО и международных организаций.

В декабре 2008 г. корпорация «Марубени» получила от монгольского правительства специальное разрешение на проведение в Монголии

геологической разведки с целью выявления залежей урана. С учетом планов КНР по строительству новых АЭС и расширению существующих это сулило японской компании неплохие шансы заработать на поставках урана из Монголии как на японские, так и на китайские станции[187]. Более того, в перспективе, если бы японской стороне удалось убедить монгольских партнеров и обойти зарубежных конкурентов, возможно было бы и строительство атомной станции в Монголии, что решило бы многие энергетические и экологические проблемы страны и особенно ее столицы, Улан-Батора.

Но авария на АЭС «Фукусима-1» весной 2011 г. привела к значительному падению спотовых цен на природный уран и резко усилила позиции противников разработки урана, которых поддерживает значительная часть монгольской общественности. В итоге только заключенные между «Марубени» и монгольской «Khan Resources Inc.» соглашения о разработке урановых месторождений в аймаке Дорнод (Восточный) были заморожены, как и монголо-японское взаимодействие в данной отрасли в целом. Впрочем, со временем стороны вполне могут вновь обратить внимание на это направление сотрудничества, учитывая, что сама Япония с 2015 г. активно возвращает в коммерческую эксплуатацию ранее остановленные ядерные реакторы своих АЭС.

Другой перспективный вид энергетики, при развитии которого Монголии может пригодиться японская технологическая и финансовая помощь – энергетика, основанная на возобновляемых источниках энергии. В марте 2019 г. АБР и фонд «Leading Asia’s Private Infrastructure Fund» (LEAP) подписали с частными компаниями из Японии, Монголии и Таиланда соглашение о выделении кредита на 18,7 млн. долл. США для строительства в Монголии солнечной электростанции мощностью 15 МВт (или 22,3 ГВт в год)

[187] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

[188]. При этом Япония участвует в финансировании проекта как через АБР, так и через LEAP, который финансируется Японским агентством по международному сотрудничеству (JICA). При строительстве предполагается применить устойчивые к сильным перепадам температур технологии, что обеспечит бесперебойную работу станции в условиях резко континентального климата Монголии. Электростанция будет поставлять энергию в Центральную энергосистему Монголии, на которую приходится до 80% энергопотребления страны.

Когда в 2012 г. ЕБРР начал реализацию проекта строительства ветровой электростанции «Салхит» в Монголии, японские власти в лице JICA рассматривали возможность принять участие в его финансировании, но в тот раз соответствующее решение не было принято[189]. Несколько лет спустя, в 2016 г., когда монгольская компания «Newcom LLC» искала партнеров для софинансирования возведения еще одной ВЭС на монгольской земле, на новый проект в сфере возобновляемой энергии вновь обратили внимание как японские, так и европейские инвесторы. В результате в ноябре 2016 г. «Newcom» и японская «SB Energy», входящая в «SoftBank Group», образовали совместное предприятие «Clean Energy Asia» и при финансовой поддержке все тех же JICA и ЕБРР начали строительные работы в пустыне Гоби в сомоне Цогт-Цэций (Южногобийский аймак). Новая ветровая электростанция «Цэций» мощностью 50 МВт была сдана в эксплуатацию с опережением графика работ в октябре 2017 г.

Следует отметить, что «Clean Energy Asia» не собирается останавливаться на достигнутом и уже приобрела права на использование земель в районе Гоби под строительство новых подобных станций. По подсчетам Министерства энергетики Монголии, Страна Вечного синего неба обладает потенциалом генерации энергии на ВЭС более чем в 1100 ГВт,

[188] Dulguun B. New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention / B.Dulguun // The UB Post. - March 2019, № 033 (2001), p. 1 and 5.
[189] Varriale, G. (2012). Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent, International Financial Law Review, Vol. 31 Issue 8: 30.

преимущественно за счет южных и восточных аймаков. «SoftBank Group» планирует подключить Монголию к своим планам развития энергетики в рамках Азиатской суперсети (The Asia Super Grid, ASG). По подсчетам японских специалистов, вполне реально было, например, осуществить поставки энергии с монгольских ВЭС в Японию для Олимпийских игр в Токио – 2020 общим объемом 2 ГВт по цене ниже 10,5 центов за кВт[190].

Впрочем, японская сторона в Монголии не оставляет без внимания и традиционные источники энергии. К примеру, 22 февраля 2019 г. в ходе встречи министра энергетики Монголии Ц.Даваасурэна с председателем Sasakawa Peace Foundation (SPF) Н.Танакой по тематике взаимодействия государств Северо-Восточной Азии в энергетическом секторе затрагивался в том числе и вопрос возможного строительства газопровода из России через Монголию в Китай. Япония проявляет интерес к этому проекту, и г-н Танака даже предложил монгольским коллегам рассмотреть идею присоединения Монголии к Форуму стран Северо-Восточной Азии по природному газу и газопроводам (NAGPF) и проведения заседания Форума в Улан-Баторе уже в 2019 году.

Частные инвестиции и двусторонняя торговля. Как уже говорилось, после 1991 г. японские предприниматели вслед за правительством своей страны одними из первых обратили внимание на возможность инвестирования в монгольскую экономику, включая отрасли, не относящиеся к горнодобывающей сфере. В 1990-2005 гг. более 220 компаний из Японии вложили более 100 млн. долл. США в различные сектора экономики Монголии. Основная часть японских инвестиций в те годы шла в легкую промышленность (48,6%). Примерно равными были объемы вложений в культурную и образовательную сферу (12,6%) и сферу телекоммуникаций (12,7%). Также японские компании вкладывали средства в развитие

[190] Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy // The Mongolian Observer. – 31 October 2017, № 10, Vol. 064, p. 26-29.

добывающей (7,4%) и пищевой промышленности Монголии, равно как и в транспортную сферу (по 5%), текстильную промышленность, телекоммуникации и банковский сектор[191].

Лидирующие позиции в области инвестирования в Монголию японцы удерживали до начала XXI века, среди же «третьих соседей» Япония до сих пор является одним из крупнейших инвесторов. Общий объем накопленных японских прямых инвестиций в Монголию в период 1990-2018 гг. составляет 23,9 млрд. долл. США. По монгольским данным, в 2019 г. объем прямых японских инвестиций в Монголию составил 121,7 млн. долл., в 2020 г. – 98,9 млн. долл.[192] Как и в случае с безвозмездной помощью и льготными кредитами, японские инвесторы в Монголии ныне отдают предпочтение горнодобывающей отрасли, энергетике и инфраструктуре, хотя сохраняется и интерес к другим направлениям.

Представители монгольского руководства неоднократно заявляли, что среди «третьих соседей» страны именно Япония и Республика Корея являются ключевыми экономическими партнерами Монголии; впервые такая позиция была озвучена монгольским премьером Н.Энхбаяром во время визита в США в 2001 году. Имеется множество успешных примеров совместных монголо-японских проектов с участием частного капитала. Японская «Sawada Holdings» владеет большинством акций «Хаан Банка», крупнейшего по размерам активов коммерческого банка Монголии. Жилой квартал «Японский городок» в центре Улан-Батора целиком построен на средства корпорации «Суруга». Совместная монголо-японская компания «MobiCom», мажоритарная доля в которой принадлежит «KDDI Corporation», была пионером на монгольском рынке сотовой связи и до сих пор удерживает на нем лидирующие позиции. Такие компании и корпорации, как «Марубени»,

---

[191] Базаров В. Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

[192] Хөрөнгө оруулалт 2020 [Инвестиции 2020] // Үндэсний статистикийн хороо [Национальный статистический комитет Монголии], 2021. URL: https://www2.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Investment_2020.pdf&ln=Mn (дата обращения: 29.04.2021)

«Соджиц» и «Иточу», являются важными игроками на монгольском ресурсном рынке и проявляют интерес к разработке новых месторождений, особенно к месторождениям Таван-Толгой и Оюу-Толгой. Развивается и монголо-японское сотрудничество в сфере общественного питания. При участии Японской организации по развитию внешней торговли (JETRO) регулярно проводятся заседания Совместного монголо-японского комитета представителей государственного и частного сектора по содействию торговле и инвестициям и по разработке минеральных ресурсов. Цель этой структуры – развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере двусторонней торговли и инвестирования, а также при добыче полезных ископаемых.

В феврале 2015 г. после трех лет переговоров Монголия и Япония подписали Соглашение об экономическом партнерстве (EPA), которое вступило в силу 7 июня 2016 г. Оно было призвано способствовать либерализации двусторонней торговли и всестороннему расширению экономических связей между странами[193]. Для Монголии подобное соглашение было первым; со временем, вероятно, появятся подобные договоренности с другими странами, но к тому времени японские предприниматели смогут расширить свою нишу на монгольском рынке, где Японию уже рассматривают как ключевого партнера из числа «третьих соседей». В числе прочего стороны пришли к согласию относительно более активного участия японских компаний в разработке крупнейшего в Монголии и одного из крупнейших в мире каменноугольного месторождения Таван-Толгой (прогнозируемый объем запасов – 6,4 млрд. тонн).

Также Соглашение предусматривает постепенное освобождение от ввозных таможенных пошлин и поэтапное снижение тарифов для примерно 5700 товарных наименований из Монголии и ок. 9300 из Японии в двусторонней торговле. Уже были освобождены от таможенных тарифов 3429 наименований монгольской продукции и 8000 японской, но результат с точки

[193] Masaki, Hisane. Japan and Mongolia sign free trade agreement / Hisane Masaki // International Trade News – JOC. - February 10, 2015.

зрения увеличения объемов двусторонней торговли пока не столь значим, как ожидалось; об этом говорили японские предприниматели в ходе визита Премьер-министра Монголии У.Хурэлсуха в Токио в декабре 2018 г.

Как и в случае с США, налицо значительный дисбаланс в монголо-японской двусторонней торговле: японский экспорт в Монголию намного превышает импорт. В 2020 г. товарооборот между странами составил ок. 372 млн. долл. США, из которых японский экспорт – 358 млн. долл., монгольский экспорт – всего 13,9 млн. долл. Монголия импортирует из Японии главным образом легковые автомобили (до 60-70% импорта), а также другие транспортные средства (грузовики, лодки, автобусы), технику для строительной и горнодобывающей отрасли, автомобильные шины и запчасти, а в Японию экспортирует продукцию текстильной промышленности, минеральные ресурсы (в основном полевые шпаты) и продукты животного происхождения.

В ходе переговоров по EPA монгольская сторона, помимо прочего, согласилась отменить тарифы на большинство японских автомобилей в течение 10 лет – и это с учетом того факта, что Япония уже доминирует на автомобильном рынке Монголии[194]. По состоянию на начало 2019 г., по данным Национального статистического комитета Монголии, собранные в Японии легковые автомобили составляли 62% от общего числа используемых в стране средств автомобильного транспорта (для Республики Корея – ближайшего конкурента Японии – лишь 26%). В результате имплементации Соглашения этот показатель со временем может стать еще выше, особенно с учетом куда более значительных объемов экспорта японских автомобилей в Монголию (так, в 2020 г. Япония экспортировала в Монголию легковые

[194] Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // Stratfor Analysis. - March 2012, p. 34 1 p. URL: https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement (дата обращения: 15.08.2019)

автомобили на общую сумму 226 млн. долл.[195], Республика Корея – лишь на 7,54 млн. долл.[196]).

Образование и здравоохранение. После 1990 г. одновременно с увеличением масштабов двустороннего сотрудничества в Монголии наблюдался стремительный рост интереса к японской культуре, языку и образованию, причем как среди горожан, так и у сельских жителей. С годами популярность японской тематики у монголов лишь возрастала. Ныне в монгольских СМИ регулярно появляются статьи и сюжеты, посвященные сотрудничеству с Японией в сферах образования и здравоохранения, а также культуре Страны восходящего солнца.

Правительства двух стран реализуют обменные программы для представителей законодательной власти, частных предпринимателей, а также студентов ВУЗов. В настоящее время 60-70 монгольских студентов учатся в Японии только на стипендии японского правительства. Свои программы в сфере образования в Монголии реализуют также АБР (программа «ADB-JSP»), JAICA, SPF, JETRO, Japan Foundation и другие международные и неправительственные организации с японским участием. Всего в Японии проживают более 5500 монгольских граждан, а в Монголии – ок. 400 японцев. Кроме того, за счет финансирования со стороны Японии в рамках программы «Корни травы»[197] был проведен капитальный ремонт и оснащены современным учебным оборудованием 55 общеобразовательных школ в 10 монгольских аймаках[198].

Среди монголов большой популярностью пользуется традиционная японская борьба сумо. Монгольские спортсмены имеют давнюю успешную

---

[195] Mongolia / Japan // The Observatory of Economic Complexity (OEC) website. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/mng/partner/jpn (дата обращения: 27.02.2022)
[196] Mongolia / South Korea // The Observatory of Economic Complexity (OEC) website. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/mng/partner/kor (дата обращения: 27.02.2022)
[197] Программа «Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects (GGP)», ранее «Small Scale Grant Assistance (SSGA)», реализуется Правительством Японии в развивающихся странах с 1990 г.
[198] Базаров В. Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 136-140.

историю выступлений в этом виде спорта; как правило, борцами сумо в Монголии становятся люди, ранее профессионально занимавшиеся монгольской национальной борьбой либо происходящие из семей с борцовскими традициями, хотя есть и исключения. Из шести иностранцев, когда-либо удостаивавшихся титула «ёкодзуна» (великий чемпион по борьбе сумо), четверо были монголами, последний из них завоевал это звание в 2014 году. Монгольский борец сумо М.Даваажаргал, выступающий под профессиональным псевдонимом Хакухо (Белый Феникс), является самым успешным из ёкодзун XXI века, ему принадлежат многие рекорды, в том числе по количеству выигранных турниров.

Несмотря на различие моделей финансирования здравоохранения в Японии и Монголии, совместные проекты в этой сфере также существуют. По качеству медицинских услуг Япония занимает одно из первых мест в мире, в рейтингах ВОЗ зачастую опережая развитые европейские страны; японская медицина также является общепризнанным мировым лидером в области современных технологий. Монгольские медицинские организации, зная это, стремятся к сотрудничеству с японскими коллегами с целью заручиться их поддержкой в деле повышения качества медицинских услуг в Монголии, совершенствования подготовки специалистов и внедрения инновационных подходов к диагностике и лечению[199].

Монгольский национальный университет медицинских наук, крупнейший из профильных ВУЗов страны, сотрудничает более чем с 80 медицинскими учебными заведениями и больницами Японии. По его инициативе организуются совместные форумы и тренинги для монгольских врачей в Японии. 1 апреля 2019 г. в Улан-Баторе состоялось открытие Монгольско-Японской учебной больницы, построенной на предоставленный JICA грант почти в 8 млрд. иен. Новое медицинское учреждение будет не

[199] Bayarsaikhan, Dorjsuren. Financing health promotion in Japan and Mongolia / Dorjsuren Bayarsaikhan // Bulletin of the World Health Organization. - November 2008, Vol. 86 Issue 11, p. 896-897.

только предоставлять медицинские услуги, но и предоставит преподавателям и студентам Монгольского национального университета медицинских наук возможность участия в тренингах. Учитывая, что больница оснащена современной японской медицинской техникой, а разработанные для нее тренировочные программы аналогичны действующим в Японии, монгольские медики рассчитывают на то, что она станет существенным подспорьем в деле совершенствования монгольской системы здравоохранения и дальнейшего развития монголо-японских связей в данной сфере[200].

[200] Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens // The UB Post. - April 2019, № 037 (2005), p. 4. 1 p.

2.3. Выводы.

США и Япония являются ключевыми партнерами Монголии из числа стран «третьего соседа». Они в числе первых начали активно развивать отношения с Монголией, когда на фоне «перестройки» в Советском Союзе и усиления центробежных тенденций в социалистическом лагере руководство страны приступило к демократическим преобразованиям по западному образцу. Именно Соединенным Штатам, точнее, государственному секретарю Дж.Бейкеру монголы обязаны и самим термином «третий сосед», первоначально прозвучавшим в контексте готовности США оказать помощь Монголии на пути к демократии и рыночной экономике. С 1991 г. Япония и Соединенные Штаты оказывали монголам донорскую помощь в виде льготных кредитов и безвозмездного предоставления средств. Полученные от Вашингтона и Токио деньги стали значительным подспорьем для Монголии при трансформации экономической и политической системы, особенно в 1990-х гг., когда страна переживала острый кризис, обусловленный трудностями переходного периода при одновременном прекращении масштабной помощи от северного соседа. С начала 2000-х гг., когда переход Монголии к демократии и рынку в основном завершился, японские и американские инвесторы совместно с монголами приступили к реализации совместных взаимовыгодных экономических проектов, при этом продолжая предоставление финансовой помощи и развитие двусторонних отношений по другим направлениям. При поддержке США и Японии Монголия присоединилась к МВФ, группе Всемирного банка, ВТО и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), на ее территории были открыты представительства правительственных агентств этих стран (USAID, JICA) и НПО с японским и американским участием. Регулярно проходят визиты и встречи представителей американских и японских властей с монгольскими коллегами на всех уровнях вплоть до высшего.

Для монголов, стремящихся к расширению сотрудничества с экономически развитыми демократическими странами, Соединенные Штаты и Япония являются идеальными «третьими соседями». Обе страны напрямую упомянуты в основных внешнеполитических документах Монголии (Концепции национальной безопасности 2010 г. и Концепции внешней политики Монголии 2011 г.) как основные партнеры из числа государств «третьего соседа». Монголы заинтересованы в наращивании экспорта своих товаров (главным образом, полезных ископаемых и продукции сельского хозяйства) на японский и американский рынок как с целью извлечения прибыли, так и для снижения зависимости от экспорта в сопредельные Россию и Китай, воспринимаемой некоторыми в Монголии как чрезмерная. Япония и Соединенные Штаты располагают финансовыми средствами и технологиями, необходимыми монголам для модернизации и продолжения экономического роста. В глазах ориентированных на западные ценности представителей монгольской элиты тесные отношения с США и Японией – государствами, возглавляющими список развитых демократий Запада и Востока – являются своего рода гарантией того, что непосредственно граничащие с Монголией КНР и Россия более никогда не будут доминировать над этой страной, как это было соответственно при империи Цин и в советский период. Также поддержка со стороны развитых государств «третьего соседа» расценивается некоторыми монгольскими политиками и экспертами как залог продолжения строительства в Монголии демократической политической системы и недопущения «возвращения к авторитаризму» под влиянием ближайших соседей.

В свою очередь, Соединённые Штаты и Японию объединяет общая заинтересованность в усилении своих позиций в Монголии и, соответственно, в ослаблении влияния России и КНР на Монголию. Более активная и независимая политика России и Китая на международной арене вкупе с растущей экономической мощью последнего привели к тому, что американские и японские правящие круги начали усиленно продвигать

внешнеполитические концепции («Поворот к Азии», «Дуга свободы и процветания», «Индо-Тихоокеанский регион»), в основе которых лежат идеи сотрудничества с демократическими государствами Евразии с целью сбалансировать влияние «авторитарных режимов» и противодействовать им. Политики из США и Японии не стесняются использовать тему «общности демократических ценностей» в связке с вопросами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также предоставления монголам финансовой помощи. Дальнейшие демократические реформы обозначаются как залог укрепления связей со странами Запада, а сближение с Россией и Китаем, напротив, изображается в негативном ключе. Японцы и американцы не боятся вкладывать средства не только в традиционно привлекательные для иностранных инвесторов отрасли, такие, как горнодобывающая промышленность, но и в сферу услуг, инфраструктурное строительство и туристический бизнес, а также в проекты, связанные с улучшением экологической обстановки в Монголии, будь то возведение очистных сооружений или «зеленая энергетика». Кроме того, обе страны уделяют внимание развитию сотрудничества с монгольской стороной в области науки, культуры, образования и здравоохранения, в том числе по линии неправительственных организаций.

При том, что подходы Японии и США к развитию отношений с Монголией схожи, имеются и значимые различия. Соединенные Штаты заинтересованы в Монголии в первую очередь как в геополитическом плацдарме в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии. Они стремятся сохранить и укрепить свое политическое и культурное влияние на монголов, а также обеспечить продолжение процесса «строительства нации» («nation-building») по собственным демократическим лекалам. Американцы имеют возможность воздействовать на проведение реформ и направлять их через подконтрольные им международные организации и НПО. Эта деятельность позволяет США поддерживать свое идеологическое доминирование и укреплять свой авторитет «защитника демократии» в

регионе, что, в свою очередь, ослабляет позиции «недемократических» и «авторитарных» государств, к которым американская сторона относит ближайших соседей Монголии. Той же цели служит вовлечение монголов в военные операции под эгидой США и НАТО, равно как и доселе безуспешные попытки так или иначе подключить Монголию к американской системе союзов в Азии. Объемы же экономического сотрудничества Соединённых Штатов и Монголии, к неудовольствию монгольской стороны, невелики и не демонстрируют тенденции к существенному росту. Несмотря на перспективность монгольского рынка, американских инвесторов отпугивает высокий уровень коррупции, громоздкий бюрократический аппарат, проявления монгольского «ресурсного национализма» и неблагоприятная рыночная конъюнктура при инвестировании в полезные ископаемые, добываемые на монгольской территории.

Для Японии, как для одного из ближайших союзников США, при развитии отношений с Монголией соображения геополитики также играют важную роль, что вписывается в вышеупомянутую концепцию «Индо-Тихоокеанского региона». В то же время с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в японо-монгольских отношениях возросла значимость других факторов. Японская сторона заинтересована в расширении экономических связей с Монголией, которые начали развиваться еще в советский период. В настоящее время Япония является основным экономическим партнером Монголии из числа стран «третьего соседа». Предприниматели Страны восходящего солнца стремятся к расширению деятельности своих компаний на монгольском рынке, увеличению числа совместных проектов и, в перспективе, получению доступа к природным богатствам Монголии. Между двумя странами действует заключенное в 2015 г. двустороннее Соглашение об экономическом партнерстве (EPA), единственное в своем роде для монгольской стороны. Перспективным направлением сотрудничества является энергетика, в частности альтернативная, хотя совместные проекты в атомной отрасли были заморожены после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г.

Развиваются японско-монгольские связи в образовательной и культурной сфере – здесь у Японии имеется преимущество в виде культурной близости к Монголии – и в области медицины, где японские специалисты способствуют повышению уровня оказания медицинских услуг в монгольских клиниках. Кроме того, Япония заинтересована в посреднических усилиях монгольской стороны при урегулировании конфликта на Корейском полуострове.

Глава 3. Международная миротворческая и гуманитарная деятельность Монголии в контексте политики «третьего соседа»

3.1. Мотивация, правовые основы и участие Монголии в международной миротворческой деятельности.

В рамках политики «третьего соседа» Монголия стремится к активному участию в международной гуманитарной и миротворческой деятельности. В Главе 3 Концепции национальной безопасности Монголии указано, что одним из путей развития двустороннего сотрудничества и многосторонних связей с зарубежными партнерами Монголии является «активное участие в международных миротворческих миссиях»[201]. Это способствует повышению международного престижа Монголии в качестве страны, которая не является участником военно-политических блоков и международных территориальных споров, имеет безъядерный статус, поддерживает ровные дружественные отношения со всеми странами вне зависимости от их политического режима и совместно с другими участвует в миротворческих миссиях. Косвенным результатом миротворческих усилий монгольских властей может считаться более благожелательное отношение к стране со стороны международных организаций и НПО, а следовательно, и зарубежных инвесторов, чьи средства так необходимы Монголии. Кроме того, такой внешнеполитический курс Монголии увеличивает значимость развития отношений с ней для стран «третьего соседа»: ее помощь в качестве авторитетного и нейтрального посредника может быть востребована при урегулировании международных конфликтов в Северо-Восточной Азии (включая конфликты с участием КНДР) и за её пределами.

[201] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010.

В 1998 г. Великий Государственный Хурал (парламент Монголии) утвердил «Основы государственной военной политики Монголии»[202], где миротворческая деятельность впервые была обозначена как политико-дипломатическое средство обеспечения национальной безопасности Монголии. В 1999 г. Монголия и ООН подписали Меморандум о взаимопонимании относительно участия в резервных соглашениях Организации Объединенных Наций (*Memorandum of Understanding Concerning Contributions to the United Nations Standby Arrangements*)[203]. Три года спустя, в 2002 г., монгольские парламентарии приняли законы «О Вооружённых силах»[204] и «Об участии военнослужащих и сотрудников полиции в миротворческих операциях ООН и других международных операциях»[205]. Эти акты составили первоначальную правовую основу для участия подразделений монгольской армии и военной полиции в международной миротворческой деятельности в рамках миссий ООН и НАТО; впоследствии законодательство Монголии в миротворческой сфере пополнилось также законом «Об участии в поддержании мира», принятым 20 мая 2010 г. Уже в 2002 г. двое монгольских военных наблюдателей были направлены в Африку в Миссию ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (MINURSO), а ещё двое – в Миссию ООН в Демократической Республике Конго (MONUSCO)[206]. Кроме того, в октябре того же 2002 г. в период визита Генерального секретаря ООН К.Аннана в Монголию в ходе переговоров между ним и президентом Н.Багабанди экспертами ООН было высказано предложение о создании на

---

[202] Монгол Улсын Төрийн цэргийн бодлогын үндэс [Основы государственной военной политики Монголии] // URL: https://vip76.mn/law/project/97 (дата обращения: 14.05.2020)
[203] Mongolia Joins Standby Arrangements for Peacekeeping Operations // United Nations website, 27.09.1999. URL: https://www.un.org/press/en/1999/19990927.pko82.doc.html (дата обращения: 05.04.2021)
[204] Зэвсэгт хүчний тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «О Вооружённых силах»] // 16.05.2002.
[205] Цэрэг, цагдаагийн албан хаагчийг Нэгдсэн Үндэстний Байгууллагын энхийг сахиулах болон олон улсын бусад ажиллагаанд оролцуулах тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «Об участии военнослужащих и сотрудников полиции в миротворческих операциях ООН и других международных операциях»] // 17.05.2002.
[206] Service and Sacrifice: Mongolia continues to strengthen its contribution to UN peacekeeping // UN News website, 09.03.2018. URL: https://news.un.org/en/story/2018/03/1004552 (дата обращения: 05.05.2021)

монгольской земле Регионального тренировочного центра для международных миротворческих сил[207]. Ныне в этом качестве используется Учебный центр Вооруженных сил Монголии «Таван-Толгой».

В последующие годы монгольские военные неоднократно принимали участие в миротворческих миссиях ООН. Направляемые за рубеж воинские контингенты монгольских миротворцев невелики в сравнении с подразделениями некоторых других государств, но для Монголии, с учетом ее населения, размеров ВВП и численности Вооруженных Сил, они весьма значительны[208]. В 2006 г. Монголия отправила 250 военнослужащих в Либерию, где они участвовали в международных усилиях по поддержанию мира в этой стране, недавно пережившей вторую гражданскую войну (1999-2003 гг.). После того, как в том же 2006 г. завершилась Миссия ООН в Сьерра-Леоне (UNAMSIL), граничащей с Либерией, в обязанности монгольских миротворцев вошло также обеспечение безопасности Специального суда по Сьерра-Леоне. Этот международный судебный орган был создан правительством страны совместно с ООН, чтобы призвать к ответу виновных в военных и иных преступлениях в период гражданской войны в Сьерра-Леоне (1991-2002 гг.): многие из обвиняемых все еще пользовались значительной поддержкой населения, чем и была вызвана необходимость в помощи миротворцев. В общей сложности до вывода монгольских сил в 2011 г. в Либерии и Сьерра-Леоне прошли службу 2300 военных из страны Вечного синего неба[209].

---

[207] Mendee, Jargalsaikhan. Mongolia’s Peacekeeping Commitment / Col. Jargalsaikhan Mendee // National Defense Intelligence College, May 2007. URL: https://www.ni-u.edu/ni_press/pdf/Mongolia_Peacekeeping_Commitment.pdf (дата обращения: 03.04.2021)

[208] Discovering Peacekeeping as a New Mission: Mongolia / Thomas C. Bruneau and Jargalsaikhan Mendee // The Routledge Handbook of Civil–Military Relations / ed. by Thomas C. Bruneau and Florina Christiana Matei. Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, The United Kingdom: Routledge, 2013, pp. 204-210.

[209] Security Sector Governance in Mongolia: Almanac 2017 // The Ulaanbaatar Center for Policy Studies and the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF) / Ulaanbaatar, 2007. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Security%20sector%20governance%20Mongolia%20Almanac%202017.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

Значительные силы монгольских миротворцев были задействованы в международных миссиях в Судане. После подписания Всеобъемлющего мирного соглашения (2005 г.) между правительством страны и Народной армией освобождения Судана Монголия в 2006 г. направила нескольких военнослужащих для участия в Миссии ООН UNMIS, мандат которой истек в 2011 г. С 2010 г. монгольские военные участвовали в более масштабной совместной миссии Африканского Союза и ООН в Дарфуре (UNAMID) в рамках международных усилий по прекращению межэтнического конфликта в этом суданском регионе. За период до 2020 г., когда Совет Безопасности ООН принял решение о завершении UNAMID, в Дарфуре побывали более 300 миротворцев из Монголии. Кроме того, в дарфурском округе Кабкабия существовал монгольский госпиталь со штатом из примерно 70 медиков (из них половина – женщины), оказывавших медицинскую помощь не только военному и гражданскому персоналу ООН, но и более 10 тыс. местных жителей из местных общин[210].

В 2012 г. полноценный батальон ВС Монголии (850 человек) в рамках Миссии ООН был направлен в только что обретший независимость Южный Судан; когда в 2013 г. в этой стране началась гражданская война, монгольские военные внесли значимый вклад в деятельность по защите гражданского населения и объектов ООН, патрулированию, проведению поисковых полицейских операций и обеспечению соблюдения враждующими сторонами соглашений о прекращении огня. Ввиду грозящего стране голода миротворческие силы обязаны также обеспечивать сопровождение продовольственных грузов, доставляемых самолетами по линии Всемирной продовольственной программы ООН (WFP). Многие монгольские миротворцы, проходившие службу в Южном Судане, были награждены Медалями ООН; официальные лица Организации Объединенных Наций

[210] Service and Sacrifice: Mongolia continues to strengthen its contribution to UN peacekeeping // UN News website, 09.03.2018. URL: https://news.un.org/en/story/2018/03/1004552 (дата обращения: 05.05.2021)

отмечали отвагу, решимость и стойкость военных из Монголии[211]. Также с 2012 г. несколько монгольских экспертов и штабных офицеров присутствуют в суданском районе Абьей в составе Временных сил безопасности ООН для Абьея (UNISFA), обеспечивающего безопасность в этом районе, чья принадлежность оспаривается Суданом и Южным Суданом.

В 2009-2010 гг. 533 солдата ВС Монголии приняли участие в Миссии ООН в Центрально-Африканской Республике и Чаде (MINURCAT), организованной в 2007 г. для защиты гражданского населения этих стран, когда боевые действия в Дарфуре перекинулись на их территорию. Кроме того, монгольские миротворцы приняли менее масштабное участие в нескольких других операциях ООН, как продолжающихся, так и уже завершенных. Как было сказано выше, с 2002 г. ВС Монголии направляют наблюдателей для участия в Миссии Организации Объединенных Наций по проведению референдума в Западной Сахаре (MINURSO). Несмотря на то, что за столько лет референдум по статусу региона так и не был организован ввиду разногласий конфликтующих сторон, а эффективность прекращения огня ныне ставится под сомнение, вклад монгольских военных экспертов в поддержание мира между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО заслужил признание в ООН. В 2006-2008 гг. миротворцы и эксперты из Монголии участвовали в Миссии ООН в Эфиопии и Эритрее (UNMEE), в 2007-2009 гг. – в Грузии (UNMIG), с 2002 г. они продолжают работу в Демократической Республике Конго. С 2012 г. граждане Монголии также участвуют в работе политической Миссии ООН по содействию Афганистану (UNAMA)[212].

Кроме того, как уже было сказано ранее, Монголия принимала участие в нескольких военных миссиях под эгидой США и НАТО. С 2003 г. монгольские военные размещены в Афганистане (за весь период – более 3 тыс.

---

[211] Service and Sacrifice: Mongolia continues to strengthen its contribution to UN peacekeeping // UN News website, 09.03.2018.

[212] Security Sector Governance in Mongolia: Almanac 2017 // The Ulaanbaatar Center for Policy Studies and the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF) / Ulaanbaatar, 2007. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Security%20sector%20governance%20Mongolia%20Almanac%202017.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

человек): сначала в рамках Международных сил содействия безопасности (ISAF), а с 2014 г. как часть операции «Решительная поддержка». В числе военных из других стран монголы принимали участие в обеспечении безопасности Кабула и базы НАТО близ Мазари-Шарифа, а также оказывали содействие при тренировке бойцов афганской армии, в частности артиллеристов и вертолётчиков, и ремонте местного артиллерийского парка[213]. В 2020 г. пребывание военнослужащих из Монголии в Афганистане было приостановлено ввиду тяжелой эпидемиологической ситуации в стране и распространения среди них COVID-19[214]. В 2003-2008 гг. военнослужащие из Монголии находились в Ираке в составе сил международной коалиции после свержения режима С.Хуссейна: до вывода коалиционных войск из страны в Ираке в общей сложности отслужили более тысячи монгольских солдат. В 2005-2007 гг. при содействии Вооруженных сил Бельгии монгольские миротворцы участвовали в миссии международных «Сил для Косово» (KFOR) на территории этой частично признанной республики: взвод численностью около 70 военных из Монголии входил в состав роты BELUX французского батальона KFOR. Кроме того, с апреля 2003 г. несколько монгольских офицеров штаба размещены при Центральном командовании Соединенных Штатов (CENTCOM): их задача – координация действий с американской стороной и другими союзниками в ходе совместных военных миссий[215]. В 2014 г. вышеупомянутый центр ВС Монголии «Таван-Толгой» в дополнение к функциям тренировочного центра для миротворцев ООН получил статус учебного центра НАТО.

[213] Discovering Peacekeeping as a New Mission: Mongolia / Thomas C. Bruneau and Jargalsaikhan Mendee // The Routledge Handbook of Civil–Military Relations / ed. by Thomas C. Bruneau and Florina Christiana Matei. Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, The United Kingdom: Routledge, 2013, pp. 204-210.
[214] Ankhtuya B. Mongolia to repatriate peacekeepers from Afghanistan / B.Ankhtuya // News.mn website, 08.07.2020. URL: https://news.mn/en/793346/ (дата обращения: 05.04.2021)
[215] Mendee, Jargalsaikhan. Mongolia’s Peacekeeping Commitment / Col. Jargalsaikhan Mendee // National Defense Intelligence College, May 2007.

3.2. Отношения Монголии с государствами-участниками межкорейского урегулирования.

Возможность для Монголии играть роль посредника при урегулировании конфликта на Корейском полуострове на современном этапе объясняется не только ее принадлежностью к региону Северо-Восточной Азии, но и ее приверженностью курсу на развитие сотрудничества со всеми странами мира, вне зависимости от господствующей в них идеологии и их принадлежности к военно-политическим союзам. В советский период Монголия поддерживала дружественные отношения не только с СССР и странами Варшавского договора, но и с большинством других социалистических и нейтральных стран, а после перехода к демократии внешнеполитическая концепция «третьего соседа» позволила ей построить партнерские отношения и с бывшими соперниками по «холодной войне», сохранив при этом связи с прежними союзниками[216].

В 1948 г. Монголия (тогда МНР) стала второй страной после СССР, признавшей независимость КНДР. Монголы оказали северокорейскому режиму содействие в ходе Корейской войны 1950-1953 гг. и в период послевоенного восстановления. Впоследствии дружественные связи между МНР и КНДР были омрачены тем, что в советско-китайском противостоянии они оказались на разных сторонах. В 1980-х гг. отношения между крупнейшими державами коммунистического лагеря были нормализованы, и две страны продолжили развивать всестороннее сотрудничество, что нашло отражение в подписанном в 1986 г. Договоре о дружбе и взаимной помощи. После монгольской «демократической революции» двусторонние связи с Северной Кореей вновь прошли период охлаждения, главным образом из-за стремления монгольского руководства к сближению с Республикой Корея; в

[216] Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

1999 г. даже было временно закрыто посольство КНДР в Улан-Баторе. Однако с 2002 г. началось восстановление монголо-северокорейского сотрудничества: монгольскую столицу посетил с визитом глава МИД Северной Кореи Пэк Нам Сун, стороны подписали новый Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, в 2004 г. возобновили работу дипломатические представительства[217]. Сейчас, в отличие от многих других бывших социалистических стран, Монголия может похвастаться дружественными отношениями с КНДР.

Монгольские компании инвестируют в северокорейскую промышленность, сельское хозяйство и туристическую отрасль. В 2013 г. монгольская компания HBOil JSC приобрела 20-процентную долю в северокорейском государственном НПЗ «Sungri Chemical Complex», которую, впрочем, в 2016 г. решила продать в условиях очередного обострения международной ситуации вокруг ядерных испытаний КНДР, а также ввиду пассивности северокорейской стороны при развитии своей нефтяной отрасли. До 2018 г. на монгольской земле работали несколько тысяч граждан КНДР: в соответствии с соглашением от 2008 г. в течение 5 лет Монголия могла принимать до 5300 северокорейских работников. Возможность работать за рубежом была очень привлекательна для северокорейцев, поскольку в Монголии они могли получать заработную плату, в 5-6 раз превосходящую средний показатель по КНДР[218]. В Пхеньяне также в целом позитивно воспринимали поездки своих граждан на работу в Монголию, забирая часть заработанных ими денег и обеспечивая ввоз в страну приобретаемых ими товаров с монгольского рынка. Главным образом северокорейские граждане в Монголии были заняты в строительной отрасли, обрабатывающей

[217] Krusekopf, Charles. North Korea and Mongolia: A New Partnership for Two Old Friends? / Charles Krusekopf // The East-West Center, Washington, D.C. – The Asia Pacific Bulletin, November 14, 2013, № 240. URL: https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb240.pdf (дата обращения: 15.04.2021)

[218] Branigan, Tania. Mongolia's special relationship with North Korea pays economic dividends / Tania Branigan // The Guardian, October 25, 2013. URL: https://www.theguardian.com/world/2013/oct/25/mongolia-north-korea-special-relationship (дата обращения: 01.05.2021)

промышленности, медицине и сфере услуг, существовали планы по их привлечению к строительству железных дорог и освоению месторождений. В 2018 г. ввиду присоединения Монголии к новым международным санкциям против КНДР этим работникам пришлось вернуться на родину[219]. Следует упомянуть, что в годы президентства Ц.Элбэгдоржа (2009-2017 гг.) монгольские власти вели с северокорейцами переговоры относительно возможного использования порта Раджин для экспорта монгольских товаров, в частности каменного угля. В 2015 г. в ходе визита главы МИД КНДР Ри Су Ёна в Улан-Батор была достигнута договорённость об отправке 25 тыс. тонн монгольского угля через Раджин в рамках пробного экспортного проекта[220]. В случае создания развитой транспортной инфраструктуры северокорейский порт мог бы составить конкуренцию китайскому Тяньцзиню и российским дальневосточным гаваням как центр морской торговли для лишенной выхода к морю Монголии.

Улан-Батор неоднократно оказывал северокорейцам гуманитарную помощь, так им необходимую в условиях международных санкций[221]. Неофициально северокорейское руководство проявляет немалый интерес к изучению монгольского опыта экономических реформ: речь не только об опыте трансформации экономической системы в сторону рынка, но и об используемой в Монголии практике привлечения иностранных инвесторов и развития совместных проектов в горнодобывающей сфере, поскольку КНДР, как и Монголия, обладает богатыми запасами полезных ископаемых[222]. По утверждениям монголов, Пхеньян не рассматривает их страну как угрозу,

---

[219] Campi, Alicia. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457

[220] Choi, Ha-young. Mongolia to send coal through N. Korean port / Ha-young Choi // The NK News. – February 25, 2015. URL: https://www.nknews.org/2015/02/mongolia-to-send-coal-through-n-korean-port/ (дата обращения: 12.04.2021)

[221] Гольман, Марк. Монголия – посредник и партнер КНДР / Марк Гольман // NEO – Новое Восточное Обозрение, 08.08.2014. URL: https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/ (дата обращения: 24.08.2020)

[222] Dierkes, Julian and Mendee Jargalsaikhan. Mongolia in an Emerging Northeast Asian Region / Julian Dierkes, Mendee Jargalsaikhan. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 91-100.

потому что Монголия не является союзником западных держав, враждебно относящихся к Северной Корее, а также ввиду богатого опыта двухстороннего взаимодействия в советский период. Кроме того, несмотря на приверженность ценностям либеральной демократии, монгольские власти не подвергают северокорейское руководство столь жесткой критике по вопросам прав человека, хотя и выражают солидарность с соответствующими высказываниями представителей стран Запада. По мнению экспертов, монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа», позволяющая стране извлекать выгоды из сотрудничества с зарубежными партнерами и при этом избегать чрезмерной зависимости от них, также вызывает интерес Пхеньяна[223]. Все эти факторы вкупе с хорошими отношениями Монголии с поддерживающими КНДР Китаем и Россией обеспечивают доверие северокорейского режима к Монголии как к возможному посреднику при переговорах с Республикой Корея, Японией, США и их союзниками.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг., как уже говорилось, монголы приступили к налаживанию связей с демократическими государствами, контакты с которыми были ограничены в период «холодной войны» ввиду их ориентации на США. В 1990 г. были установлены дипломатические отношения с Республикой Корея[224]. В непростой период демократизации и структурной перестройки экономики Монголии Южная Корея вошла в число стран, оказавших Монголии значительную финансовую помощь. С тех пор экономические связи монголов с Республикой Корея динамично развиваются. Еще в 1999 г. был создан монгольско-южнокорейский двухсторонний Деловой Совет; в его состав входят крупные компании и организации двух стран, в том числе Bodi International, Golomt Bank, Zag, Skytel, Samsung, MSC Holding,

[223] Panda, Ankit. What Do North Korea And Mongolia Have In Common? / Ankit Panda // The Diplomat, October 30, 2013. URL: https://thediplomat.com/2013/10/what-do-north-korea-and-mongolia-have-in-common/ (дата обращения: 05.06.2021)
[224] Бойкова Е.В. Монголия-Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений / Е.В. Бойкова // Новое Восточное Обозрение. - 2010 г.

Hyundai, Kia Motors, Korea Telecom и др. (всего более 40)[225]. В 2012 г. монгольский экспорт в Республику Корея составлял 1,4% от общего экспорта страны. Монголия экспортирует в РК молибден (8,1 млн. долл.), соль (14,2 млн. долл.) и катодную медь (2,3 млн. долл.), а также продукцию текстильной промышленности. Импорт из Южной Кореи в Монголию в 2012 г. составил 5,7 % от общего монгольского импорта. Основные статьи импорта из Республики Корея – легковые автомобили (45 млн. долл.), другая продукция машиностроения, текстиль и продукты питания. По показателям внешней торговли и по объему инвестиций Республика Корея стала для Монголии одним из крупнейших партнеров, некоторое время даже удерживая третью строчку после Китая и России. Южнокорейцы проявляют интерес к разработке монгольских запасов каменного угля, в частности на месторождении Таван-Толгой, добыча на котором еще не достигла максимальных объемов[226]. Еще одним перспективным направлением сотрудничества является совместная добыча меди. Так, в сентябре 2009 г. южнокорейская венчурная компания «Freegood» за 24,82 млн. долл. приобрела у «Ivanhoe Mines» (ныне «Turquoise Hill Resources») месторождение меди, расположенное в Ундур Наран, в 450 км на юго-востоке от Улан-Батора.

Следует отметить, что дружеские межгосударственные отношения Монголии и Южной Кореи, их географическая близость и хорошие возможности для получения специальности и рабочих мест стали причинами возникновения многочисленной монгольской диаспоры в Республике Корея. К 2003 г. ее численность составила 20 тыс. человек – больше, чем монгольские диаспоры в США, Евросоюзе и Японии, вместе взятых. При этом она продолжала расти и в 2008 г., по оценкам корейских экспертов, достигла 33 тысяч (1,2% граждан Монголии), что сделало монгольскую диаспору в Южной

[225] Бойкова Е.В. Монголия-Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений / Е.В. Бойкова // Новое Восточное Обозрение. - 2010 г.
[226] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.

Корее крупнейшей за пределами Монголии[227]. Более того, монгольские эксперты отмечают, что эти данные не учитывают нелегалов – с ними численность монголов в РК составляет 120-150 тыс. человек. Более половины монголов, легально проживающих в Южной Корее, находятся там на основании межправительственных соглашений. Остальные проживают и работают там по собственной инициативе, на основе трудовых договоров. При этом большинство монголов, постоянно проживающих в Республике Корея – это трудовые мигранты, занятые в южнокорейской тяжелой промышленности; другие работают в ресторанах и торговой сфере. В свою очередь, на монгольской земле проживает примерно 3,5 тыс. граждан Республики Корея. Многие из них работают в сфере малого бизнеса – от сферы общественного питания до оказания медицинских услуг. Согласно двустороннему монголо-южнокорейскому соглашению, подписанному в 2006 г., граждане обоих государств, проживающие в другой стране, на взаимной основе освобождаются от обязательных взносов в национальные пенсионные фонды страны пребывания.

В Южной Корее, так же как и в странах Запада и Японии, высоко отзываются о достижениях Монголии на пути становления либеральной демократии, рыночной экономики и утверждения верховенства прав человека, считая эту страну примером развития для других стран региона и выражая готовность оказывать ей помощь и в дальнейшем. США и союзные им страны позитивно относятся к господствующей во внешней политике Монголии концепции «третьего соседа» и заложенному в ней стремлению избежать чрезмерной зависимости от Китая и России, что проявляется в том числе в виде отказа монголов от присоединения к ШОС и ЕАЭС[228]. С одобрением они воспринимают и участие монгольских военнослужащих в вышеупомянутых

[227] Campi, Alicia. Expanding Prospects For ROK - Mongolian Relations – The View From Ulaanbaatar / Alicia Campi // Korea Economic Institute of America. - December 2012. - URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/kei_koreacompass_template_aliciacampi.pdf (дата обращения: 20.05.2021)
[228] Dierkes, Julian and Mendee Jargalsaikhan. Mongolia in an Emerging Northeast Asian Region / Julian Dierkes, Mendee Jargalsaikhan. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 91-100.

миссиях ООН и НАТО и международных учениях совместно с США и их союзниками[229]. Хотя в целом западные страны стремятся к международной изоляции Северной Кореи, они поддерживают развитие монголо-северокорейского сотрудничества, видя в Монголии значимый источник информации и канал связи с этой закрытой страной. Более того, взаимодействие Монголии и КНДР открывает определенные возможности трансформации северокорейского режима за счет использования им монгольского опыта реформ и роли Монголии как своего рода «окна в свободный мир» для работающих и обучающихся там северокорейских граждан, хотя в последние годы их численность значительно снизилась[230]. Республика Корея и ее союзники также заинтересованы в участии Монголии в процессе межкорейского урегулирования, поскольку хорошие отношения с КНДР позволяют ей играть роль посредника, которому доверяют все вовлеченные в конфликт стороны.

3.3. Посредничество Монголии при переговорах КНДР с Японией и США.

Как известно, в конфликте вокруг северокорейского ядерного оружия Япония и ее крупнейший союзник, США, выступают против КНДР. Однако в отношениях между этими странами имеется немало и других проблем, значительно усложняющих нормализацию отношений. Озабоченность японской стороны вызывает разработка в Северной Корее баллистических ракет средней и малой дальности, способных достичь японской территории. Кроме того, до сих пор неразрешенным остается вопрос похищений северокорейскими спецслужбами японских граждан в 1970-1980-е годы: похищенные люди, не имевшие отношения к политике, были использованы

[229] Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.
[230] Krusekopf, Charles. North Korea and Mongolia: A New Partnership for Two Old Friends? / Charles Krusekopf // The East-West Center, Washington, D.C. – The Asia Pacific Bulletin, November 14, 2013, № 240.

для подготовки разведывательных операций в Японии, преподавая агентам японский язык и культуру. КНДР в 2002 г. признала похищение 13 человек, совершенное якобы без ведома высшего руководства сраны, после чего пятеро оставшихся в живых японских граждан вернулись на родину. Япония же утверждает, что похищены были как минимум 17 человек, и некоторые из их числа не мертвы, как заявляют северокорейцы, а удерживаются в КНДР, будучи носителями военной тайны[231]. США поддерживают позицию своих японских союзников, призывая Северную Корею выдать остальных похищенных, и содействовали вынесению этой проблемы на обсуждение в международных организациях, включая ООН. Отчасти в связи с этой проблемой Соединенные Штаты и Япония обвиняют КНДР в систематических нарушениях прав человека и спонсировании терроризма. Между КНДР и Японией, как и между КНДР и США, даже никогда не были установлены дипломатические отношения.

Различия в позициях КНДР и ее оппонентов настолько велики, что в настоящее время едва ли можно говорить о возможности Монголии сыграть роль посредника при полном урегулировании разногласий между ними. Тем не менее дружественные связи монголов со всеми участниками конфликта дают им возможность предоставить нейтральную площадку для переговоров, чтобы снизить градус напряженности в отношениях и разрешить хотя бы часть спорных вопросов. В 2007 г. в монгольской столице в рамках шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР состоялась встреча на высоком уровне между представителями Северной Кореи и Японии, целью которой было заявлено содействие нормализации отношений между двумя странами. Понимая, насколько остры противоречия между сторонами и насколько важно обеспечить комфортную и спокойную обстановку при переговорах, монгольская сторона приняла все необходимые меры при их организации. Для

[231] Japan-North Korea Relations. Abduction Victims Identified by the Government of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan website / December 28, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000068.html (дата обращения: 01.05.2021)

проведения этого мероприятия руководство Монголии даже предоставило – по просьбе северокорейской стороны – здание государственной резиденции «Их Тэнгэр»[232]. К прорывным результатам, как и ожидалось, встреча не привела: по сути, стороны лишь подтвердили ранее занятые ими позиции по всем спорным вопросам. Всё же эти переговоры положили начало ряду встреч представителей Японии и Северной Кореи, призванных облегчить для сторон решение наиболее острых проблем в двусторонних отношениях.

15-16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне. Подобное мероприятие состоялось впервые с 2008 г.: тогда после двусторонних встреч в Пекине и Шэньяне переговоры были приостановлены ввиду внезапной отставки японского правительства Я.Фукуды. В Улан-Баторе Японию представлял Синсукэ Сугияма, директор Департамента Азии и Океании МИД Японии, Северную Корею – Сон Ильхо, ответственный за вопросы нормализации двусторонних отношений в ранге министра. В ходе переговоров стороны обсудили несколько вопросов, в частности, возвращение на родину останков японских военных, погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны, и возможность посещения их захоронений родственниками из Японии. Был также проведен углубленный обмен мнениями по проблеме похищенных, включая случаи, в которых северокорейская сторона отрицает свою причастность к пропаже японских граждан: японцы убеждены в виновности северокорейцев в похищении четырех человек и не исключают их причастность к исчезновению еще 883[233]. Представители двух стран договорились о продолжении диалога. К сожалению, второй раунд консультаций, запланированный на 5-6 декабря 2012 г., не состоялся ввиду

[232] Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings, January 20, 2015. URL: https://www.brookings.edu/opinions/mongolia-potential-mediator-between-the-koreas-and-proponent-of-peace-in-northeast-asia/ (дата обращения: 09.09.2020)
[233] Japan-North Korea Relations. Abduction Victims Identified by the Government of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan website / December 28, 2018.

очередного обострения конфликта вокруг ракетной и ядерной программы КНДР.

В марте 2014 г. в Улан-Баторе была организована первая встреча родителей японки Мэгуми Ёкоты, похищенной северокорейскими спецслужбами в 1977 г., с их внучкой Ким Ун Гён, живущей в КНДР, а также с ее мужем и ее собственной дочерью. О наличии дочери у Ёкоты её родителям было известно с 2002 г., однако встречу долгое время не получалось организовать – не в последнюю очередь из опасений, что прибытие родителей похищенной японки в Северную Корею может быть использовано для различных провокаций, связанных с проблемой похищенных в целом и конкретно со случаем Ёкоты. Японское руководство рассматривало возможность провести свидание четы Ёкота с внучкой на территории третьей, нейтральной страны, и в 2013 г. в ходе визита монгольского президента Ц.Элбэгдоржа в Токио японский премьер С.Абэ попросил его оказать содействие при организации такой встречи[234]. С января 2014 г. чиновники МИД Японии провели несколько раундов тайных переговоров с сотрудниками спецслужб КНДР в Ханое и Гонконге с целью подготовки данного мероприятия, и несколько месяцев спустя оно, наконец, состоялось. Эта встреча была благожелательно воспринята в японском обществе и привела к ряду двусторонних встреч представителей Японии и Северной Кореи в третьих странах, а также визиту японской делегации в сопровождении журналистов в Пхеньян 28-29 октября того же года[235]. Увы, результаты переговоров в северокорейской столице вызвали куда более прохладную реакцию в Японии, поскольку ожидаемого прорыва по проблеме похищений не произошло, более того, представители КНДР высказывались в основном по вопросам, которые японская сторона считает намного менее значимыми. В адрес северокорейского режима прозвучали обвинения в использовании

[234] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.
[235] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.

визита в пропагандистских целях, и очередной период потепления в двусторонних отношениях завершился.

Как известно, проблема похищенных Северной Кореей японских граждан осложняет двусторонние связи этих стран до сих пор: к примеру, в Японии отказываются верить утверждениям северокорейцев, что самой Мэгуми Ёкоты давно нет в живых. Тем не менее примечательно, что стороны избрали Монголию как наиболее подходящую нейтральную страну для проведения такой встречи. Учитывая, сколь глубоки противоречия в японско-северокорейских отношениях, накапливавшиеся со времен Корейской войны и предшествовавших ей периода японского колониального господства в Корее и событий Второй мировой войны, неудивительно, что между странами полностью отсутствует взаимное доверие. В этих условиях существует не так много стран, которым обе стороны могли бы доверить роль посредника при двусторонних контактах, и Монголия входит в число этих немногих. Монгольское руководство заявляет о готовности вновь предоставить площадку для мероприятий в рамках японско-северокорейских переговоров, если эти две страны направят им соответствующий запрос. При этом после 2014 г. представители Японии и КНДР несколько раз встречались на полях конференции «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии», о которой будет подробно сказано ниже.

История посредничества Монголии при переговорах США и КНДР куда скромнее. По мнению некоторых исследователей, руководство Соединенных Штатов не доверяет Монголии в достаточной степени, чтобы принять ее посредничество на двусторонних американо-северокорейских переговорах о судьбе Корейского полуострова, даже если американцы не возражают против развития отношений между Монголией и Северной Кореей[236]. В мае 2014 г. в Улан-Баторе прошла неофициальная встреча

[236] Krusekopf, Charles. North Korea and Mongolia: A New Partnership for Two Old Friends? / Charles Krusekopf // The East-West Center, Washington, D.C. – The Asia Pacific Bulletin, November 14, 2013, № 240.

заместителя министра иностранных дел КНДР Ри Ёнг Хо и его советника с группой американских граждан, в которую входили профессора университетов и бывшие сотрудники Государственного департамента и ЦРУ США во главе со Стефаном Готсвортом, некогда занимавшим пост советника по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями в администрации Обамы[237]. Темой обсуждения было возобновление шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове, которые на тот момент не проводились уже шесть лет. Стороны обменялись мнениями по данному вопросу, и Ри Ёнг Хо увез в Пхеньян пакет предложений американской стороны для передачи северокорейскому руководству[238]. К сожалению, добиться перезапуска шестисторонних переговоров ни тогда, ни позже не удалось.

В 2018 г., когда стороны вели подготовку к проведению саммита лидеров США и КНДР, высказывались предположения о возможности его проведения именно на монгольской земле. Политические деятели и ученые из Монголии и стран «третьего соседа» в разное время заявляли о поддержке идеи организации этого мероприятия в Улан-Баторе, эта инициатива обсуждалась на встречах руководителя администрации президента Монголии З.Энхболда с главами дипломатических представительств Соединенных Штатов и КНДР в Монголии. Позитивно отзывались о возможности такого варианта проведения саммита и российские эксперты, в том числе известный специалист по Корее, профессор А.Н.Ланьков и заведующий отделом Кореи и Монголии ИВ РАН А.В.Воронцов[239]. В числе аргументов назывались неучастие Монголии в военных альянсах, ее статус как безъядерной зоны, хорошие отношения как с Вашингтоном, так и с Пхеньяном, удобное

[237] Campi, Alicia. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457
[238] Гольман, Марк. Монголия – посредник и партнер КНДР / Марк Гольман // NEO – Новое Восточное Обозрение, 08.08.2014.
[239] Портякова, Наталья. Пути Трампа и Кима сойдутся в Монголии / Наталья Портякова // Известия, 28 апреля 2018 г. URL: https://iz.ru/736446/nataliia-portiakova/puti-kima-i-trampa-soidutsia-v-mongolii (дата обращения: 05.03.2021)

географическое положение Монголии для обеих сторон и опыт Монголии по организации крупных международных мероприятий на высшем уровне[240]. В итоге местом проведения саммита был избран Сингапур: по мнению некоторых исследователей, несмотря на доверие к монгольской стороне, северокорейское руководство закономерно предпочло при проведении мероприятия положиться не на «молодую демократию», а на «авторитарный режим»[241]. Однако возможность для проведения в будущем переговоров между представителями США и КНДР на монгольской земле и интерес Соединенных Штатов к посредничеству Монголии в ходе межкорейского урегулирования сохраняются. Как и в случае с Японией, делегаты двух стран встречались в ходе «Улан-Баторского диалога» и на полях этой конференции.

Следует упомянуть, что с 2015 г. ежегодно проводятся трехсторонние встречи делегаций внешнеполитических ведомств Японии, Монголии и США. На этих саммитах предметом обсуждения становится не только экономическое сотрудничество Монголии с двумя крупнейшими из ее «третьих соседей», но и вопросы согласования внешнеполитических действий на направлениях, где интересы сторон совпадают, а также проблемы региональной безопасности и интеграции. Затрагиваются и темы, связанные с проблемой урегулирования конфликта на Корейском полуострове. Хотя позиция Монголии по этому вопросу не полностью совпадает с той, которую занимают Япония и Соединённые Штаты, в ходе этих встреч (как и в ходе двусторонних переговоров) монгольская сторона высказывает поддержку своим коллегам в их стремлении добиться выполнения всех резолюций СБ ООН по Корее и «полной, поддающейся проверке и необратимой» денуклеаризации Корейского полуострова, а также разрешения таких гуманитарных вопросов,

[240] Dierkes, Julian and Mendee Jargalsaikhan. What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit / Julian Dierkes and Mendee Jargalsaikhan // The Diplomat, March 17, 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/ (дата обращения: 03.05.2021)

[241] Wishnick, Elizabeth. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat, June 19, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 03.09.2020)

как уже упоминавшаяся проблема похищенных. В свою очередь, американцы и японцы на этих саммитах неизменно высоко отзываются о миротворческой и посреднической деятельности Монголии как на корейском направлении, так и в рамках миссий ООН в зонах конфликтов по всему миру. Кроме того, США и Япония подтверждают свою приверженность развитию двусторонних связей с Монголией в рамках политики «третьего соседа» [242].

3.4. Содействие Монголии межкорейскому диалогу.

Монгольское руководство стремится содействовать разрешению конфликта между Северной и Южной Кореей, в котором видит угрозу для своей безопасности и мира в регионе. По мнению монгольских дипломатов и экспертов (таких, как нынешний посол этой страны в ФРГ Д.Ганбат), отсутствие диалогового механизма по вопросам безопасности в регионе на протяжении многих лет способствовало разрастанию конфликта[243]. Поскольку шестисторонние переговоры не привели к его разрешению, к успеху может привести иной формат, в частности включающий не входящую в «шестерку» Монголию как посредника. Присутствует и элемент экономического интереса: Транскорейская железная дорога могла бы стать элементом кратчайшего пути из Европы в Республику Корея и прекрасным каналом для торговли между Южной Кореей и Монголией, но она неизбежно должна пройти через территорию КНДР. Продолжающийся конфликт сдерживает также развитие монголо-северокорейских экономических связей и ограничивает возможности сотрудничества в инфраструктурной сфере, такие, как уже упоминавшаяся возможность экспорта монгольских ресурсов через порт Раджин. Примирение же двух Корей приведет к открытию

[242] Joint Statement Mongolia-Japan-U.S. Trilateral Meeting // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/ (дата обращения: 15.08.2020)

[243] Campi, Alicia. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457

северокорейской границы, что устранит главное препятствие для этих торговых маршрутов и предоставит монголам экономические преимущества[244].

Монгольское руководство стремится равномерно развивать взаимодействие с обоими государствами Корейского полуострова, чтобы их страна и впредь воспринималась как дружественная и в Сеуле, и в Пхеньяне. К примеру, в 2011 г. в Улан-Баторе состоялся монгольско-южнокорейский саммит, по итогам которого президенты Ли Мён Бак и Ц.Элбэгдорж заявили, что двусторонние отношения будут выведены на уровень всестороннего партнерства, а расширение связей в различных областях будет способствовать процветанию не только Монголии и Республики Корея, но и всей Северо-Восточной Азии в целом[245]. В числе прочего глава монгольского государства отметил, что его страна приветствует недавно прошедшие переговоры представителей двух Корей на индонезийском Бали и поддерживает усилия Сеула по разрешению конфликта и возобновлению диалога с северокорейской стороной[246]. Два года спустя, в 2013 г., президент Ц.Элбэгдорж посетил с визитом КНДР, где обсудил с северокорейским руководством возможную посредническую роль своей страны в конфликте с РК и ее союзниками, достиг договоренностей о расширении экономического сотрудничества между двумя странами, в том числе в сфере переработки нефти, и побывал в Объединенной зоне безопасности в Пханмунджоме. Тогда же он первым из зарубежных лидеров выступил с лекцией в главном высшем учебном заведении страны – Университете им. Ким Ир Сена. Произнесенная им речь стала сенсационной: за заявлением о том, что «ни одна тирания не длится вечно», а «желание людей жить свободно – это вечная движущая сила», последовала критика коррупции,

---

[244] Battur J. Crisis on the Korean peninsula and Mongolia's position / J.Battur // Mongolian-Taiwanese Join Symposium on "Security of States Other Than Major Powers". – Ulaanbaatar, National University of Mongolia, 28-29.07.2010, pp. 140-142

[245] Campi, Alicia. Expanding Prospects For ROK - Mongolian Relations – The View From Ulaanbaatar / Alicia Campi // Korea Economic Institute of America. - December 2012.

[246] So-hyun, Kim. Korea, Mongolia lift ties to comprehensive partnership / Kim So-hyun // The Korea Herald, August 22, 2011. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20110822000655 (дата обращения: 13.02.2021)

смертной казни и замечание о безъядерном статусе Монголии, подтверждённом пятью постоянными членами СБ ООН[247]. Слова Ц.Элбэгдоржа были восприняты многими зарубежными экспертами как критика северокорейского режима и декларация приверженности западным ценностям либеральной демократии. При этом, поскольку текст речи был согласован с руководством КНДР, следует признать, что в Пхеньяне намеренно допустили столь смелое выступление монгольского президента, возможно, рассчитывая улучшить собственный имидж за пределами страны.

Несмотря на присоединение Монголии к санкциям ООН против северокорейского режима, участие монгольских военных в миссиях НАТО и внешнеполитическую ориентацию монгольской элиты на Запад, в Пхеньяне по-прежнему воспринимают Монголию как дружественную страну, занимающую нейтральную позицию в конфликте вокруг ядерного арсенала Северной Кореи[248]. Куда более болезненна была реакция КНДР на негласное предоставление северокорейским перебежчикам временного убежища в Монголии перед последующим отъездом в Республику Корея или другие страны. Возможностью работать в Монголии в разное время воспользовались тысячи граждан Северной Кореи, и со временем отъезд в эту страну некоторые в КНДР стали воспринимать как путь к бегству от своего авторитарного режима. С 2004 г. южнокорейские общественные и религиозные организации даже несколько раз обращались к монгольскому правительству с предложениями профинансировать строительство на монгольской земле лагерей для беженцев с Севера – эти инициативы, впрочем, были отклонены. В 2006 г., по данным СМИ, ежемесячно на территорию Монголии прибывали до 500 беглецов из КНДР. Такой наплыв беженцев обеспокоил монгольские власти, опасавшиеся, что это приведет к охлаждению отношений с Пхеньяном,

[247] Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings, January 20, 2015.

[248] Bolor Lkhaajav. Mongolia’s Small Country Diplomacy and North Korea / Bolor Lkhaajav // The Diplomat, September 29, 2016. URL: https://thediplomat.com/2016/09/mongolias-small-country-diplomacy-and-north-korea/ (дата обращения: 11.04.2021)

сворачиванию двусторонних экономических проектов и нанесет непоправимый ущерб репутации Улан-Батора как нейтральной стороны в конфликте на Корейском полуострове. В итоге с 2007 г. Монголия стала отказывать северокорейским перебежчикам в убежище, и в последующее десятилетие этот путь для них оказался практически перекрыт, хотя, по некоторым данным, некоторым из достигших до монгольской территории беглецов все же удаётся добраться до Республики Корея[249].

В 2018 г. Монголия и Северная Корея отметили 70-летнюю годовщину установления дипломатических отношений. В том же году состоялся визит министра иностранных дел КНДР Ри Ёнг Хо в Улан-Батор, в ходе которого стороны подтвердили свое стремление к развитию двустороннего экономического сотрудничества, несмотря на международные ограничительные меры, а также обсудили ситуацию на Корейском полуострове и возможную роль Монголии как медиатора при смягчении противоречий между странами-участницами противостояния[250]. Высокий же уровень монголо-южнокорейских партнерских отношений, о котором стороны говорили на саммите 2011 г., был подтвержден в 2015 г. в ходе визита премьер-министра Республики Корея Хван Гё Ана в Монголию, приуроченного к 25-летию установления дипломатических связей. В числе прочего высокий гость отметил положительное отношение Сеула к активным миротворческим действиям монгольской стороны на международной арене. В итоговом заявлении Хван Гё Ан и его монгольский коллега Ч.Сайханбилэг подтвердили значимость поддержания мира и безопасности на Корейском полуострове, подчеркнув взаимную убежденность в необходимости его денуклеаризации. Более того, главы правительств двух стран заявили о намерении укреплять мир в регионе Северо-Восточной Азии путем развития взаимодополняющих

[249] Campi, Alicia. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457
[250] Rinna, Anthony V. Ri Yong Ho in Ulaanbaatar: where the DPRK-Mongolia relationship goes from here / Anthony V. Rinna, edited by Oliver Hotham // The NK News, December 9, 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/12/ri-yong-ho-in-ulaanbaatar-where-the-dprk-mongolia-relationship-goes-from-here/ (дата обращения: 20.02.2021)

инициатив сотрудничества, таких, как монгольский «Улан-Баторский диалог по безопасности» и южнокорейские «Инициатива по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии» и «Евразийская инициатива»[251]. В 2020 г. в рамках празднования 30-летия дипломатических отношений стороны готовились объявить уже о стратегическом партнерстве, и лишь ввиду пандемии COVID-19 этого до сих пор не произошло.

Следует отметить, что в Республике Корея внимательно следили за посредническими усилиями Монголии во взаимоотношениях КНДР и Японии. Несмотря на союзнические отношения с США и схожую с японской позицию по разрешению ситуации с корейской ядерной программой, у Южной Кореи имеются собственные давние проблемы в двусторонних связях со Страной восходящего солнца. По этой причине встречи северокорейских и японских представителей в Улан-Баторе, как и воссоединение семьи Ёкота на монгольской земле, не могли пройти мимо внимания Сеула. В Монголии понимают возможные озабоченности южнокорейской стороны и прилагают определенные силы, чтобы сгладить их и донести до партнеров собственную позицию по посреднической роли своей страны в отношениях КНДР с другими странами. По мнению экспертов, в ходе визита министра финансов Монголии Ч.Улана в Республику Корея в марте 2014 г. помимо прочего обсуждалась и только что состоявшаяся встреча родных М.Ёкоты, а также ее возможное влияние на отношения между Японией и Северной Кореей и будущие шаги монгольской стороны по содействию примирению двух стран[252].

Из Улан-Батора неоднократно звучали заявления о поддержке инициатив Республики Корея по сближению с Севером с целью последующей реинтеграции Корейского полуострова. Еще в 2006 г. монгольский президент Н.Энхбаяр предлагал проводить встречи представителей двух Корей «на

[251] Joint Statement // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://www.mfa.gov.mn/old/?p=30572&lang=en (дата обращения: 14.09.2021)
[252] Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.

нейтральной территории» – в Улан-Баторе, с Монголией в роли посредника. Тогда переговоры не состоялись, хотя идея и получила благожелательный отклик за рубежом. Тем не менее монгольская сторона не забыла о своей инициативе, и впоследствии в ходе встреч с официальными лицами обоих государств Корейского полуострова представители властей Монголии не раз подчеркивали свою готовность оказать любую посильную помощь при организации двусторонних мероприятий. В Монголии регулярно проходят международные мероприятия на уровне экспертов и представителей гражданского общества, где обсуждаются возможности перспективы создания «единой и свободной Кореи». В их числе – форум «Объединение Кореи через снижение напряженности и укрепление доверия»[253] и ежегодный «Монгольский форум по вопросам мирного развития Северо-Восточной Азии и объединения Кореи»[254]. Следует отметить, впрочем, что представители Северной Кореи эти мероприятия не посещают. Кроме того, делегации КНДР и Республики Корея неоднократно принимали участие в организуемой Монголией с 2014 г. ежегодной международной конференции – «Улан-Баторском диалоге по безопасности» – где имели возможность проводить «на полях» встречи друг с другом и с другими сторонами конфликта.

3.5. «Улан-Баторский диалог по безопасности».

Идея проведения региональной конференции по безопасности впервые прозвучала из Улан-Батора еще в начале 1980-х годов. Впоследствии монгольское руководство и экспертное сообщество продолжали развивать эту мысль, в том числе и в рамках курса на более активную миротворческую и гуманитарную деятельность Монголии на международной арене и,

[253] Batchimeg B. International forum on Korean unification to be held in Ulaanbaatar / B.Batchimeg // Montsame, June 06, 2018. URL: https://montsame.mn/ru/read/135419 (дата обращения: 29.09.2020)
[254] Mongolia Forum on Northeast Asian Peaceful Development and Korean Unification (October 26, 2021 - October 28, 2021) // Global Peace Foundation website. URL: https://www.globalpeace.org/event/mongolia-forum-northeast-asian-peaceful-development-and-korean-unification (дата обращения: 18.11.2021)

соответственно, на превращение своей страны в посредника в деле межкорейского примирения. В 2013 г. в ходе VII Конференции министров Сообщества демократических государств президент Монголии Ц.Элбэгдорж анонсировал создание новой переговорной площадки – международной конференции, известной как «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» (Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security)[255]. Среди целей «Улан-Баторского диалога» были заявлены повышение уровня доверия между странами-участницами мероприятия и развитие сотрудничества во имя мира в регионе. 17-18 июня 2014 г. это мероприятие впервые состоялось в монгольской столице при участии более чем 35 представителей зарубежных государств, включая Россию, США, КНР, Японию, КНДР и Республику Корея, а также некоторые европейские страны, в частности Германию и Нидерланды[256].

С тех пор конференция проводится в июне ежегодно, лишь в 2020 г. из-за пандемии коронавируса и закрытия границ его пришлось отменить. С течением времени «Улан-Баторский диалог» стал зонтичной инициативой, включающей менее крупномасштабные и более специализированные мероприятия, такие, как «Встреча женщин-парламентариев стран Северо-Восточной Азии», «Форум мэров городов Северо-Восточной Азии», «Конференция по связям в сфере энергетики в Северо-Восточной Азии», «Симпозиум молодежи стран Северо-Восточной Азии по вопросам регионального сотрудничества» и другие[257]. На самой конференции также появились дополнительные сессии, в том числе по вопросам регионального сотрудничества в сферах энергетики, инфраструктуры, зеленого развития, гуманитарных связей и по проблеме противостояния нетрадиционным

[255] The Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security // the United Nations website. URL: https://www.un.int/mongolia/sites/www.un.int/files/Mongolia/ulaanbaatar_dialogue.pdf (дата обращения: 02.06.2021)
[256] Bolor Lkhaajav. Mongolia’s Small Country Diplomacy and North Korea / Bolor Lkhaajav // The Diplomat, September 29, 2016.
[257] Ulaanbaatar Dialogue Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://mfa.gov.mn/en/documentation/61403/ (дата обращения: 15.06.2021)

вызовам безопасности, а общее число участников ежегодно достигает нескольких сотен. Однако основной темой мероприятия остается международное сотрудничество в регионе и поиск путей обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Именно это направление привлекает наибольшее внимание за рубежом и наибольшее число участников из стран региона и внерегиональных государств (США, Канада, Германия, Швеция, Нидерланды, другие страны Европейского Союза и Швейцария)[258].

На данное мероприятие свои делегации направляют все стороны, вовлеченные в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, что дает им возможность проводить в столице Монголии встречи и переговоры в различных форматах. Так, в 2018 г. на полях конференции встречались представители внешнеполитических ведомств Японии и Северной Кореи: темой обсуждения, по данным СМИ, стала проблема похищенных, с представителями семей которых несколько дней спустя провел встречу японский премьер С.Абэ[259]. Кроме того, с 2017 г. изменился уровень «Улан-Баторского диалога» как дипломатического мероприятия: теперь в нем принимают участие не только правительственные делегации стран-участниц, но и представители научного и экспертного сообщества, а также таких международных организаций, как ОБСЕ, ЕС, АТЭС и Международный комитет Красного Креста. В дипломатической практике это знаменует переход от дипломатии «первого трека» к «полуторному треку». По задумке организаторов, новый формат призван не только сделать более эффективной работу правительственных делегаций за счет поддержки со стороны экспертов, но и превратить конференцию в площадку для развития международного научного сотрудничества. Эта идея органично вписывается в стремление монгольской стороны максимально расширить состав участников

[258] The Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security // the United Nations website.
[259] Shim, Elizabeth. Japan, North Korea officials meet in Mongolia / Elizabeth Shim // The United Press International website, June 14, 2018. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2018/06/14/Japan-North-Korea-officials-meet-in-Mongolia/9521528986525/ (дата обращения: 01.03.2021)

мероприятия, как за счет увеличения числа стран-участниц, так и благодаря привлечению различных негосударственных акторов, а также выделению новых дискуссионных сессий, не относящихся к обсуждению вопросов безопасности[260].

На «Улан-Баторском диалоге» действует так называемое «правило Чатем-хауса» (названо в честь британского Королевского института международных отношений, более известного как «Chatam House»). Оно подразумевает, что участники дискуссии вправе использовать полученную в ходе нее информацию, но не имеют права разглашать личность и принадлежность докладчика. Такой порядок проведения мероприятия позволяет участникам свободнее вести обсуждение и не опасаться высказывать свое мнение[261]. Ввиду остроты противоречий между многими странами-участницами конференции эта мера представляется способом защиты от провокаций и возможной резко негативной реакции общественности на уступки в ходе переговоров, что, например, не раз осложняло и так непростые связи между КНДР и Японией. Более того, тотальное отсутствие доверия между Северной Кореей и ее оппонентами делают «правило Чатем-хауса» необходимостью для того, чтобы в ходе переговоров вообще добиться хоть сколько-нибудь заметного прогресса.

Разумеется, представители всех ключевых стран-участниц по разным причинам собираются в Улан-Баторе не каждый раз. К примеру, в 2019 г. в монгольскую столицу не приехали делегаты из КНДР, хотя ранее северокорейская сторона подтвердила свое планируемое участие: без одного из основных участников обсуждение проблем безопасности в регионе, разумеется, получилось куда менее содержательным[262]. Однако, учитывая закрытость северокорейского режима и глубину противоречий между

---

[260] Anudari M. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security' to be held early June / M.Anudari // Montsame, May 23, 2019. URL: https://montsame.mn/en/read/190418 (дата обращения: 23.08.2020)
[261] The Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security // the United Nations website.
[262] Wishnick, Elizabeth. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat, June 19, 2019.

участниками урегулирования конфликта на Корейском полуострове, монгольская сторона и не рассчитывала на быстрый успех в деле примирения сторон. Встреч в рамках шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР не проводилось с 2008 г., а в 2014 г. Северная Корея официально объявила о своем отказе от этого формата. В отсутствие других устраивающих все стороны нейтральных переговорных площадок, а также в условиях неспособности вовлеченных в конфликт сторон разрешить его за счет двусторонних переговоров «Улан-Баторский диалог» может способствовать межкорейскому примирению в долгосрочной перспективе. Некоторые эксперты полагают, что в будущем эти конференции в Монголии могут превратиться в значимый механизм урегулирования многих региональных проблем в сфере безопасности, сделав, таким образом, Улан-Батор «восточной Женевой или Хельсинки». Разумеется, это произойдет лишь в том случае, если монгольским властям удастся сохранить имидж нейтральной страны-миротворца, а участники «Улан-Баторского диалога» не утратят интерес к этому формату и в целом сохранят настрой на поиск компромисса[263].

Следует упомянуть, что даже если результативность проводимых в Улан-Баторе переговоров будет минимальной, сам факт посреднических усилий Монголии уже приводит к повышению ее авторитета на международной арене и привлекает внимание зарубежных акторов к многосторонним экономическим проектам с монгольским участием. Среди них можно назвать экономический коридор Россия – Монголия – Китай и собственную монгольскую инициативу «Степной путь», а также «Азиатское энергокольцо», создание которого в последний раз обсуждалось на «Улан-Баторском диалоге» в июне 2019 г.[264] Улучшению имиджа Монголии в глазах властей зарубежных стран, иностранных инвесторов, международных

[263] Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings, January 20, 2015.
[264] Anudari M. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security concludes / M.Anudari // Montsame, July 06, 2019. URL: https://montsame.mn/en/read/192066 (дата обращения: 24.08.2020)

организаций и НПО способствуют и другие инициативы, с которыми представители Монголии выступают на конференции: в их числе расширение использования возобновляемой энергии (за счет ветровой и солнечной энергетики), углубление регионального сотрудничества в сфере уменьшения опасности бедствий и повышения благосостояния человека[265]. Члены делегаций стран-участниц «Улан-Баторского диалога» не раз заявляли о высокой оценке усилий монгольского руководства по сближению их позиций по всему спектру обсуждаемых вопросов, и в ближайшем будущем интерес к данному диалоговому формату, по-видимому, сохранится, несмотря на очередное обострение межкорейских отношений в 2020 г. и проблемы, связанные с пандемией COVID-19.

[265] Wishnick, Elizabeth. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat, June 19, 2019.

3.6. Выводы.

В рамках политики «третьего соседа» Монголия стремится к активному участию в международной гуманитарной и миротворческой деятельности. Такой внешнеполитический курс способствует повышению международного авторитета Монголии как нейтрального государства, поддерживающего дружеские отношения со всеми странами вне зависимости от их политического режима и участвующего в урегулировании конфликтов в различных регионах мира. Косвенным следствием миротворческих усилий монголов может служить увеличение притока в их страну зарубежных инвестиций ввиду благожелательных оценок международных организаций и НПО.

Правовые основы участия Монголии в международной миротворческой деятельности начали формироваться с конца 1990-х гг. Впервые монгольские военные наблюдатели были направлены за рубеж в 2002 г. в рамках международных миссий ООН в Западной Сахаре и Демократической Республике Конго. Впоследствии военные контингенты из Монголии неоднократно принимали участие в миротворческих операциях под эгидой ООН, в том числе в Либерии, Сьерра-Леоне, Судане (включая Дарфур и Южный Судан), Центрально-Африканской Республике, Чаде, Эфиопии, Эритрее, Грузии и Афганистане. Направляемые для участия в этих миссиях подразделения монгольских миротворцев невелики в сравнении с воинскими контингентами некоторых других государств, но весьма значительны с учетом размеров Вооруженных Сил Монголии и численности населения страны. Официальные лица ООН не раз отмечали отвагу, решимость и стойкость военных из Монголии, многие из которых были награждены медалями Организации Объединенных Наций. Кроме того, контингенты ВС Монголии участвовали в нескольких крупных военных миссиях под эгидой США и НАТО, в том числе в Афганистане, Ираке и Косово: в этих странах прошли службу тысячи монгольских солдат. Учебный центр Вооружённых Сил

Монголии «Таван-Толгой» в настоящее время используется в качестве Регионального тренировочного центра для международных миротворческих сил и одновременно имеет статус Учебного центра НАТО.

Курс Монголии на развитие сотрудничества со всеми странами вне зависимости от политического режима наряду с географическим расположением страны в Северо-Восточной Азии дает монгольским властям возможность играть особую роль в урегулировании конфликта на Корейском полуострове. Дружественные отношения между Монголией и Северной Кореей сохранялись со времени создания КНДР, с относительно небольшим перерывом после перехода монголов к демократии. Монгольская сторона стремится к развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества с северокорейцами, хотя этот процесс сильно осложнен периодически обостряющейся ситуацией с ракетной и ядерной программой КНДР и наложенными на страну международными санкциями. Пхеньян получает от монголов гуманитарную помощь, а из Улан-Батора редко звучит критика северокорейских властей по вопросу прав человека. Более того, неофициально руководство КНДР проявляет интерес к монгольскому опыту экономических реформ и внешнеполитической концепции «третьего соседа». Уровень доверия северокорейского режима к Монголии выделяет ее среди прочих бывших социалистических стран.

В то же время с конца 1980-х – начала 1990-х гг. монголы приступили к налаживанию сотрудничества с государствами, контакты с которыми были ограничены в период «холодной войны», – с США и их союзниками на Западе и Востоке. Значимость укрепления отношений с развитыми демократическими странами была закреплена в монгольской концепции «третьего соседа». Финансовая помощь этих держав, включая и Республику Корея, облегчила переход Монголии к рыночной экономике и позволила избежать голода. При их содействии Монголия также присоединилась к крупнейшим финансовым и экономическим международным организациям, обеспечив себе дополнительные источники содействия развитию. Ныне

предприятия из этих государств осуществляют ряд взаимовыгодных совместных проектов с монгольскими компаниями, при этом Республика Корея наряду с Японией является крупнейшим экономическим партнером Монголии из числа стран, не граничащих с ней. Несмотря на проблемы в отношениях с КНДР, Южная Корея и её союзники поддерживают развитие монголо-северокорейского сотрудничества и заинтересованы в участии Монголии в процессе межкорейского урегулирования в качестве посредника, которому доверяют все вовлеченные в конфликт стороны.

Разногласия между КНДР, с одной стороны, и Японией и США, с другой, по проблеме северокорейской ядерной программы и по другим вопросам очень сильны, и посреднических усилий Монголии недостаточно для урегулирования конфликтов между ними. Тем не менее монгольские власти внесли определенный вклад в снижение градуса взаимной напряженности в их отношениях, в том числе предоставляя нейтральную площадку для переговоров. С 2007 г. в Улан-Баторе состоялось несколько встреч представителей Японии и КНДР, в ходе которых стороны обсудили вопросы, связанные с захоронениями японских военных на северокорейской территории времен Второй Мировой войны, а также проблему похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан. Именно в монгольской столице в 2014 г. прошла встреча родителей похищенной в 1977 г. японки Мэгуми Ёкоты с семьей их внучки, живущей в КНДР. К сожалению, позитивный эффект от посреднических действий монголов оказался невелик, в том числе ввиду периодических обострений конфликта на Корейском полуострове и болезненной реакции японского общественного мнения на «недостаточную результативность» переговоров. Тем не менее, учитывая глубину японско-северокорейских противоречий, накапливавшихся со времен японского колониального господства в Корее, доверие, которое проявляют обе страны к Монголии, дает надежду на продолжение переговорного процесса.

История посреднических усилий монголов при переговорах между США и КНДР куда скромнее, отчасти из-за неготовности американских

властей к такому формату диалога с Северной Кореей. В 2014 г. представители двух стран провели в Улан-Баторе неофициальную встречу по вопросу возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове; положительных результатов не последовало. В 2018 г. политические деятели и учёные из разных стран мира называли Улан-Батор одним из наиболее вероятных мест проведения саммита лидеров КНДР и США, но мероприятие в итоге состоялось в Сингапуре. Следует отметить ежегодно проходящие с 2015 г. трехсторонние переговоры делегаций внешнеполитических ведомств Монголии, США и Японии. Хотя позиция Монголии по Северной Корее не полностью совпадает с мнением ее партнеров, в ходе этих встреч монгольская сторона выражает поддержку японцам и американцам по их основным доводам в конфликте с КНДР, включая необходимость выполнения всех резолюций СБ ООН по Корее.

Монгольские власти содействуют и диалогу между государствами Корейского полуострова. При этом Монголия руководствуется соображениями обеспечения своей безопасности, поддержания мира в регионе и увеличения своего международного авторитета, а также собственными экономическими интересами. Стремясь к сохранению своей позиции нейтрального посредника, монголы стараются выдерживать баланс в отношениях с КНДР и Республикой Корея, чтобы сохранить восприятие своей страны как дружественной у обоих партнеров. Монголия и обе Кореи регулярно обмениваются визитами на высшем и высоком уровнях, в ходе которых стороны подтверждают приверженность дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству. Как Северная, так и Южная Корея благожелательно отзываются о миротворческой деятельности монголов и о готовности Улан-Батора оказать любую посильную помощь при организации в будущем двусторонних переговоров на монгольской земле.

Монгольским властям приходится прилагать усилия, чтобы соотнести свой имидж демократической страны и доверительные связи с северокорейским режимом. Так, Пхеньян спокойно реагирует на

присоединение Монголия к направленным против КНДР санкциям ООН и даже на периодически звучащую из Улан-Батора критику в области прав человека, но болезненно воспринял использование монгольской территории перебежчиками из Северной Кореи для выезда в третьи страны: монголам пришлось перекрыть этот путь. Сеул же с настороженностью воспринял посреднические усилия монголов на ниве примирения КНДР и Японии, у которой имеются давние проблемы в отношениях с Южной Кореей. Монгольские власти, понимая озабоченности южнокорейцев, постарались донести до руководства Республики Корея информацию о предпринятых на этом направлении шагах и свое видение миротворческой роли Монголии при урегулировании конфликтов между КНДР и другими странами.

Значимую роль в международной миротворческой деятельности Монголии играет конференция «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Идея организации такого мероприятия неоднократно высказывалась монголами с 1980-х гг., но впервые оно состоялось в 2014 г.: тогда в Улан-Баторе собрались более 35 представителей зарубежных государств, включая Россию, США, КНР, Японию, КНДР, Республику Корея и некоторые европейские страны. С тех пор конференция проводится ежегодно. Со временем «Улан-Баторский диалог» стал зонтичной инициативой, включающей в себя несколько дополнительных тематических сессий и ряд более специализированных мероприятий. Но основной темой конференции, привлекающей самое большое количество иностранных участников и наибольшее внимание за рубежом, остается международное сотрудничество в регионе и поиск путей обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии.

На «Улан-Баторский диалог» свои делегации направляют все стороны, вовлеченные в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, что дает им возможность проводить в монгольской столице встречи и переговоры в различных форматах. На полях этого мероприятия в разное время проходили встречи представителей Северной Кореи с японцами,

американцами и делегатами из Республики Корея. С 2017 г. помимо правительственных делегаций к работе конференции подключились представители научного и экспертного сообщества, а также международных организаций: это не только позволяет сделать работу делегатов из стран-участниц более эффективной, но и отвечает целям монгольской стороны максимально расширить количество участников и спектр обсуждаемых вопросов. Кроме того, на конференции действует «правило Чатем-хауса», что позволяет участникам свободно вести диалог в условиях тотального отсутствия доверия между КНДР и ее оппонентами.

Монгольское руководство понимает, что глубина противоречий между участниками урегулирования конфликта на Корейском полуострове слишком велика, чтобы рассчитывать на быстрый успех. В связи с этим проведение «Улан-Баторского диалога» может рассматриваться как «игра вдолгую» в условиях слабой эффективности двусторонних переговоров и отсутствия других устраивающих все стороны нейтральных переговорных площадок. Имеются и другие цели, такие, как повышение международного авторитета Монголии за счет самого факта организации такого мероприятия на монгольской земле и даже возможное превращения этой конференции в механизм урегулирования проблем всего региона Северо-Восточной Азии в сфере безопасности. Первая задача уже успешно выполняется; насколько монгольской стороне будет сопутствовать успех по второй, покажет время.

Заключение

После распада «Восточного блока» и перехода Монголии к демократии в стране начался тяжелый экономический кризис, вызванный прекращением советской помощи, разрывом экономических связей с СССР и трудностями перехода к рыночной экономике. Перед монгольским руководством стоял вопрос выработки нового внешнеполитического курса, и ответом на него стала концепция «третьего соседа». Сама идея «третьего соседа» Монголии была изначально высказана американским дипломатом Дж.Бейкером применительно к США, но монгольские государственные деятели и эксперты подхватили и развили его мысль. В стремлении к большей независимости от России и Китая монголы пришли к пониманию необходимости «многоопорной» внешней политики, и поддержание связей с коллективной «третьей силой» органично дополняло монгольский вариант многовекторности. Новая концепция была закреплена в основных внешнеполитических документах Монголии, а со временем получила и международное признание.

Суть концепции «третьего соседа» состоит в том, что Монголия должна стремиться укреплять отношения не только со своими непосредственными соседями – Россией и Китаем – но и с другими развитыми государствами Запада и Востока (именно их обычно относят к «третьему соседу»), при этом извлекая максимальную выгоду из сотрудничества со всеми зарубежными партнерами, балансируя между ними, избегая чрезмерной зависимости от кого-либо из них и участия в создаваемых ими военно-политических союзах. Монголии также следует сотрудничать с международными организациями (в том числе финансово-экономическими), иностранными правительственными агентствами и НГО, принимать активное участие в международной миротворческой деятельности и содействовать урегулированию конфликтов. Предусмотренный концепцией «третьего соседа» баланс прослеживается не только в межгосударственных связях, но и во взаимоотношениях Монголии с

международными организациями. Монголы сотрудничают как с ЕАЭС и ШОС, где доминируют Россия и Китай, так и со структурами, аффилированными с третьими странами: среди них НАТО, «Сообщество демократий», различные НПО и правительственные агентства.

Подобный внешнеполитический курс зачастую встречается и у других малых государств, стремящихся обеспечить развитие страны и сохранить политическую и экономическую независимость, избежав превращения в сателлита какой-либо великой державы. В случае Монголии страна не имеет выхода к морю и граничит только с двумя государствами – Китаем и Россией – каждое из которых в разные исторические периоды ограничивало ее суверенитет. При этом среди части монгольской элиты распространено мнение о принадлежности обоих соседей к «авторитарным державам», идеологически противостоящим «свободному миру» и Монголии как его части. Кроме того, многие монголы опасаются поглощения либо подчинения их страны КНР, которая уже имеет огромное влияние на монгольскую экономику. Эти факторы также повлияли на формирование политики «третьего соседа» в ее нынешнем виде.

По мнению как монгольских, так и зарубежных исследователей, концепция «третьего соседа» имеет геополитический и идеологический характер и основана на идее баланса сил между ближайшими соседями Монголии (которых западные и прозападные эксперты причисляют к «авторитарным режимам») и внерегиональными державами из числа членов мирового демократического сообщества. Основные внешнеполитические документы Монголии в числе стран «третьего соседа» называют США, страны ЕС, Японию, Республику Корея, Индию и Турцию, характеризуя их как «высокоразвитые демократии». Иначе говоря, для монголов «третий сосед» – это в первую очередь экономически развитые демократические страны Запада и Востока, главным образом Соединенные Штаты и их союзники, а не просто все страны мира за исключением Китая и России. Государства коллективного Запада в Монголии воспринимаются как носители ценностей, утвердившихся

в стране после 1990 г., вследствие чего в политико-идеологическом плане монголы ориентируются именно на западные страны. Более того, от «третьего соседа» и связанных с ним организаций зависит репутация Монголии как демократической страны и, соответственно, продолжение притока иностранных инвестиций и помощи, в которых монголы все еще остро нуждаются для обеспечения экономического развития. Вследствие этого при развитии отношений с ближайшими соседями монгольское руководство вынуждено постоянно оценивать, не вызовет ли тот или иной шаг резко негативной реакции партнеров из числа западных стран. Такая ситуация вполне устраивает государства «третьего соседа», и они стремятся к ее сохранению, а также к закреплению среди монголов сугубо положительного образа своих стран и отрицательного – России и Китая. Таким образом, политика «третьей силы» в монгольском варианте связана не только с сохранением политической, экономической и культурной самостоятельности, с обеспечением безопасности страны и защиты ее границ от возможных внешних военных угроз, но и с обеспечением дальнейшего устойчивого развития монгольской экономики посредством получения на льготных условиях средств от развитых демократических стран, а также с сохранением доминирования в монгольской политической жизни западных идей и ценностей, возобладавших в Монголии после «демократической революции» 1990 г.

В XX веке развитие отношений между Монголией и будущими странами «третьего соседа» было сильно затруднено, вначале из-за непризнания ими независимости Монгольской Народной Республики, затем по причине принадлежности к противостоящим лагерям в ходе «холодной войны». В 1990-х годах эти государства приступили к активному укреплению связей с Монголией: сотрудничество с ней не только сулило им геополитические и, в перспективе, экономические выгоды, но и позволяло избежать роста нестабильности в регионе, а также внедрить в монгольское общество свои ценности и идеологию. Первоначально сотрудничество

Монголии с «третьим соседом» сводилось в основном к поставкам гуманитарной помощи, которая позволила обеспечить быструю перестройку монгольской политической и экономической системы, при этом смягчив негативный эффект от кризиса. При содействии зарубежных партнеров было разработано новое либеральное законодательство, монголы присоединились к международным экономическим и финансовым организациям (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), в стране заработали офисы западные НПО. С конца 1990-х гг., когда кризис в монгольской экономике и переход к демократии в основном завершились, государства «третьего соседа» приступили к реализации взаимовыгодных совместных проектов с монгольскими партнерами, вкладывая средства как в разработку месторождений Монголии, так и в другие перспективные отрасли. Предоставление финансовой помощи при этом не прекратилось, а ее масштабы даже постепенно возрастали. Между монгольскими властями и третьими странами ведется непрерывный диалог, происходят обмены визитами и встречи, подписываются двусторонние соглашения. Между западными и восточными странами «третьего соседа» со временем проявились определенные различия в подходах к сотрудничеству с монголами. Если интерес стран Запада к Монголии в большей степени обусловлен соображениями геополитики и идеологии, то восточные страны в большей степени заинтересованы в Монголии как в рынке сбыта и экономическом партнере, а также посреднике и миротворце при урегулировании конфликта на Корейском полуострове.

Эксперты из Монголии и других стран отмечают: концепция «третьего соседа» успешно исполняет ту роль, для которой некогда была создана. Появление «третьей опоры» внешней политики Монголии и возможность балансировать между великими державами, имеющими интересы в этой стране, позволили монголам преодолеть кризисный период 1990-х гг., укрепить свою экономическую безопасность и получить доступ к дополнительным ресурсам для развития без утраты суверенитета, а активная

международная миротворческая деятельность повысила международный престиж Страны Вечного синего неба. Тем не менее ныне высказываются опасения, что те или иные партнеры Монголии, руководствуясь собственными интересами, могут попытаться принудить монголов к пересмотру внешнеполитического курса.

Исследователи из стран «третьего соседа» утверждают, что ввиду своего географического положения Монголия, несмотря на развитие связей с другими странами, остается уязвимой к посягательствам на ее суверенитет со стороны сопредельных России и Китая. В случае их вмешательства во внутренние дела Монголии, включая прямую военную интервенцию, другие державы не смогут оказать монголам реальную помощь. Монгольские эксперты более осторожны в оценках, но упоминают подозрения ближайших соседей в продвижении Монголией американской повестки дня и их стремление ограничить связи монголов с «третьим соседом», особенно ввиду их нынешней конфронтации с Западом. Ряд исследователей высказывают опасения о чрезмерно большом влиянии Китая на экономику Монголии, которое впоследствии может перерасти в политическую зависимость и даже военную угрозу со стороны Поднебесной. Российские учёные, со своей стороны, отмечают, что от ослабления «российской опоры» внешней политики Монголии ввиду действий государств «третьего соседа» в большей степени выигрывают не они, а именно КНР.

Следует особо отметить, что с развитием китайской инициативы «Один пояс – один путь» взгляды монголов на потенциальную угрозу, исходящую из Поднебесной, несколько изменились. Все чаще монгольские эксперты и политики высказывают мнение, что трансграничная кооперация с Китаем и связующая роль, которую Монголия играет в китайском мегапроекте «Шёлкового пути», не создают системных рисков для Монголии. Масштабные инвестиции, выделяемые КНР на развитие транспортной инфраструктуры в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути», могут стать для Монголии серьезным подспорьем для собственного развития. В то же время это не

отменяет угроз, которые несет усиление китайского экономического влияния на Монголию по другим направлениям, и проблема поиска оптимального соотношения между вызовами и возможностями, которые Стране Вечного синего неба несет сотрудничество с южным соседом, остается актуальной и долговременной.

Деятельность третьих стран ныне сама по себе представляет угрозу для баланса, лежащего в основе концепции «третьего соседа». Монголия по-прежнему остро нуждается в притоке средств из-за рубежа для дальнейшего социально-экономического развития. Доступ к инвестициям и безвозмездной помощи со стороны развитых демократических государств зависит от имиджа Монголии как открытого демократического государства, а соответствие страны этому образу определяют оценки агентств и НПО, связанных с «третьим соседом». Руководство третьих стран это прекрасно понимает и не стесняется увязывать демократическую риторику с лоббированием собственных экономических интересов в Монголии, одновременно предостерегая монголов от слишком тесных связей с «недемократическими» Россией и Китаем, а также созданными ими международными объединениями вроде ШОС. Концепция «третьего соседа» в ее нынешней форме предполагает неучастие Монголии в антикитайских и антироссийских блоках и коалициях, и монгольское руководство, несмотря на участие в военных миссиях США и НАТО, не желает нарушать этот принцип и идти на столь очевидный подрыв национальной безопасности своей страны. Однако в условиях продолжающегося ухудшения отношений между непосредственными соседями Монголии и коллективным Западом во главе с США последние могут усилить давление на монгольскую сторону по данному вопросу и по другим международным инициативам, направленным против России и Китая, с целью принудить монголов к однозначному выбору между своими основными партнерами. Подобное, увы, ранее уже происходило с другими близкими к России государствами на территории бывшего СССР и за ее пределами.

Если западные страны действительно пойдут по этому пути, монголам придется сделать выбор: отказаться от политики «третьего соседа» или существенно ее пересмотреть. Отказ Монголии пойти на поводу у Запада приведет к ограничению финансовой помощи и, вероятно, попыткам организации в стране «цветной революции», а также значительному росту ее зависимости от непосредственных соседей. Согласие же будет означать пересмотр концепции «третьего соседа» в пользу приоритетности связей с США и их союзниками в ущерб отношениям с Россией и КНР, которые не смогут проигнорировать превращение Монголии в военно-политический плацдарм враждебно настроенных государств. Как российской, так и китайской стороне придется учитывать такую возможность при работе на монгольском направлении и принять во внимание вызовы в сфере национальной безопасности, которые возникнут перед Россией, Китаем и Монголией в случае, если последнюю будут склонять к такому выбору.

США и Япония являются ключевыми партнерами Монголии из числа стран «третьего соседа». Они в числе первых начали активно развивать отношения с Монголией, когда руководство страны приступило к демократическим преобразованиям на фоне «перестройки» в Советском Союзе и усиления центробежных тенденций в социалистическом лагере. Именно Соединенным Штатам, точнее, государственному секретарю Дж.Бейкеру монголы обязаны и самим термином «третий сосед», первоначально прозвучавшим в контексте готовности США оказать помощь Монголии на пути к демократии и рыночной экономике. С 1991 г. Япония и Соединенные Штаты оказывали монголам донорскую помощь в виде льготных кредитов и безвозмездного предоставления средств. Полученные от Вашингтона и Токио деньги стали значительным подспорьем для Монголии при трансформации экономической и политической системы, особенно в 1990-х гг., когда страна переживала острый кризис, обусловленный трудностями переходного периода при одновременном прекращении масштабной помощи от северного соседа. С начала 2000-х гг., когда переход Монголии к

демократии и рынку в основном завершился, японские и американские инвесторы совместно с монголами приступили к реализации совместных взаимовыгодных экономических проектов, при этом продолжая предоставление финансовой помощи и развитие двусторонних отношений по другим направлениям. При поддержке США и Японии Монголия присоединилась к МВФ, группе Всемирного банка, ВТО и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), на ее территории были открыты представительства правительственных агентств этих стран (USAID, JICA) и НПО с японским и американским участием. Регулярно проходят визиты и встречи представителей американских и японских властей с монгольскими коллегами на всех уровнях вплоть до высшего.

Для монголов, стремящихся к расширению сотрудничества с экономически развитыми демократическими странами, Соединенные Штаты и Япония являются идеальными «третьими соседями». Обе страны напрямую упомянуты в основных внешнеполитических документах Монголии (Концепции национальной безопасности 2010 г. и Концепции внешней политики Монголии 2011 г.) как основные партнеры из числа государств «третьего соседа». Монголы заинтересованы в наращивании экспорта своих товаров (главным образом, полезных ископаемых и продукции сельского хозяйства) на японский и американский рынок как с целью извлечения прибыли, так и для снижения зависимости от экспорта в сопредельные Россию и Китай, воспринимаемой некоторыми в Монголии как чрезмерная. Япония и Соединенные Штаты располагают финансовыми средствами и технологиями, необходимыми монголам для модернизации и продолжения экономического роста. В глазах ориентированных на западные ценности представителей монгольской элиты тесные отношения с США и Японией – государствами, возглавляющими список развитых демократий Запада и Востока – являются своего рода гарантией того, что непосредственно граничащие с Монголией КНР и Россия более никогда не будут доминировать над этой страной, как это было соответственно при империи Цин и в советский период. Также

поддержка со стороны развитых государств «третьего соседа» расценивается некоторыми монгольскими политиками и экспертами как залог продолжения строительства в Монголии демократической политической системы и недопущения возвращения к авторитаризму под влиянием ближайших соседей.

В свою очередь, Соединённые Штаты и Японию объединяет общая заинтересованность в усилении своих позиций в Монголии и, соответственно, в ослаблении влияния России и КНР на Монголию. Более активная и независимая политика России и Китая на международной арене вкупе с растущей экономической мощью последнего привели к тому, что американские и японские правящие круги начали усиленно продвигать внешнеполитические концепции («Поворот к Азии», «Дуга свободы и процветания», «Индо-Тихоокеанский регион»), в основе которых лежат идеи сотрудничества с демократическими государствами Евразии с целью сбалансировать влияние «авторитарных режимов» и противодействовать им. Политики из США и Японии не стесняются использовать тему «общности демократических ценностей» в связке с вопросами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также предоставления монголам финансовой помощи. Дальнейшие демократические реформы обозначаются как залог укрепления связей со странами Запада, а сближение с Россией и Китаем, напротив, изображается в негативном ключе. Японцы и американцы не боятся вкладывать средства не только в традиционно привлекательные для иностранных инвесторов отрасли, такие, как горнодобывающая промышленность, но и в сферу услуг, инфраструктурное строительство и туристический бизнес, а также в проекты, связанные с улучшением экологической обстановки в Монголии, будь то возведение очистных сооружений или «зеленая энергетика». Кроме того, обе страны уделяют внимание развитию сотрудничества с монгольской стороной в области науки, культуры, образования и здравоохранения, в том числе по линии неправительственных организаций.

При том, что подходы Японии и США к развитию отношений с Монголией схожи, имеются и значимые различия. Соединенные Штаты заинтересованы в Монголии в первую очередь как в геополитическом плацдарме в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии. Они стремятся сохранить и укрепить свое политическое и культурное влияние на монголов, а также обеспечить продолжение процесса «строительства нации» («nation-building») по собственным демократическим лекалам. Американцы имеют возможность воздействовать на проведение реформ и направлять их через подконтрольные им международные организации и НПО. Эта деятельность позволяет США поддерживать свое идеологическое доминирование и укреплять свой авторитет «защитника демократии» в регионе, что, в свою очередь, ослабляет позиции «недемократических» и «авторитарных» государств, к которым американская сторона относит ближайших соседей Монголии. Той же цели служит вовлечение монголов в военные операции под эгидой США и НАТО, равно как и доселе безуспешные попытки так или иначе подключить Монголию к американской системе союзов в Азии. Объемы же экономического сотрудничества Соединённых Штатов и Монголии, к неудовольствию монгольской стороны, невелики и не демонстрируют тенденции к существенному росту. Несмотря на перспективность монгольского рынка, американских инвесторов отпугивает высокий уровень коррупции, громоздкий бюрократический аппарат, проявления монгольского «ресурсного национализма» и неблагоприятная рыночная конъюнктура при инвестировании в полезные ископаемые, добываемые на монгольской территории.

Для Японии, как для одного из ближайших союзников США, при развитии отношений с Монголией соображения геополитики также играют важную роль, что вписывается в вышеупомянутую концепцию «Индо-Тихоокеанского региона». В то же время с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в японо-монгольских отношениях возросла значимость других факторов. Японская сторона заинтересована в расширении экономических связей с

Монголией, которые начали развиваться еще в советский период. В настоящее время Япония является основным экономическим партнером Монголии из числа стран «третьего соседа». Предприниматели Страны восходящего солнца стремятся к расширению деятельности своих компаний на монгольском рынке, увеличению числа совместных проектов и, в перспективе, получению доступа к природным богатствам Монголии. Между двумя странами действует заключенное в 2015 г. двустороннее Соглашение об экономическом партнерстве (EPA), единственное в своем роде для монгольской стороны. Перспективным направлением сотрудничества является энергетика, в частности альтернативная, хотя совместные проекты в атомной отрасли были заморожены после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Развиваются японско-монгольские связи в образовательной и культурной сфере – здесь у Японии имеется преимущество в виде культурной близости к Монголии – и в области медицины, где японские специалисты способствуют повышению уровня оказания медицинских услуг в монгольских клиниках. Кроме того, Япония заинтересована в посреднических усилиях монгольской стороны при урегулировании конфликта на Корейском полуострове.

В рамках политики «третьего соседа» Монголия стремится к активному участию в международной гуманитарной и миротворческой деятельности. Такой внешнеполитический курс способствует повышению международного авторитета Монголии как нейтрального государства, поддерживающего дружеские отношения со всеми странами вне зависимости от их политического режима и участвующего в урегулировании конфликтов в различных регионах мира. Косвенным следствием миротворческих усилий монголов может служить увеличение притока в их страну зарубежных инвестиций ввиду благожелательных оценок международных организаций и НПО.

Правовые основы участия Монголии в международной миротворческой деятельности начали формироваться с конца 1990-х гг. Впервые монгольские военные наблюдатели были направлены за рубеж в 2002

г. в рамках международных миссий ООН в Западной Сахаре и Демократической Республике Конго. Впоследствии военные контингенты из Монголии неоднократно принимали участие в миротворческих операциях под эгидой ООН, в том числе в Либерии, Сьерра-Леоне, Судане (включая Дарфур и Южный Судан), Центрально-Африканской Республике, Чаде, Эфиопии, Эритрее, Грузии и Афганистане. Направляемые для участия в этих миссиях подразделения монгольских миротворцев невелики в сравнении с воинскими контингентами некоторых других государств, но весьма значительны с учетом размеров Вооруженных Сил Монголии и численности населения страны. Официальные лица ООН не раз отмечали отвагу, решимость и стойкость военных из Монголии, многие из которых были награждены медалями Организации Объединенных Наций. Кроме того, контингенты ВС Монголии участвовали в нескольких крупных военных миссиях под эгидой США и НАТО, в том числе в Афганистане, Ираке и Косово: в этих странах прошли службу тысячи монгольских солдат. Учебный центр Вооружённых Сил Монголии «Таван-Толгой» в настоящее время используется в качестве Регионального тренировочного центра для международных миротворческих сил и одновременно имеет статус Учебного центра НАТО.

Курс Монголии на развитие сотрудничества со всеми странами вне зависимости от политического режима наряду с географическим расположением страны в Северо-Восточной Азии дает монгольским властям возможность играть особую роль в урегулировании конфликта на Корейском полуострове. Дружественные отношения между Монголией и Северной Кореей сохранялись со времени создания КНДР, с относительно небольшим перерывом после перехода монголов к демократии. Монгольская сторона стремится к развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества с северокорейцами, хотя этот процесс сильно осложнен периодически обостряющейся ситуацией с ракетной и ядерной программой КНДР и наложенными на страну международными санкциями. Пхеньян получает от монголов гуманитарную помощь, а из Улан-Батора редко звучит критика

северокорейских властей по вопросу прав человека. Более того, неофициально руководство КНДР проявляет интерес к монгольскому опыту экономических реформ и внешнеполитической концепции «третьего соседа». Уровень доверия северокорейского режима к Монголии выделяет ее среди прочих бывших социалистических стран.

В то же время с конца 1980-х – начала 1990-х гг. монголы приступили к налаживанию сотрудничества с государствами, контакты с которыми были ограничены в период «холодной войны», – с США и их союзниками на Западе и Востоке. Значимость укрепления отношений с развитыми демократическими странами была закреплена в монгольской концепции «третьего соседа». Финансовая помощь этих держав, включая и Республику Корея, облегчила переход Монголии к рыночной экономике и позволила избежать голода. При их содействии Монголия также присоединилась к крупнейшим финансовым и экономическим международным организациям, обеспечив себе дополнительные источники содействия развитию. Ныне предприятия из этих государств осуществляют ряд взаимовыгодных совместных проектов с монгольскими компаниями, при этом Республика Корея наряду с Японией является крупнейшим экономическим партнером Монголии из числа стран, не граничащих с ней. Несмотря на проблемы в отношениях с КНДР, Южная Корея и её союзники поддерживают развитие монголо-северокорейского сотрудничества и заинтересованы в участии Монголии в процессе межкорейского урегулирования в качестве посредника, которому доверяют все вовлеченные в конфликт стороны.

Разногласия между КНДР, с одной стороны, и Японией и США, с другой, по проблеме северокорейской ядерной программы и по другим вопросам очень сильны, и посреднических усилий Монголии недостаточно для урегулирования конфликтов между ними. Тем не менее монгольские власти внесли определенный вклад в снижение градуса взаимной напряженности в их отношениях, в том числе предоставляя нейтральную площадку для переговоров. С 2007 г. в Улан-Баторе состоялось несколько

встреч представителей Японии и КНДР, в ходе которых стороны обсудили вопросы, связанные с захоронениями японских военных на северокорейской территории времен Второй Мировой войны, а также проблему похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан. Именно в монгольской столице в 2014 г. прошла встреча родителей похищенной в 1977 г. японки Мэгуми Ёкоты с семьей их внучки, живущей в КНДР. К сожалению, позитивный эффект от посреднических действий монголов оказался невелик, в том числе ввиду периодических обострений конфликта на Корейском полуострове и болезненной реакции японского общественного мнения на «недостаточную результативность» переговоров. Тем не менее, учитывая глубину японско-северокорейских противоречий, накапливавшихся со времен японского колониального господства в Корее, доверие, которое проявляют обе страны к Монголии, дает надежду на продолжение переговорного процесса.

История посреднических усилий монголов при переговорах между США и КНДР куда скромнее, отчасти из-за неготовности американских властей к такому формату диалога с Северной Кореей. В 2014 г. представители двух стран провели в Улан-Баторе неофициальную встречу по вопросу возобновления шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове; положительных результатов не последовало. В 2018 г. политические деятели и учёные из разных стран мира называли Улан-Батор одним из наиболее вероятных мест проведения саммита лидеров КНДР и США, но мероприятие в итоге состоялось в Сингапуре. Следует отметить ежегодно проходящие с 2015 г. трехсторонние переговоры делегаций внешнеполитических ведомств Монголии, США и Японии. Хотя позиция Монголии по Северной Корее не полностью совпадает с мнением ее партнеров, в ходе этих встреч монгольская сторона выражает поддержку японцам и американцам по их основным доводам в конфликте с КНДР, включая необходимость выполнения всех резолюций СБ ООН по Корее.

Монгольские власти содействуют и диалогу между государствами Корейского полуострова. При этом Монголия руководствуется

соображениями обеспечения своей безопасности, поддержания мира в регионе и увеличения своего международного авторитета, а также собственными экономическими интересами. Стремясь к сохранению своей позиции нейтрального посредника, монголы стараются выдерживать баланс в отношениях с КНДР и Республикой Корея, чтобы сохранить восприятие своей страны как дружественной у обоих партнеров. Монголия и обе Кореи регулярно обмениваются визитами на высшем и высоком уровнях, в ходе которых стороны подтверждают приверженность дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству. Как Северная, так и Южная Корея благожелательно отзываются о миротворческой деятельности монголов и о готовности Улан-Батора оказать любую посильную помощь при организации в будущем двусторонних переговоров на монгольской земле.

Монгольским властям приходится прилагать усилия, чтобы соотнести свой имидж демократической страны и доверительные связи с северокорейским режимом. Так, Пхеньян спокойно реагирует на присоединение Монголия к направленным против КНДР санкциям ООН и даже на периодически звучащую из Улан-Батора критику в области прав человека, но болезненно воспринял использование монгольской территории перебежчиками из Северной Кореи для выезда в третьи страны: монголам пришлось перекрыть этот путь. Сеул же с настороженностью воспринял посреднические усилия монголов на ниве примирения КНДР и Японии, у которой имеются давние проблемы в отношениях с Южной Кореей. Монгольские власти, понимая озабоченности южнокорейцев, постарались донести до руководства Республики Корея информацию о предпринятых на этом направлении шагах и свое видение миротворческой роли Монголии при урегулировании конфликтов между КНДР и другими странами.

Значимую роль в международной миротворческой деятельности Монголии играет конференция «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Идея организации такого мероприятия неоднократно высказывалась монголами с 1980-х гг., но впервые оно

состоялось в 2014 г.: тогда в Улан-Баторе собрались более 35 представителей зарубежных государств, включая Россию, США, КНР, Японию, КНДР, Республику Корея и некоторые европейские страны. С тех пор конференция проводится ежегодно. Со временем «Улан-Баторский диалог» стал зонтичной инициативой, включающей в себя несколько дополнительных тематических сессий и ряд более специализированных мероприятий. Но основной темой конференции, привлекающей самое большое количество иностранных участников и наибольшее внимание за рубежом, остается международное сотрудничество в регионе и поиск путей обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии.

На «Улан-Баторский диалог» свои делегации направляют все стороны, вовлеченные в процесс урегулирования ситуации на Корейском полуострове, что дает им возможность проводить в монгольской столице встречи и переговоры в различных форматах. На полях этого мероприятия в разное время проходили встречи представителей Северной Кореи с японцами, американцами и делегатами из Республики Корея. С 2017 г. помимо правительственных делегаций к работе конференции подключились представители научного и экспертного сообщества, а также международных организаций: это не только позволяет сделать работу делегатов из стран-участниц более эффективной, но и отвечает целям монгольской стороны максимально расширить количество участников и спектр обсуждаемых вопросов. Кроме того, на конференции действует «правило Чатем-хауса», что позволяет участникам свободно вести диалог в условиях тотального отсутствия доверия между КНДР и ее оппонентами.

Монгольское руководство понимает, что глубина противоречий между участниками урегулирования конфликта на Корейском полуострове слишком велика, чтобы рассчитывать на быстрый успех. В связи с этим проведение «Улан-Баторского диалога» может рассматриваться как «игра вдолгую» в условиях слабой эффективности двусторонних переговоров и отсутствия других устраивающих все стороны нейтральных переговорных площадок.

Имеются и другие цели, такие, как повышение международного авторитета Монголии за счет самого факта организации такого мероприятия на монгольской земле и даже возможное превращения этой конференции в механизм урегулирования проблем всего региона Северо-Восточной Азии в сфере безопасности. Первая задача уже успешно выполняется; насколько монгольской стороне будет сопутствовать успех по второй, покажет время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

На монгольском языке:

1. Зэвсэгт хүчний тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «О Вооружённых силах»] // 16.05.2002. URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/285?lawid=285 (дата обращения: 09.08.2020)
2. Монгол Улсын Гадаад бодлогын үзэл баримтлал [Концепция внешней политики Монголии] // 10.02.2011. URL: https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340 (дата обращения: 15.08.2019)
3. Монгол Улсын Төрийн цэргийн бодлогын үндэс [Основы государственной военной политики Монголии] // URL: https://vip76.mn/law/project/97 (дата обращения: 14.05.2020)
4. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] // 15.07.2010. URL: https://www.legalinfo.mn/annex/details/8070?lawid=6163 (дата обращения: 01.05.2021)
5. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан [Объединенный фонд статистической информации Национального статистического комитета Монголии]. URL: http://1212.mn/Stat.aspx?LIST_ID=976_L09_1&type=tables (дата обращения: 25.05.2020)
6. Хөрөнгө оруулалт 2020 [Инвестиции 2020] // Үндэсний статистикийн хороо [Национальный статистический комитет Монголии], 2021. URL:

https://www2.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Investment_2020.pdf&ln=Mn (дата обращения: 29.04.2021)

7. Цэрэг, цагдаагийн албан хаагчийг Нэгдсэн Үндэстний Байгууллагын энхийг сахиулах болон олон улсын бусад ажиллагаанд оролцуулах тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «Об участии военнослужащих и сотрудников полиции в миротворческих операциях ООН и других международных операциях»] // 17.05.2002. URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/7162?lawid=7162 (дата обращения: 20.09.2020)
8. Энхийг дэмжих ажиллагаанд оролцох тухай Монгол Улсын хууль [Закон Монголии «Об участии в поддержании мира»] // 20.05.2010. URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/84?lawid=84 (дата обращения: 16.08.2020)

На английском языке:

9. 2021 Investment Climate Statements: Mongolia // U.S. Department of State official website. URL: https://www.state.gov/reports/2021-investment-climate-statements/mongolia__trashed/ (дата обращения: 08.03.2022)
10. Ambassador Campbell Remarks on Mongolia's Investment Climate at NAMBC General Meeting [Замечания Посла Кэмпбелл об инвестиционном климате в Монголии на общем собрании Делового совета Северная Америка – Монголия] // U.S. Embassy in Mongolia, 21.04.2015. URL: https://mn.usembassy.gov/ambassador-campbell-remarks-mongolias-investment-climate-nambc-general-meeting/ (дата обращения: 03.03.2020)
11. Asia-Pacific: Mongolia: investment darling no more // International Financial Law Review. - March 2013, Vol. 32 Issue 2, p. 46-46.
12. Culture and Education // U.S. Embassy in Mongolia. URL: http://mongolianembassy.us/culture-and-education/#.YG74aFAmxPY (дата обращения: 02.04.2021)

13. Fulbright Student Program in Mongolia // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/education-culture/scholarships/fulbright-student/ (дата обращения: 05.07.2020)
14. H.R.2219 - Mongolia Third Neighbor Trade Act // Official website for U.S. Federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2219/text (дата обращения: 12.02.2020)
15. H.R.2824 - Mongolia Third Neighbor Trade Act // Official website for U.S. Federal legislative information. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2824/text?s=1&r=1 (дата обращения: 09.04.2022)
16. Japan, Mongolia: Geographic Challenges to a Free Trade Agreement // Stratfor Analysis. - March 2012, p. 34 1 p. URL: https://worldview.stratfor.com/article/japan-mongolia-geographic-challenges-free-trade-agreement (дата обращения: 15.08.2019)
17. Japan-North Korea Relations. Abduction Victims Identified by the Government of Japan // Ministry of Foreign Affairs of Japan website. / December 28, 2018. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kp/page1we_000068.html (дата обращения: 01.05.2021)
18. Japan’s Assistance to Mongolia // Embassy of Japan in Mongolia. URL: https://www.mn.emb-japan.go.jp/news/ODAenglish.PDF (дата обращения: 18.08.2020)
19. Joint Statement // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://www.mfa.gov.mn/old/?p=30572&lang=en (дата обращения: 14.09.2021)
20. Joint Statement Mongolia-Japan-U.S. Trilateral Meeting // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/joint-statement-mongolia-japan-u-s-trilateral-meeting/ (дата обращения: 15.08.2020)
21. MEDIA NOTE: Declaration on the Strategic Partnership between the United States of America and Mongolia // U.S. Embassy in Mongolia. URL:

https://mn.usembassy.gov/strategic-partnership-declaration-us-mongolia/ (дата обращения: 17.09.2021)

22. Mongolia. Working with Mongolia on wide-ranging education reforms // Cambridge Assessment International Education website. URL: https://www.cambridgeinternational.org/working-with-governments/our-experience/mongolia/ (дата обращения: 03.04.2021)
23. Mongolia: Strengthening Health Security Program (Subprogram 1) // Asian Development Bank website. URL: https://www.adb.org/projects/54228-001/main (дата обращения: 28.04.2021)
24. Mongolia / Japan // The Observatory of Economic Complexity (OEC) website. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/mng/partner/jpn (дата обращения: 27.02.2022)
25. Mongolia / South Korea // The Observatory of Economic Complexity (OEC) website. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/mng/partner/kor (дата обращения: 27.02.2022)
26. Mongolia and the USAID // The USAID Official Website. URL: http://www.usaid.gov/mongolia/history (дата обращения: 07.07.2020)
27. Mongolia and U.S. Announce Their Participation in Khaan Quest 2019 // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/2019-pr-khan-quest/ (дата обращения: 14.07.2020)
28. Mongolia Forum on Northeast Asian Peaceful Development and Korean Unification (October 26, 2021 - October 28, 2021) // Global Peace Foundation website. URL: https://www.globalpeace.org/event/mongolia-forum-northeast-asian-peaceful-development-and-korean-unification (дата обращения: 18.11.2021)
29. Mongolia Investment Climate Statement 2018 // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/2018-investment-climate-statement-mongolia (дата обращения: 07.07.2020)
30. Mongolia Joins Standby Arrangements for Peacekeeping Operations // the United Nations website, 27.09.1999. URL:

https://www.un.org/press/en/1999/19990927.pko82.doc.html (дата обращения: 05.04.2021)

31. Mongolia Water Compact // Millennium Challenge Corporation website. URL: https://www.mcc.gov/where-we-work/program/mongolia-water-compact (дата обращения: 03.12.2021)
32. NATO and Mongolia agree programme of cooperation // NATO Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85430.htm (дата обращения: 08.07.2020)
33. NATO helps to strengthen Mongolia's cyber defence capacity // NATO website, 18 Jan. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180697.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 04.04.2021)
34. President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar, Mongolia [Речь Президента США Джорджа У. Буша в конференц-зале Дворца Правительства Монголии] // 21.11.2005. URL: https://2001-2009.state.gov/p/eap/rls/rm/2005/57239.htm (дата обращения: 03.06.2020)
35. Signing of Japanese ODA Loan Agreement with Mongolia: Contributing to COVID-19 crisis response in Mongolia through providing budgetary support // Japan International Cooperation Agency website, November 5, 2020. URL: https://www.jica.go.jp/english/news/press/2020/20201105_30.html (дата обращения: 22.03.2021)
36. Statement on the Visit of CEO Dana J. Hyde to Mongolia (For Immediate Release) // Millennium Challenge Corporation website, June 1, 2015. URL: https://www.mcc.gov/news-and-events/release/release-060115-statement-on-the (дата обращения: 01.04.2021)
37. Supporting a female entrepreneur in Mongolia // U.S. International Development Finance Corporation (DFC) website. URL: https://www.dfc.gov/investment-story/supporting-female-entrepreneur-mongolia (дата обращения: 11.08.2021)

38. The Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asia Security // the United Nations website. URL: https://www.un.int/mongolia/sites/www.un.int/files/Mongolia/ulaanbaatar_dialogue.pdf (дата обращения: 02.06.2021)
39. Ulaanbaatar Dialogue Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Mongolia website. URL: http://mfa.gov.mn/en/documentation/61403/ (дата обращения: 15.06.2021)
40. U.S. International Development Finance Corporation // U.S. Embassy in Mongolia. URL: https://mn.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/192/dfc-mongolia.pdf (дата обращения: 11.08.2021)
41. U.S.-Mongolia Trade Facts // Office of the United States Trade Representative. URL: https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/mongolia (дата обращения: 10.07.2021)
42. Projects in Mongolia. Education // Peace Corps website. URL: https://www.peacecorps.gov/mongolia/projects/ (дата обращения: 05.04.2021)

Литература

На русском языке:

43. Аюшиева И.Г. Современная концепция внешней политики Монголии – попытка преодоления буферного характера государственности / И.Г.Аюшиева // «Вестник Томского государственного университета». – Томск, 2008, разд. «История», №316, С. 71-73
44. Баасансурэн Б. Монголия в тисках ее соседей / Б.Баасансурэн – Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2014. – 174 с.
45. Базаров В.Б. Внешнеполитический курс Монголии в XXI в. // Власть. 2016. Том 24. № 10. С. 83-87.
46. Базаров В.Б. Монголо-японские дипломатические отношения / В.Б.Базаров // Власть. - 2009. - N 9, с. 157-159.

47. Базаров В.Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 136-140.
48. Бойкова Е.В. Монголия-Южная Корея: 20 лет дипломатических отношений / Е.В. Бойкова // Новое Восточное Обозрение. - 2010 г.
49. Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973 / Р.Болд // М.: Весь мир, 2015. – 400 с.
50. Борисов Г.О., Дондоков З.Б.-Д., Намжилова В.О. Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: режим ожидания // ЭКО. 2017. № 5 (515). С. 98–106.
51. Главы правительств провели переговоры / «Новости Монголии», 04 апреля 2013 г., №13 (890), стр. 3.
52. Грайворонский В.В. Монголия в начале XXI в. (политика, экономика, общество) / В.В.Грайворонский // М.: ИВ РАН, 2017, 352 с.
53. Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития / В.В.Грайворонский // РСМД. - 20 января 2014 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/ (дата обращения: 22.09.2020)
54. Грайворонский В.В. Первые шаги к новой модели развития / В.В.Грайворонский // Восток. – 1996. – № 6. – С. 92-97.
55. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов / М.И.Гольман // М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
56. Гольман, Марк. Монголия – посредник и партнер КНДР / Марк Гольман // NEO – Новое Восточное Обозрение, 08.08.2014. URL: https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/ (дата обращения: 24.08.2020)
57. Гольман, М.И. Монголия на путях перемен / М.И.Гольман // Восток. – 1996, № 6, С. 102-104.

58. Железняков А.С., Баасансурэн Д., Недяк И.Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики / А.С.Железняков, Д.Баасансурэн, И.Л.Недяк // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 121-132.
59. Железняков А.С. Размышления о внешней политике Монголии в XX веке / А.С. Железняков // Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 164-183
60. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария // М.: Ладомир, 2004. – 384 с.
61. Игнатов И.А. Американо-монгольские отношения в контексте концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2020. – №9. – С. 44-57.
62. Игнатов И. А. Монгольская внешнеполитическая концепция «третьего соседа»: история, особенности и перспективы / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – №1. – С. 53-67.
63. Игнатов И.А. Монгольская концепция «третьего соседа» и ее влияние на развитие российско-монгольских отношений / «Российско-монгольские отношения: от истоков до современности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией». – Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2021. – С. 91-96.
64. Игнатов И.А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – №6. – С. 6-14.
65. Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» / И.А.Игнатов // Японские исследования. – 2020. – №1. – С. 69-84.
66. Коногоров Н.М. Инвестиционное сотрудничество Монголии с зарубежными странами / Н.М.Коногоров // БИКИ. – 1998, № 113, 24 сент., С. 4

67. Кузьмин Ю.В. Поиск Монголией нового места в международной экономике и мировой геополитике / Ю.В.Кузьмин // Роль финансово-экономического образования в инновационном развитии регионов России: материалы Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 6-12 октября 2008 г. – Иркутск: 2008. – С. 153-159.
68. Кузьмин Ю.В. Поиск Монголией нового места в мире: К проблеме «Третьего Соседа» / Ю.В.Кузьмин // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 114–117.
69. Лиштованный Е.И. От Великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е.И.Лиштованный // Иркутск: ИГУ, 2007. – 198 с.
70. Лузянин С.Г. Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии / С.Г.Лузянин // Восток. - 1996.- № 6.
71. Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай: исторические и современные трансформации / С.Г.Лузянин // Восток. - 2021. № 5. С. 141-152.
72. Лузянин С.Г. Эволюция политической системы и политической культуры Монголии / С. Г. Лузянин // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – с. 731-751
73. Новейшая история стран Азии и Африки: материалы к лекционному курсу/ редкол.: А.Д. Воскресенский (пред.) и др.; научн. ред. и сост. С.Б. Дружиловский; МГИМО (У) МИД России, каф. востоковедения – М.: МГИМО-Университет, 2008 г. – 400 с.
74. Портякова, Наталья. Пути Трампа и Кима сойдутся в Монголии / Наталья Портякова // Известия, 28 апреля 2018 г. URL: https://iz.ru/736446/nataliia-portiakova/puti-kima-i-trampa-soidutsia-v-mongolii (дата обращения: 05.03.2021)

75. Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт / В.А.Родионов, И.Г.Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017, № 420, с. 125-130.
76. Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» / В.А.Родионов, А.С.Железняков // РСМД, 01.10.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariey/ (дата обращения: 20.09.2021)
77. Родионов В.А. Национальная безопасность Монголии в контексте отношений с Россией / В.А.Родионов // Власть. – 2013, № 02, С. 137-140
78. Системная история международных отношений: в 4 томах / под ред. А.Д. Богатурова // М.: НОФМО, 2003, Т. 3: 1918-2003. – 720 с.
79. Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии / отв. ред. В.А. Родионов // Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2013. – 248 с.
80. Стрельцов, Дмитрий. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений / Дмитрий Стрельцов // Международная жизнь, №9-2018. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076 (дата обращения: 09.09.2021)
81. Учрал, Ням-Осор. Международное признание независимого статуса Монголии / Ням-Осор Учрал // Власть. – 2018, № 08, С. 102-104
82. Яскина Г.С. Аграрный сектор экономики Монголии на подступах к рынку / Г.С.Яскина // М.: ИВ РАН, 1998 г. – 229 с.
83. Яскина Г.С. Монголия и внешний мир / Г. С. Яскина // М.: ИВ РАН, 2002. – 220 с.
84. Яскина Г.С. Политические реформы в современной Монголии / Г.С. Яскина // Проблемы Дальнего Востока. – 1995, № 5, С. 43-51.

85. Яскина Г.С. Роль внешнего фактора в политическом и социально-экономическом развитии Монголии / Г. С.Яскина // Проблемы Дальнего Востока. – 2006, № 3, С. 133-145.

На монгольском языке:

86. Базарваань Г. «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожуулье [Расширение политики «Третьего соседа»]. / Г.Базарваань // Стратегийн судалгаа – The Mongolian journal of strategic studies. – 03.2013. - №63. – Х. 16-20

87. Л.Пүрэвсүрэн сайд Мянганы Сорилтын Корпорацийн Дэд Ерөнхийлөгчийг хүлээн авч уулзав [Министр Л.Пурэвсурэн принял Вице-президента Корпорации «Вызовы тысячелетия»] // Сайт Министерства иностранных дел Монголии, 2015.07.17. URL: http://www.mfa.gov.mn/?p=27878 (дата обращения: 20.03.2017).

88. Олзвой Х. Ж. Бейкерийн айлчлал хийгээд «гуравдахь түнш»-ийн асуудалд [Визит Дж. Бейкера и вопрос о «третьем соседе»] / Х. Олзвой // Олон улсын харилцаа. – 2002. – № 1. – Х. 166-168.

На английском языке:

89. Addleton Jonathan S. Mongolia and the United States: A Diplomatic History / Jonathan S. Addleton // ADST-DACOR Diplomats and Diplomacy Series. - Hong Kong: Hong Kong University Press. 2013.

90. Allan M. Wachman. Mongolia’s Geopolitical Gambit: Preserving a Precarious Independence While Resisting “Soft Colonialism” // EAI Fellows Program Working Paper Series 18, Seoul: The East Asia Institute, 2009, p. 9

91. Ankhtuya B. Mongolia to repatriate peacekeepers from Afghanistan / B.Ankhtuya // News.mn website, 08.07.2020. URL: https://news.mn/en/793346/ (дата обращения: 05.04.2021)

92. Anudari M. Japan to grant USD 1.8 mln non-refundable aid to Mongolia / M.Anudari // Montsame, March 12, 2019. URL: https://montsame.mn/en/read/182693 (дата обращения: 07.07.2020)
93. Anudari M. Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian Security' to be held early June / M.Anudari // Montsame, May 23, 2019. URL: https://montsame.mn/en/read/190418 (дата обращения: 23.08.2020)
94. Baljmaa T. Mongolia Water Compact enters into force / T.Baljmaa // Montsame, April 01, 2021. URL: https://montsame.mn/en/read/258968 (дата обращения: 10.07.2021)
95. Batbayar Ts. Mongolia's Foreign Policy at the Beginning of XX Century: New Identity and New Challenges / Ts. Batbayar // RSIM. – 2002. – № 17. – P. 198-204.
96. Batchimeg B. International forum on Korean unification to be held in Ulaanbaatar / B.Batchimeg // Montsame, June 06, 2018. URL: https://montsame.mn/ru/read/135419 (дата обращения: 29.09.2020)
97. Batchimeg M. Mongolian Economic Background and Political Destiny / M. Batchimeg // Mongolians after Socialism: Politics, Economy, Religion / ed. by Bruce M. Knauft, Richard Tauper. - Ulaanbaatar: Admon Press, 2012. - P. 53-60.
98. Battur J. Crisis on the Korean peninsula and Mongolia's position / J.Battur // Mongolian-Taiwanese Join Symposium on "Security of States Other Than Major Powers". – Ulaanbaatar, National University of Mongolia, 28-29.07.2010, pp. 140-142
99. Bayarsaikhan, Dorjsuren. Financing health promotion in Japan and Mongolia / Dorjsuren Bayarsaikhan // Bulletin of the World Health Organization. - November 2008, Vol. 86 Issue 11, p. 896-897.
100. Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia / R. Bold. – Ulaanbaatar: Institute for Strategic Studies, 2000.
101. Bolor Lkhaajav. Mongolia's Small Country Diplomacy and North Korea / Bolor Lkhaajav // The Diplomat, September 29, 2016. URL:

https://thediplomat.com/2016/09/mongolias-small-country-diplomacy-and-north-korea/ (дата обращения: 11.04.2021)

102. Branigan, Tania. Mongolia's special relationship with North Korea pays economic dividends / Tania Branigan // The Guardian, October 25, 2013. URL: https://www.theguardian.com/world/2013/oct/25/mongolia-north-korea-special-relationship (дата обращения: 01.05.2021)

103. Byambajav D. NGOS in Mongolia: a Crucial factor in Mongolian Society and Politics / D. Byambajav // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2006. – №13. – P. 132-146.

104. Campi A. Mongolia in Northeast Asia – the New Realities / A.Campi // Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries. – Taiwan: Chinese Culture University, 2004. – P. 268-287.

105. Campi A. US policy towards Mongolia since diplomatic recognition in 1987 / A. Campi // New Delhi, 2007. – 233 p.

106. Campi, Alicia. Expanding Prospects For ROK - Mongolian Relations – The View From Ulaanbaatar / Alicia Campi // Korea Economic Institute of America. - December 2012. - URL: https://keia.org/wp-content/uploads/2020/05/kei_koreacompass_template_aliciacampi.pdf (дата обращения: 20.05.2021)

107. Campi, Alicia. How North Korea–Mongolia Relations Have Jump-Started The Korean Peninsula Peace Process / Alicia Campi // Asia Pacific Bulletin. - Washington, DC, February 20, 2019, No. 457

108. Campi, Alicia. Mongolia–South Korean Relations / Alicia Campi // The Eurasian Monitor. - March 31, 2014, Volume 11, Issue 60.

109. Caprara, David L., Moon, Katharine H.S., Park, Paul. Mongolia: Potential Mediator between the Koreas and Proponent of Peace in Northeast Asia / David L. Caprara, Katharine H.S. Moon, and Paul Park // Brookings, January 20, 2015. URL: https://www.brookings.edu/opinions/mongolia-potential-mediator-between-the-koreas-and-proponent-of-peace-in-northeast-asia/ (дата обращения: 09.09.2020)

110. Choi, Ha-young. Mongolia to send coal through N. Korean port / Ha-young Choi // The NK News. – February 25, 2015. URL: https://www.nknews.org/2015/02/mongolia-to-send-coal-through-n-korean-port/ (дата обращения: 12.04.2021)

111. Dierkes, Julian and Mendee Jargalsaikhan. Mongolia in an Emerging Northeast Asian Region / Julian Dierkes, Mendee Jargalsaikhan. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 91-100.

112. Dierkes, Julian and Mendee Jargalsaikhan. What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit / Julian Dierkes and Mendee Jargalsaikhan // The Diplomat, March 17, 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/ (дата обращения: 03.05.2021)

113. Dierkes Julian B. Change in Democratic Mongolia: Social Relations, Health, Mobile Pastoralism, and Mining / ed. by Julian B. Dierkes. Leiden: Brill, 2012. – 352 pp.

114. Discovering Peacekeeping as a New Mission: Mongolia / Thomas C. Bruneau and Jargalsaikhan Mendee // The Routledge Handbook of Civil–Military Relations / ed. by Thomas C. Bruneau and Florina Christiana Matei. Abingdon-on-Thames, Oxfordshire, The United Kingdom: Routledge, 2013, pp. 204-210.

115. Dulguun B. Highway Connects UB to Khushig Valley as New Airport Opens / B.Dulguun // The UB Post. - July 2019, № 076 (2044), p. 3.

116. Dulguun B. New Solar Power Project Sets Example to Draw Investors' Attention / B.Dulguun // The UB Post. - March 2019, № 033 (2001), p. 1 and 5.

117. Dulguun B. 2019 proclaimed "Mongolia-U.S. Youth Year" / B.Dulguun // The UB Post. - March 2019, № 023 (1991), p. 4.

118. Ewing, Thomas E. Russia, China, and the Origins of the Mongolian People's Republic, 1911-1921: A Reappraisal / Thomas E. Ewing // The Slavonic and East European Review, July 1980, Vol. 58, No. 3, pp. 399-421

119. Harnessing the Inexhaustible Resources of Wind Energy // The Mongolian Observer. – 31 October 2017, № 10, Vol. 064, p. 26-29.

120. Hayashi, Kaoru and Minato, Kunio. Evaluation of Japan's ODA to Mongolia // Foundation for Advanced Studies on International Development, for the Ministry of Foreign Affairs of Japan, March 2021. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/evaluation/FY2020/pdfs/mongolia.pdf (дата обращения: 02.04.2021)

121. Ishida, Koichiro. Mongolia looks to Japan to get out of China's economic shadow / Koichiro Ishida // The Asahi Shimbun. - April 2013. URL: http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201304010090 (дата обращения: 16.04.2015)

122. Krusekopf, Charles. North Korea and Mongolia: A New Partnership for Two Old Friends? / Charles Krusekopf // The East-West Center, Washington, D.C. – The Asia Pacific Bulletin, November 14, 2013, № 240. URL: https://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb240.pdf (дата обращения: 15.04.2021)

123. Lee, Will. Mongolia's Newest Airport Opens for Operations / Will Lee // AirlineGeeks, July 06, 2021. URL: https://airlinegeeks.com/2021/07/06/mongolia-s-new-airport-has-launched/ (дата обращения: 10.03.2022)

124. Masaki, Hisane. Japan and Mongolia sign free trade agreement / Hisane Masaki // International Trade News – JOC. - February 10, 2015. URL: https://www.joc.com/international-trade-news/japan-and-mongolia-sign-free-trade-agreement_20150210.html (дата обращения: 15.08.2019)

125. Mendee, Jargalsaikhan. Mongolia's Peacekeeping Commitment / Col. Jargalsaikhan Mendee // National Defense Intelligence College, May 2007.

URL: https://www.ni-u.edu/ni_press/pdf/Mongolia_Peacekeeping_Commitment.pdf (дата обращения: 03.04.2021)

126. Mongolia-Japan Teaching Hospital Opens // The UB Post. - April 2019, № 037 (2005), p. 4. 1 p.

127. Mongolia: Mineral, Mining Sector Investment and Business Guide. Volume 1: Strategic Information and Regulations (updated) // International Business publications. - Global Investment Center, Washington D.C., USA. 2013.

128. Mongolia's 'Third Neighbor' Foreign Policy // Asia Society website. – Seoul, June 18, 2013. URL: https://asiasociety.org/korea/mongolias-third-neighbor-foreign-policy (дата обращения: 10.09.2021)

129. Panda, Ankit. What Do North Korea And Mongolia Have In Common? / Ankit Panda // The Diplomat, October 30, 2013. URL: https://thediplomat.com/2013/10/what-do-north-korea-and-mongolia-have-in-common/ (дата обращения: 05.06.2021)

130. Rinna, Anthony V. Ri Yong Ho in Ulaanbaatar: where the DPRK-Mongolia relationship goes from here / Anthony V. Rinna, edited by Oliver Hotham // The NK News, December 9, 2018. URL: https://www.nknews.org/2018/12/ri-yong-ho-in-ulaanbaatar-where-the-dprk-mongolia-relationship-goes-from-here/ (дата обращения: 20.02.2021)

131. Rossabi Morris. Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists / Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press, 2005, 398 pp.

132. Security Sector Governance in Mongolia: Almanac 2017 // The Ulaanbaatar Center for Policy Studies and the Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF) / Ulaanbaatar, 2007. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/Security%20sector%20governance%20Mongolia%20Almanac%202017.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

133. Service and Sacrifice: Mongolia continues to strengthen its contribution to UN peacekeeping // UN News website, 09.03.2018. URL: https://news.un.org/en/story/2018/03/1004552 (дата обращения: 05.05.2021)

134. Shim, Elizabeth. Japan, North Korea officials meet in Mongolia / Elizabeth Shim // The United Press International website, June 14, 2018. URL: https://www.upi.com/Top_News/World-News/2018/06/14/Japan-North-Korea-officials-meet-in-Mongolia/9521528986525/ (дата обращения: 01.03.2021)

135. So-hyun, Kim. Korea, Mongolia lift ties to comprehensive partnership / Kim So-hyun // The Korea Herald, August 22, 2011. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20110822000655 (дата обращения: 13.02.2021)

136. Soni Sharad K. The Geopolitical Dilemma of Small States in External Relations: Mongolia's Tryst with "Immediate" and "Third" Neighbours / Sharad K. Soni. – Ulaanbaatar: The Mongolian Journal of International Affairs, 2018, Vol. 20, pp. 27-44.

137. Small States in World Politics: Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A. K. Hey. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. 230 pp.

138. Tomlinson R. From Genghis Khan to Milton Friedman: Mongolia's Wild Ride to Capitalism. With elan, optimism, and a little help from Harvard, Mongolians are trying to make their country a model of American-style democratic capitalism / R.Tomlinson // Fortune magazine. - 1998. - URL: http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/1998/12/07/252130/index.htm (дата обращения: 24.12.2022).

139. Tsedendamba B. Mongolia's Foreign Policy in the 1990's: New Identity and New Challenges / B. Tsedendamba. – Ulan Bator, 2002. – 135 p.

140. Turmunkh R. President’s Chief of Staff Z.Enkhbold Visits USA / R.Turmunkh // The UB Post, № 015 (1983), February 11, 2019, p. 1.

141. Turmunkh R. Ulaanbaatar Dialogue promotes Northeast Asian security / R.Turmunkh // The UB Post, № 063 (2031), July 07, 2019., p. 1, 4

142. Ulambayar D. A New Paradigm in Mongolia’s «Third Neighbor» Diplomacy and Soft Balancing / D.Ulambayar // Pax Mongolica 2017, №2, pp. 18-28

143. Varriale, Gemma. Mongolia Salkhit financing sets foreign security precedent / Gemma Varriale // International Financial Law Review. - September 2012, Vol. 31 Issue 8, p. 30.

144. Wishnick, Elizabeth. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? / Elizabeth Wishnick // The Diplomat, June 19, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 03.09.2020)